

ГРАФИТ

литературный альманах

№5

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель
редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Татьяна Бочкарь

Художник номера: Мария Тарадова

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Сентябрь 2013 года, г.о. Тольятти.

Электронную версию журнала можно найти по адресу:
graffitt.ru

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Виталий Науменко	5
Игорь Тишин	9
Петр Черников	17
Виктор Лисин	23

КНИГА ПРОЗЫ

Андрей Князев	28
---------------	----

ОКРЕСТНОСТИ

Сергей Пиденко	50
Владимир Сапожков	52
АЙВЕНГО	53
Дмитрий Перегудов	55

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Елена Карева	61
--------------	----

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Альбина Гурская	66
Татьяна Гоголевич	71
Виктория Сушко	76
Дмитрий Перегудов	80

МИР-ЧУЖБИНА

Ануар Дуйсенбинов, Петр Бочкарев, Александр Касымбаев, Евгений Кирсанов	87
--	----

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Кирияк Кондратович	96
NOTA BENE	118

ПОСТСКРИПТУМ

Николай Болдырев	124
КНИГА ЗА КНИГОЙ	139
АВТОРЫ	151

Виталий Науменко

Л.

Три вокзала я очень тогда полюбил,
потому что не спал, потому что не жил,
а как мантры, шептал расписания их –
самый верный, пустой и чужой пассажир,
хор одних променявший на хрипы других.

На Казанском не спал ради музыки сфер.
На плечо опирался башкой офицер,
и впивался, и ныл, будто скоро расчет,
точно девственный крик его к бою зовет,
и Брюнхильда из бара берет на прицеп.

В Ярославском не жил я еще потому,
что встречал тебя здесь, не спускал никому
ни наглеж, и ни стаж, ни словарный багаж.
Остальное стояло в товарном дыму,
пропитавшем не небо, но нижний этаж.

А вдогонку стрелял Ленинградский вокзал -
тот, что главное слово еще не сказал, –
подтверждал: поезжай, на седьмом этаже...
Только я не дослушал, я выжил, я знал
и не верил, что за поворотом уже...

Три вокзала, как сходни, под небом висят,
их голодные звери шипят и вопят.
Этот трубный оркестр собирала страна
чтобы ткнуть горловой, строевой наугад
и попасть, и тогда уж тебе не до сна.

ПОЭЗИЯ

*Андрею В. Богданову,
другу и соавтору*

Мы наконец пробились
до половины слова,
даже до полстакана,
что я вру, до полнеба.
Звезды стоят, как он себе расставил.
Плохо стоят, косо стоят, нелепо.

Вышли да два цыгана
в ночь с холостой подпевкой;
станешь тут окаянной,
самою першей девкой...

Гикнем да по-гусарски,
если гусар морочат
бусы твои да цацки
из непробудной ночи.

Куртку ли, плащ одерну,
крикну, не будет мало,
в стынувший вывих черный:
ты же не дочитала...

ПОСВЯЩЕНИЕ РОМИ ШНАЙДЕР

Роми сказала: «Я не манекенщица и не подарок»,
«Я могла бы выбрать любого, если бы не пустота»,
«Которая делает бабочку женщиной, а потом товаром»,
«Вы меня не увидите, пока не заплатите за
пронумерованные места».

Роми вышла вон, и бил дождь, и был ветер.
Я стоял с таким безразличьем, как над нею звёзды,
и вдыхал чёрный холодный воздух посреди моста

ПОЭЗИЯ

Не бывает мёртвых, бывают те, кто
их принимает за мёртвых и, как с мёртвыми, за них
говорит.

А они молчат.

«Это только воздух, только слух и глаза».

Случается воздух, выдохнуть который нельзя.

Роми вышла. И снег на сиденья падал.
Выбоины, равнина – что ещё там за мной?
С той же цифры она всё начнет сначала,
Подыграв на дудочке жестяной.

Мы выходили. Было холодно.
Но снег – какой бы части света –
Не засыпает гололёд
На этом пяточке, на этом –

Плывёшь себе, не глядя под ноги
И, огибая магазины,
Ты покупаешь подлость полночи
Сквозь полосатые витрины....

Разбитый вдреизг, разбитый на сколько –
Кто подсчитает? – отражений,
Я завершаю, скроен наскоро,
Последний выговор сражений.

Я проиграл, но лёд не кончился,
И ход конька под это подыгран,
Когда летит обрывок солнечный
В каток разбрызганный, разодранный.

ПОЭЗИЯ

Герману Власову

Когда буддистская гроза,
Как прочерк – загоревшись, грифель
Тьму поразит и без ножа –
Надрезанный античный профиль...

Добавится к осанке спесь...
Из дребезжащей перепонки
Весь этот хлам разбросан здесь –
На запонки, для новой кройки.

На смену встанут рыбаки,
Не доставляя беспокойства,
Исчисливши из-под руки,
Где море молу отдается.

Что-то, нашарив руками,
Ты угадала в воде...
Памяти нету у камня,
Память в тебе и нигде.

Может, в заёмной квартире,
Сложенной буквою ять?
Полночь на двадцать четыре
Ни раскусить, ни разъять....

Снова обрывки отваги
Ветер уносит в окно;
Браво полощутся флаги,
Дети шагают в кино.

“С песней, заученной в детстве,
Там, где селянки во ржи....”
Каждое слово на месте –
Ну, Расскажи, Расскажи...

Игорь Тишин

попутный ветер происходит наяву
в порыве нежности травмирует траву
катапультирует в дневную синеву
автомобильные мужские голоса
прости красавицу не светит подвезти
она ступает по счастливому пути
царевна лебедь иудейская почти

в груди пульсирует заморская попса
во лбу звезда горит как неповинный спирт
вослед за ней сквозь битум прорастает мирт
и весь непланомерный поднебесный мир
сосредоточен в ней

*скамейка парк жатецкий гусь ничипурук
автобус платице ресницы пальцы рук
прикосновенный свет разбросанный вокруг
макдональдс песенка дрожание теней*

не гасни точка не падай не темней

инсценировка казни

тамбурный воздух всюду железнодорожная келья
земля беспозвоночных аскетов мёрзлая власяница
за всю жизнь ну никак не выходит привыкнуть к похмелью
и к жизни самой не получится приноровиться

поезд роддом кладбище техническая остановка
вид за окном всё тот же спальный район аптека
пытка водой и водкой преждевременная инсценировка
безвременная распродажа скоропостижная ипотека

ПОЭЗИЯ

никому не доводится знать что все сделали прошлым
летом

существует ли что-то ещё кроме того что ещё существует

любила ли по́па собака что есть общего между тьмой и
светом

почему на самом деле нельзя поминать твоё имя всеу

ты сидишь в головном вагоне спасибо тебе и на этом

город, секс

1

город это запах общественных уборных, пыльной земли
это вид из маршрутки, пот пассажиров, истёрханные рубли
проволочные сетки, бензоколонки, круглосуточные ларьки
это раскалённые тротуары, это ты, показавшаяся вдали
растянутые колготки, волосы, сломанные каблуки
это слеза, скатившаяся по твоей щеке, и следом ещё слеза
это автомобильные фары, подглядывающие из-за
поворота, это мы в тридевятой квартире, на про́клятом
этаже
это всё, что бросается в наши глаза
и лежит у нас на душе

2

это лежит на душе, это становится неприятнее и темней
это проказа крошащихся зданий, карцинома ночных огней
разъедает наши слова, пропускает их мимо ушей
это лампы потухшей тьма, белизна наших тел под ней
путеводная карта ложбинок, родинок и прыщей
все достопримечательности, укусы, царапинки, синяки
памятники прошлых ночей, от левой твоей руки
до правой моей руки, улицы, храмы, рестораны, сады
школы, вокзалы, торговые центры, берег реки
река, падающая звезда, след от падающей звезды

жёлтый платок

у меня подружка есть
невозможно глаз отвести
жёлтый платок, золотая прядь

мы с ней любим гулять, гулять
по безлюдным дворам, дворам
по поздним по пасмурным вечерам
держаться за руки, отводить глаза
не ревнуй меня к юльке, ты красивая, а она коза

у неё в семье страшные творятся дела
у неё было двое бабушек, одна умерла
вторая пропала, заявили в милицию, не нашли
как прыщик, исчезла с лица земли

нашли только очки её и клюку

у неё было двое дедушек, теперь их нет
один за другим отправились на тот свет

любимая, жёлтый платок, голубой вельвет
нужно быть начеку

смерть поджидает на каждом шагу

у юльки есть братик и мама с отцом
она вроде держится молодцом
только звякнуло что-то в её груди
точно последняя порвалась струна
но самое страшное вроде бы позади
никогда не вернутся те скорбные времена

ПОЭЗИЯ

раньше мы с юлькой гуляли допоздна, допоздна
напивались допьяна, допьяна
а когда мы ходили под полной луной
мне мерещились крылья у нас за спиной
я думал, она будет вечно со мной

мы расстались с ней прошлой весной

она ушла к другому, а я — к тебе
золотая прядь в жестяном сентябре
жёлтый платочек, мелькающий в тёмном дворе
вода дождевая на нижней губе
огонёк путеводный в моей
непроглядной судьбе

а юлька коза
не ревнуй пожалуйста к ней

метеппсихоз

все мертвецы воскресают в нас
их слёзы дрожат в уголках наших глаз
они не умирают, просто переезжают
вроде как меняют адреса
и, когда вибрируют наши связки
звучат их взволнованные, ржавые, их шелестящие голоса

до того, как я стал настоящим, теперешним мной
я был питерской стенографисткой, Достоевской женой
ещё раньше — клювастым врачом, давил из карбункулов
гной
ещё-ещё раньше под ногтями моими чернела зола
вперемешку с хной

а в самом начале я был ровно тем же, чем ты была
тьмой над бездною, сгустком земли и неба, добра и зла
дикой, девственной тишиной

в дебрях аокигахары

*«...Они некоторое время слоняются неподалёку
перед тем, как пойти по тропинке, а ещё они
стараятся ни с кем не встречаться глазами».*

*Кадзуаки Аmano
кассир торгового центра «Lava Cave»*

1

говорят, живи, она не стоит твоей любви
не стоит даже мизинца, ногтя на мизинце, волоска с брови
не ищи с ней встреч, не звони, не пиши
возьми отгул, посмотри тиви

но кобаяси не внемлет, он всё для себя решил
он должен исчезнуть в лесной тиши
ибо в зеркале видит не глаза, переносицу, скулы, рот
а надгробный памятник своей души

чёрное море деревьев он переходит вброд
чёрное море деревьев, где компас нещадно врёт
с веток свисают люди с белыми воротничками
дно устлано мхом, корнями, пустыми бумажниками,
раздавленными очками
пластиковыми бутылками, сухими листьями, визитками,
паутинками, паучками
крышечками, деловыми костюмами, сосновыми шишками
и клещами
этикетками от средств по борьбе с клещами
ничьими теперь вещами

сквозь выкрики мародёров, хохот демонов лесных слышна
эта пронзительная, оглушающая тишина
как в тот день, когда вы стояли на

перроне пригородного вокзала, и она
без умолку повторяла, что это не её вина, даже не твоя
вина
поскольку тот, чья жизнь превратилась в ад
разве может быть в чём-нибудь виноват

поскольку тот, чья жизнь превратилась в дремучий лес
прячет глаза, углубляется в чащу, не помнит дороги назад
чтобы только лисицы и змеи видели, как ты залез
на дерево, слышали, как верёвка скрипит, как шея твоя
хрустит
видели, как золотая цепочка на ней блестит

видели, как мародёр, обчищающий висельников ради
наживы
срывает эту цепочку, слышали, как он фальшиво
насвистывает похоронный марш, обшаривая мёртвого
кобаяси
и, ничего не найдя в карманах, удаляется восвояси

призрак кобаяси

я кобаяси в сумрачном лесу, как я вошёл сюда
сквозь всхлипы призраков я слышу поезда
сквозь их тоскливый, демонический вой
я слышу твой голос, до неузнавания твой
ты стоишь на перроне, припорошенная листвой

я знаю, что на тебе синие стринги, бежевый лифчик, чулки
вязаная кофта, босоножки, я знаю, что пальцы твои тонки
как веточки самшита, знаю, что они дрожат

ПОЭЗИЯ

потому что мои дрожат, потому что стёкла вокзальные
дребезжат
весь мир урчит, как живот пианиста из мюзик-холла
трещит, похрипывает, искрится, как барахлящая магнитола
шипит, как аспирин-упса, как открытая кока-кола

ты не говоришь, как его зовут, кто он вообще такой
ты уходишь, не обернувшись, не помахав рукой
тонешь в толпе, продираешься через лес
сгрудившихся у дверей пассажиров, и всё в мире теряет
вес

теряет звук, цвет, запах, объём, сужается, гаснет, как
кинескоп

весь мир превращается в лес, лес превращается в гроб
в ослепляющей темноте, я вижу, поезд уносит тебя
навсегда
что я делаю здесь, что я делаю здесь, как я попал сюда
в оглушающей тишине, я слышу, падают сосновые шишки
сердце стучит по рёбрам, словно комья земли по дубовой
крышке
во мгле мерцает красный огонёк радиовышки

кассир, желтокожий, словно лимонная цедра
смотрит на меня из окошка торгового центра
смотрит будто бы сквозь меня, будто бы нет меня
будто бы я не стою на этой тропинке, на исходе этого дня
он смотрит на сплошную стену деревьев, откуда доносится
жуткий вой
и, чтобы согнать наваждение, трясет головой
отворачивается, вертит в руках замороженный антрекот
сканер считывает штрих-код

ПОЭЗИЯ

телевизор в чёрном углу горит
усатый дяденька оттуда говорит
папа с маменькой лежат, не спят
слушают, что говорит

он говорит нет такой буквы в этом слове
нет такой буквы в этом слове
нет такой буквы в этом слове
сектор-приз

у дяденьки глаза, седая голова
из него растёт болотная трава
у него в руке магический жезл
варвара петровна абсолютно права

она приносит ему дары
с берегов Угры
с ней приехали две сестры
они вам сейчас споют

она отказывается от супер-игры

пользуясь случаем, передаёт привет
коллективу горбольницы номер два

на папу с маменькой из угла
источается вечный свет

и в мире нет
никакого зла

Петр Черников

СЧИТАЛКА

Начать всё с чистого листа
попытка досчитать до ста
мир непоколебим.
Всё станет на свои места
и жизнь проста, и смерть пуста
как невесомый дым.

На месте старое пальто,
на полке Данте и Кокто -
культурный атавизм.
Когда же произносишь «сто»,
становится понятно, что
сквозь этот схематизм.

День – смесь обиды и вины
за то, что не сбывались сны
и с этим чувством я
жду наступления весны
на юге северной страны
в пустыне бытия.

Свет звезды, что спорит с темнотою
(Борис Рыжий)

Вновь тяжелеет голова,
когда стою в осеннем сквере,
перебирая все слова,
чтоб обозначить в полной мере

живущих в сумрачной глуши,
где путник путника не встретит,
где гибель призрачной души
мир с равнодушьем не заметит.

Я силюсь вспомнить имена:
тот умер сам, того убили,
других в лихие времена
еще при жизни позабыли.
Бессильна память, коротка,
не благосклонна для открытий.
И стихотворная строка
куда длинней, чем нить событий.

Никто не скажет никогда,
с чего бы вдруг над головой
поспорит с темнотой звезда
и вдруг сольется с темнотой.

По снегу талому зимой
среди простых нелепых зданий
брести дорогою домой,
где мертвый груз воспоминаний
тебя отыщет, в свой черед
поманит странною музыкой
так, словно кто-то позовёт
среди вселенной безъязыкой.
Лишь хлюпанье живой воды
нарушит общее молчанье.
Полозьев спутаны следы
и твоих мыслей сочетанье.

Вроде рано вершить итоги,
непротоптаны все дороги,
недоделано столько дел
в этом мире белковых тел.
Что выходит в суммарном остатке?
Посадить морковку на грядке,
пару строчек отшлифовать?
Не спросить у кого, не узнать.

Но под вечер само собою
вдруг навалится всей гурьбою
мыслей путаных череда,
так бывает со мной всегда.
Это всё из Державина что-то
звон времен и костлявой работа.
Как подумаешь сразу всерьез
ожидает метаморфоз.

Вот светила сменяют друг друга,
припечёт, а потом сразу вьюга.
Успевай лишь одёжу менять,
в суете не заметишь как тать
подкрадётся и всё подытожит
что-то вычтет, разделит, умножит,
скорректирует в нужных местах
и по ветру рассеется прах.

По снегу талому зимой
среди простых нелепых зданий
брести дорогою домой,
где мертвый груз воспоминаний
тебя отыщет, в свой черед
поманит странною музыкой
так, словно кто-то позовёт
среди вселенной безъязыкой.
Лишь хлюпанье живой воды
нарушит общее молчанье.
Полозьев спутаны следы
и твоих мыслей сочетанье.

Вроде рано вершить итоги,
непротоптаны все дороги,
недоделано столько дел
в этом мире белковых тел.

Что выходит в суммарном остатке?
Посадить морковку на грядке,
пару строчек отшлифовать?
Не спросить у кого, не узнать.

Но под вечер само собою
вдруг навалятся всей гурьбою
мыслей путаных череда,
так бывает со мной всегда.
Это всё из Державина что-то
звон времен и костлявой работа.
Как подумаешь сразу всерьез
ожидаешь метаморфоз.

Вот светила сменяют друг друга,
припечёт, а потом сразу выюга.
Успевай лишь одежду менять,
в суете не заметишь как тать
подкрадётся и всё подытожит
что-то вычтет, разделит, умножит,
скорректирует в нужных местах
и по ветру рассеется прах.

КАТАРСИС

Овидий изучен, прочитан Гомер,
и стало всё странным кругом.
Другим, непонятым. Возьмем, например,
хотя бы пейзаж за окном.
Вдоль рощи Дубки протекала река
из точки а в точку икс.
Но мне-то известно наверняка
здесь, что не река то Стикс.

Гармония, мера - основа основ.
Архейский суровый уклад.
А я, как патриций преклонных годов,
гуляю туда и назад.
Однажды у этого старого пня

ПОЭЗИЯ

прилежно, с отдачею сил
три варвара били усердно меня,
хоть я их о том не просил.

Смотрю на деревья, на жизнь на страну -
испорчен нацеленный взгляд.
Вот так и бывает, чуть дашь слабинку
культура пускает свой яд.
Заветные дарит свои имена,
плоды от античных щедрот.
Так словно прошли навсегда времена
обыденных дел и забот.

*Или ещё такой сюжет
я есть, а в то же время нет.*

Л.Лосев.

А вот ещё один мотив,
как много разных перспектив
ждут у последнего порога:
Харона подплывет пирога,
Вергилий ждет благочестив –
любая хороша дорога.
А вот и тезка у ворот
стоит суров, длиннобород,
ключи от райского чертога
в руках сжимает, смотрит строго
на суевающийся народ.

Или другой возьмём сюжет -
ты раньше был, а нынче нет
тебя в пределах Таганрога.
Душа сбежала из острога
телесного, простыл и след.
Земля уныла и убога,
но где-то юный неофит
прочтет Псалтырь, затем Левит.
Казалось бы ещё немного
и разгадает тайну Бога.

Но разум сердцу говорит:
«Не бойся, ложная тревога».
Как это странно и смешно
знать, что давно всё решено.
Хоть вариантов много
у общего итога.

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Всё на месте топтался, ожидая, когда
путеводная вспыхнет, укажет, куда
должен путь пролегать пилигрима.
В помощь путнику станет дорога ясна:
траектория выбрана, схема верна,
но одно лишь непредставимо
как принять и привыкнуть к мысли о том,
что однажды исчезнут сейчас и потом,
превратившись в статичные даты.
Как по чьей-то команде построятся в ряд
это точка отсчета, а следом подряд
стоит день твоего невозврата.

Это злость накатила, а после хандра.
Исчезает сегодня вслед за вчера.
Остаются попутные строки.
Когда день отшумел и закатом остыл,
проступают следами беспечных чернил
твоего пребывания вещдоки.
Твоего пребывания на скучной земле
все улики на письменном старом столе,
что в вечернем стоит полумраке.
Ну а где-то на самой большой высоте
вспоминают ещё иногда обо мне,
посылая условные знаки.

ПОЭЗИЯ

Виктор Лисин

после смерти пчёлы становятся
ветром
ветром в голове пасечника

слушаю жужжание комбайна

смотрю
на
медовые колосья

в голове концепция улья
напоминающего
формой

человека

под скорлупой семени
постоянно идет
дождь

мы улыбаемся внутри
мы
смотрим

мокрая однокрылая
курица
клюет
собственное тело

мы режем ей солнце
мы
смотрим сквозь

ПОЭЗИЯ

влажное крыло сирени
влажное крыло

господа

семь заповедей воздуха
семь голосов

не-до-гусениц
не-до-бабочек

ОНИ молятся
ОНИ

слышат
воздух

сквозь
кокон

собственных крыльев

рыбы боятся говорить
рыбы знают о звуках

ОНИ слышат шепот
ВОДЫ
воздуха
водорослей

-молчииите-
-молчииите-

...тишина священна...

ПОЭЗИЯ

рыбы хотят умереть
рыбы знают о боге

среди облаков они
поют
порхают
посвистывают

-молчииите-
-молчииите-

...вы все еще живы...

рыбы плывут к небесам

рыбы не скажут и слова

и стали слова песком

пустыней
стали
голоса

в рыбьих глазах Петра

Христос

идет
по
воде

ПОЭЗИЯ

о девочка поющая о солнце и доме

скольких детей
нашли
среди

подсолнухов

танец рыбы на крючке голоса

скользящая удочка
речи

девочка на станции ленинская

красная
революция платья

новый
мавзолей сумочки

стремление учиться на грани

невозможного

Андрей Князев

Очерки и рассказы

ИМПЕДОКЛ - УДАЛЫЙ МОЛОДЕЦ.

Злые люди сунули Импедокла в гроб, заколотили гвоздями, засыпали землей и ушли. Лежит Импедокл в гробу, а вылезти не может. Пришли на кладбище ночью Студенты, вынули Импедокла из гроба и понесли в Медицинский Институт - чучело набивать. Импедокл вырвался от студентов и убежал в лес. А в лесу - избушка, в избе - старушка - ест из кастрюли трюфели. Пригляделся Импедокл - да это ж Баба Яга! Вот входит Импедокл:

- Здорово, бабуля. Приятного аппетита.

- Здравствуй, сынок, - Отвечает Баба Яга, - зачем пожаловал ?

- Ты что, старуха! - Вскрикивает Импедокл, - Зачем не по русскому обычаю приветствуешь?

Озлилась Баба Яга на импедоклову щепетильность и хотела съесть Импедокла, а Импедокл хрясь ей палкой по голове... Грянулась бабка о земь и обратилась красой-девицей:

- Хлеб-соль тебе, добрый молодец - развеялись чары, что Кащей проклятый наложил. Теперь буду верной тебе женой-супружницей, а Кащея проклятого мы так еще отделаем - не обрадуется.

- Ай, спасибо, девица-красавица. Буду и я верным тебе супружником, а Кащея проклятого мы еще не так изрешетим - не обрадуется.

И впрямь умер Кащей в тот же день, потому как только назывался бессмертным, а сам старенький был.

(1994 г.)

КНИГА ПРОЗЫ

СУДЬБА ФАРМАЦЕВТА.

У маленького Валеры есть верный помощник. Это его полевая аптечка по имени Аптечка. И всякий раз, когда Валера ранит голову о ржавую железку или вырывает ноготь, полевая аптечка по имени Аптечка оказывает ему первую медицинскую помощь, да так ловко, что вторая медицинская помощь зачастую оказывается не нужна, и Валера снова может беспечно веселиться в песочнице.

И было предсказано, что так будет продолжаться не вечно, а только до тех пор, пока какой-нибудь злой шутник не украдет у Валеры Аптечку, и Валера, укушенный бешеным микробом, не умрет. Но Ангелы возвратят Валеру к жизни, чтобы он выжил, нашел Аптечку и обезвредил злого шутника, который украл у него Аптечку, но сделать это Валере будет непросто потому, что злой шутник по имени Щёточка окажется Злым Волшебником, который живет в большом Сарае на вершине горы и повелевает оттуда полчищами ядовитых страусов, всем надоевших, дурно пахнущих, мерзостных самим фактом своего существования.

Такая вот судьба предсказана Валере, но он не унывает и продолжает верить в свою счастливую звезду.

(1994 г.)

ЧЕРНО-БЕЛЫЕ СНЫ.

Снится мне, который год,
Будто я громоотвод...

И еще бывает так, как например, если засну - тут же вижу еще какой-нибудь кошмарный сон, например такой сон, как будто я водопровод. Проснусь и думаю: ну и сон - прямо ерунда какая-то. А то вот еще усну, а во сне ко мне приходит, что вот сижу я и ем печенье, а потом спать ложусь, а во сне опять-таки ем печенье. Проснусь и думаю - а где ж печенье? Должна оставаться еще половина, не в том сне, который второй, а там, где я в первый раз отключался.

КНИГА ПРОЗЫ

А то ведь, что получается - уснул-то ведь я два раза, а проснулся только один, значит нахожусь в том, первом сне, где еще осталась половина печенья, а их нет - можно подумать, что пока я сплю, экстрасенсы ко мне сюда влезли и выкрали печенье.

Так-так... Заглядываю под кровать, а оттуда Крокодил вылезает - хватя меня за ногу и отгрыз - да так ловко! А я на другой ноге ковыляю и залез на шкаф, а Крокодил снизу зубами щелкает.

Взял я газету и стал читать, а там написано: сегодня - праздник и этот праздник наша редакция нашла удивительным и пречудесным Явлением и поздравляет всех нас с таким Явлением. Почитал еще немножко, смотрю, а товарищ мой зеленый уж подкрался, сидит рядышком и зубы скалит. Взял я газету - свернул трубочкой - и в морду ему, в морду, а сам думаю: сплю я или не сплю, тут еще бабушка надвое сказала, а Крокодил сгрыз газету и смотрю - совсем разулыбался, и тянет ко мне чешуйчатые руки, чтобы схватить и покушать, а я думаю - что если ущипну себя - будет ли польза?.. А Крокодил - вот ведь гадина какая - схватил меня в зубы и под кровать тянет - смотрю, а у него там целый склад - и варенье, и печенье, и мармелад, и тут же книжка про двух мореходов - Доброго и Злого, и много-много славных игрушек, а Крокодил откусил мне голову и отдохнуть прилег и снится ему, будто случилось непоправимое - у него отвалился хвост, а бабушка говорит, что такого УБОЖЕСТВА в жизни не видывала и все смеются над маленьким Крокодильчиком, а некоторые называют его "Ящерица-Лопух" и говорят вслух: "до чего уродлива эта рептилия", а в желудке у Крокодила моя голова читает в газете:

"Жила-была селедочка
В лесу она росла
И много-много чайников
Детишкам припасла
Мгновенно раскачалось
Могучее весло
И кресло - не кончалось
И было ремесло."

(1994 г.)

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ДИПЛОМАТ.

Примелькалась парнишке трясина
И пошел он бродить по лесам
И увиделась девочка Зина
Злой Пацан побежал по кустам...

Веспасиан Субординатович Дубрава был совестливым дипломатом. Он никогда не поступался обычаями чести и благородства, принятыми его семейством в незапамятные времена. Однажды Веспасиан Субординатович стал свидетелем драмы, развернувшейся на остановке троллейбуса. Увиденное потрясло Дубраву. С тех пор еще ревностнее, еще самозабвенней выполняет он заветы чести и благородства, из поколения в поколение передающиеся в семействе Дубрав.

Верность семейным традициям всегда оставалась сильнейшей стороной Веспасиана Субординатыча, однако история, приключившаяся с ним на остановке автобуса, многое изменила в незыблемых до того взглядах дипломата - неизмеримо суровее, совестливее стал подход Веспасиана к делам, касаемым чести и благородства... Приверженность нелегкому своему делу приобрела с тех пор у этого сотрудника масштабы, несопоставимые с давешними, отношения с женским полом, участвовавшие, упорядочивались не на шутку...

Так продолжалось до тех пор, пока судьба не занесла Веспасиана Субординатыча на остановку трамвая... Вот тут-то и произошла с Дубравой история, история, весьма занятная своими подробностями. Нам, своим сотрудникам и подручным, Веспасиан никогда не рассказывал об этих подробностях. Но вот парадокс: старый ветреник преобразился в одночасье! Отношения к сослуживцам не переменял, а вот с женским полом стал невыносимо корректен, резко прекратил опаздывать на службу. Что же касается семейных традиций, верность которым Дубрава всегда хранил свято, то теперь, после случая на трамвайной остановке, его перед ними истовое поклонение перешло в неистовое поклонение.

Сколько раз, в тесной компании, за чашкой крепкого чая или (бывает и такое) - дружеской чаркой вина, вспоминался нам этот случай, но даже тень улыбки не касалась насупленных бровей благочестивого дипломата, лишь губы его саркастически кривились в судороге сосредоточенного размышления.

(1994 г.)

КНИГА ПРОЗЫ

ПЕРНАТЫЙ НИКОЛКА.

Здравствуйте, дорогие читатели. А вот послушайте рассказ моего знакомого Игнатки, рассказывающий про его хорошего знакомого Николку. Случилось так, что Николка работает швеей и при этом пернат от слова Перо, которое он постоянно носит с собой как талисман, который передала ему в день своей смерти матушка покойного Игнатки... Бил барабан и был Иван. А затем стало темно, как если бы выключили свет. И тогда матушка Игнатки воскликнула:

- Ах! Если бы привели сюда этого замечательного Николя! Этот светоч милосердия в наш век всеобщей черствости сердец!

И тотчас вошел Николка - бледный как полотно, струящий горькие слезы.

- Ах, Боже мой, Боже! - кричал Николка - Сделай так, чтобы эта великодушная женщина прожила одним мгновением больше!

При этих словах больная вскочила с постели и, бросившись к ногам Николки, обхватила их руками.

- Озолочу! Озолочу! - все кричала она. Слезы заливали лицо юноши...

- Распахните ставни! - приказал он.

Грохнул гром. Николка пал как пораженный громом. Душа Игнатки попрощалась со своим туловищем.

(1994 г.)

ЦИРК ШАПИТО (рассказ механизатора).

В былое-то время все спокойно было в нашей деревеньке, а тут, откуда ни возьмись, а приехал в деревеньку Цирк Шапито.

И наступило Странное, потому как откуда ни возьмись, а появились из Цирка неведомые звери, числом 3, и были это все звери с человеческими лицами. У первого зверя лицо было точь в точь как у популярного артиста Адомайта Педикактуса, у второго зверя лица не было вовсе, а у третьего лицо было точь в точь как вот у меня.

Бывало, пригляжусь утром в зеркало, а потом сразу бегу смотреть на неведомого зверя, и точно - все в полном соответствии, хоть на паспорт клеивай, только вот зверь скалился больно уж нестерпимо, а я в зеркале старался выглядеть поприветливее - вот и вся разница.

Долго ль, коротко ль, а стал я замечать - заглядываются на меня девчонки на танцах, будто я красавец какой или по телевизору меня показали. Вот тут-то и призадумался я и решил поприглядывать за двойником своим поганым, а раньше я на него, можно сказать, и внимания не обращал, можно сказать - игнорировал.

И вот встал ночью и прокрался в лес. Вижу - идолище стоит на полянке посреди леса, а я на краю поляны укрылся, а между нами огонь возгорается... И в это время из кустов позади меня появляется СТРАННАЯ ФИГНЯ и призывно так, нежно на меня поглядывают...

Оглянулся я. Так и есть! А только вместо зипуна на СТРАННОЙ надет белый девичий сарафан. Тут я, конечно, испугался и забежал вперед, а зверь, пока я смотрел на СТРАННУЮ, перемахнул через костер и стал меня там поджидать, и когда я стал убегать от СТРАННОЙ, то мигом попал в зубы к злому чудовищу. И подумал я, что сделаюсь теперь деревенским посмешищем, потому что у меня не будет руки, ноги или какой-нибудь иной части тела, а по мне так лучше и не жить, только бы не быть всеобщим посмешищем и Человеческим Обрубком...

И только я так подумал как зверь тотчас отпустил меня и отошел в другую от костра сторону, а ФИГНЯ вышла из леса, тянет ко мне руки и говорит что-то ласково, а только я не могу понять ни одного слова и чую - добром не может это кончиться, того и гляди - скончаюсь, а то и что-нибудь похлеще приключится, и говорю себе: давай драпать отсюда, пока совсем плохо не стало и я тогда палку схватил и бросил в ФИГНЮ и стал убегать, а она как захрипит и до того жалобно, что меня, надо сказать, икота прошибла и побежал напролом через чашу, вдруг вижу - избушка черная, и чую - здесь помирать придется.

Вскарабкался я на крышу сарайки. Затаился - лежу. Вдруг слышно стало - кто-то стонет в избушке и стал я богу молиться, чтоб защитил, потому что мочи терпеть уже не стало, а такого страха в жизни не ведал и врагу не пожелаю и

КНИГА ПРОЗЫ

лучше мальчонкой опять заделаться, чтоб дедка за уши порол, а мамка волосы дергала, а только чтобы не было страха такого, что вот сижу здесь и не

понимаю, умер уже аль нет, а тут луна из-за туч выползла и высветила меня в моем убежище и кто-то хохочет все ближе ко мне и ближе, а я спрыгнул с крыши и побежал влез, да как заору, вдруг БОЛЬШОЙ навстречу и я со страху в штаны напустил и в другую сторону стал убегать, где раньше была пасека дедушки Трофима, еще когда у Трофима сын был - Кирюхой звали, а потом утонул или запропал куда, а Трофим все ходил, все выискивал, да и сам сгинул, так что пасека уже с год пустая была, а я туда бегу, думаю: спасусь или нет, вот ведь в какую историю вляпался - не позавидуешь мне теперь, ведь если до пасеки дедушки Трофима вовремя не добежу, верная смерть выходит, и побежал еще быстрее, чтобы успеть добежать до пасеки Трофима, а вдруг вижу, из ворот человек вышел и вроде как сигналы мне подает: не ходи, не ходи сюда, давай назад убегай. А куда же я назад-то побегу, где еще такого страха натерпелся, что не приведи Господи! И забежал в ворота, а человека вроде и не было - был человек и не стало, такого отродясь еще ни разу не видывал, схоронился в улье и продрожал до утра.

Вот ведь кака история со мной произошла, прямо не знаю, что и сказать, а только умные люди потом говорили - Озёрники над тобой озорничали - какие такие Озёрники - ничего не понимаю - а только цирк Шапито с тех пор в наших краях, Слава Богу, не появлялся.

(1994 г.)

БОЛЬНИЦА НА ОКРАИНЕ ГОРОДА.

"Вообще то я врач, но люблю сладкое, потому что сладкое способствует умственному интеллекту, а во рту образуется особая приятность, которую ощущать тем приятнее, что обычно находящаяся во рту слюна имеет неприятный, специфический привкус."

Такую речь произносил Доктор Б. Планкто, завязывая галстук перед зеркалом в своем кабинете, затем же, уменьшив себя до размеров Спичечной Головки, доктор проник в брюшную полость одного больного, чтобы там умелыми руками заврачевать эту полость.

КНИГА ПРОЗЫ

Но доктор Родригес Коврига, который ненавидел доктора Планкто за его волшебное умение, сведал об этом, взял нож и разрезал живот больному, в желудке которого находился доктор Планкто.

Ловкие пальцы Ковриги уцепили несчастного за фалды пиджака и перед Планкто закачались горящие глаза Р.Ковриги в натуральную величину:

"ТАК ВОТ ЧЕМ ТЫ ЗАНЯТ, МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ!" - взревел Коврига, обращаясь к трепещущим практикантам, - "Взгляните на это НИЧТОЖЕСТВО (в недалеком прошлом - известного доктора биологии Бориса Планкто) - уж давно переметнулся он в стан исконных наших врагов - МИКРОБОВ, и ведет с тех пор двойную жизнь: Днём - Вдумчивый ученый, Деятельный администратор, Изобретательный педагог. Ночью - Кровавый ученый, Беспринципный администратор, Отвратительный педагог! Ну, так что ж, друзья мои," - Коврига обвёл глазами аудиторию - "Доктор Планкто, вероятно, предполагал избежать сурового наказания, которое ему полагается по закону. Он ошибался ..."

С этими словами Хирург подошел к ведру, где плавали чьи-то внутренности и с задумчивым видом стал вертеть Планкто над этим ведром, в котором он хотел утопить несчастного Б.Планкто, чтобы вместо него ехать на научную конференцию.

В это время доктор Планкто выпил волшебную жидкость и быстро приобрёл характерные для него внушительные размеры. Коврига пал ниц на полу, а подручные его в ужасе разбежались.

"Я Мог Бы Отхлестать Вас По Щекам, Как Мелкого Пакостника," - Начал Б.Планкто, Обращаясь к пресмыкающемуся Ковриге - "Но Я Поступлю Иначе... ОТНЫНЕ ТЫ," - Возвысил голос Б.Планкто - "ПРЕДАННЫЙ АНАФЕМЕ И УМЕНЬШЕННЫЙ ДО РАЗМЕРОВ спичечного коробка, ВЕЧНО будешь жить на верхней полке моего шкапчика, чтобы ты не мог спрыгнуть оттуда И напакостить еще кому-нибудь, Как ты хотел напакостить мне. ТФУ НА ТЕБЯ!"

И как только волшебная слюна доктора Планкто коснулась доктора Родригеса Ковриги, он уменьшился до размеров спичечной коробки.

(1995 г.)

КОНЧИНА.

Был проходимцем Сидоренко, и вот пробил его час последний. Лежит Сидоренко на смертном одре, не долго - он думает - я проживу. Колют Сидоренку желудок колики, а в голове ему мерещатся кролики. В кишечнике Сидоренка кувыркаются несимпатичные кишечные палочки... Открылся рот у отходящего Сидоренко - хочет матери сказать, куда деньги припрятал. Не появляются слова изо рта... Зато обильна слюна изо рта. По всему видать - скоро помрет Сидоренко.

Пришел поп - толстый живот, он исповедует Сидоренку. Не хочет исповедываться Сидоренко, отталкивает попу негнущимися конечностями. А поп не уходит, сел за стол, ест калач. Вот появились признаки трупного окоченения - не хочется верить Сидоренку в скорое свое окончание. Мне бы - думает - жить-поживать, а попам с дьяконами - поскорей околевать. Тут началось разложение. Сидоренко умер. Постараемся же не забывать про кончину, и забудем тогда мы кручину.

(1995 г.)

ИСАИЧ.

- А я чичас как подойду к вам, Сергеюшко, да как... как... в мерзавичью харю вашу тресну! Со страху ведь подавишься, гнида подколотная, как пить дать, помрешь на радость мою.

- Продолжай подавать колоды, Исаич, не гунди.

- Шикарно говоришь, обрубок, да не надейся, не жди, что кары избежишь! А на том свете и чёртушки добавят. Ох, как добавят...

- Не радуйся, сволочь - мне противно.

- Эй, ты, чурбак бессловесный! Что сказал-то? Я не расслышал.

КНИГА ПРОЗЫ

- Курить дай, а то убью.

- Чево еще! Эк, хватил - да я убегу от тебя.

- Далеко не убежишь.

- Почему это?

- Я тебя поймаю.

(1996 г.)

О.С.И. (отчаянно смелый инвалид).

Выступая за рогатого, Игорь Стопка запрещал себе даже думать о чем-то. И все же у него было, что сказать мастерам. Так выходило, что Стопка оторвался от своих нужд, даже от забот каких-то на время отстранился. И все смотрел, смотрел - вот навывсматривал.

Горюшка было, надо сказать, как Аркашка скончался, такого не бывало еще, а китаёза один за всякого рад, что протокол неверно составлен. Присмотрелся здесь Игоряша, и взялся дубиной - стал с дружками своими за овраг погуливать, стал честной народ непохорошему собирать. Так сбылось предсказание цыганина про Игоряшу, что он пристроится на заводе, а потом сделается плох как Сигурд Вёдрышко.

Мастаки работали - чево уж сказать - говаривал Павлуша на комбинате - не то что вдрызг - в косточку стенку уделали - один дед Птолемей как хвощь выпирался, ну и оторвал под старость могилу сыру, а в гробик гвоздики из злата вытребовал.

(1996 г.)

ПЛОХОЕ ЗДОРОВЬЕ ПАХАРЯ.

Пьет Сидоренко холодный квас. Пьет Сидоренко холодный квас. Слиплись у него мозги и свет в извилинах погас. День деньской Сидоренко тупой сидит.

КНИГА ПРОЗЫ

Бьет набат в голове у Сидоренко. Это Толик-микроб крестный ход собирает. Факельные шествия гуляют по извилинам.

Не важно Сидоренко себя чувствует, загибаются пальцы на правой руке Сидоренко. Это Сидоренко дни считает, с каких пор ему нехорошо.

Слезы навернулись у Сидоренка в глазу. И в слезах на лодке едет Толик. Толик решил убежать из мозгов Сидоренко. Толик решил убежать из мозгов Сидоренко.

И видит он хлам, который был раньше в мозгу Сидоренка, а теперь вытекает оттуда.

(1996 г.)

ПРЕСЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ.

В сгущающихся сумерках бредет наобум Василий. Сжимается Василием увесистый предмет. Насаженный на палку предмет зовется Василием "мой топор-топорик".

Куда идешь ты, Василий?
Господь с тобой ли, Василий?
Поел ли ты как следует, Василий?
Давно ль ты был на исповеди, Василий?

А в комнате, а в комнатке, от отчего дома вдали, сидит себе Николаша - упер в телевизор тяжелый взгляд. И вдруг почувствовал на спине тяжелый взгляд. Необходимо повернуть голову, но лень поворачивать голову. Летит секунда, летит другая, фиксирует движение боковое зрение Николая. Есть необходимость повернуть голову, но кажется Николаю - нет еще, не назрела необходимость поворачивать голову.

Очень интересен фильм демонстрируемый
И сладко поет мальчик кастрированный.

Что же до бокового зрения, то оно, по мнению Николаши, фиксирует клубящийся по комнате дым бесчисленных Колиных сигарет.

За спиной у Коляна кто-то звук издает,
Как будто пацан на ладони плюет.
И голос раздался: "Эх, мать-перемать!"

Но лень Николаю с дивана вставать.

В это время Василий разрубил голову Николая.

А оттуда - как из банки -
И жуки, и пауки,
И веселые гремучки...

Прыгают на Васю и жалят ядовитыми зубами. А вокруг Колян обезглавленный скачет, и хлопает, и хлопает в ладоши - как будто рок-певец на концерте публику заводит. Входит Ярославна. Она принесла супа своему другу Николаю, но, как видно, не есть больше супа Николаю. Ладно, плевать - садится в угол, достает ложку, а сама с Василия глаз не сводит.

А у Васи, а у Васи -
Правая ножка таракана из ноздри торчит,
А у Васи, а у Васи
Очень несчастный вид.

Очень жаль Ярослане Василия - эдакие коленца отбрасывает, по всему видать - огонь-парень. Не долго думала - отдала суп Василию. И тем излечила от смертельных укусов страшных порождений Николашкиного мозга.

Вместе теперь живут
В комнате Николая.
Вместе котлеты жуют
Из холодильника Николая.

Отмоют кровь и слюну
С паркета они тряпкой.
А скоро и деньги найдут,
Что прятал Колян за лампадкой.

У них будет крепкая семья. У них будет сладкая любовь.

СВАТОВСТВО ПЕТРА ГАВРИЛЫЧА.

Осадки падали ночью. Осадки падали днем. А вечером много-много выпало осадков под окном у Оксаны. Вот приходит Петр Гаврилович.

"Иди за муж за меня !" - говорит Оксане.

"Нет, Петр, не пойду замуж за тебя - горбуна непригожего. Ты б хоть совесть поимел что ль, Гаврилыч, а то уж и мне смотреть на тебя совестно, ведь на что уж ты непригож, а похож на мухобойку, которой прибивают мух, а вовсе не симпатичного мужчину. Опять же, хотя мало кто про такое знает, а я вот прознала и тебе говорю, что когда мухобойкой прихлопывают муху, одновременно происходит гибель многих микроорганизмов, облепивших муху - большую красивую жирную муху, но это я так, к слову мне пришлось, пред тобою, Петр, умом похвастать, опять же на то еще намекаю, что ежели меня той мухе уподобить, так ты, Гаврилыч, уподоблен маленькому микроорганизму, назойливо ко мне пристраивающемуся, а вовсе не мухобойке, как я давечь опрометчиво про тебя выдумала, а чтобы мне стало теперь еще веселее, еще радостнее, и чтобы на душе просветленьице устроить, уподоблю-ка я тебя, Петр Гаврилыч, в такую же вот в точности муху - муху вовсе уж непригожую, с жирным, блестяще-зеленым, словно чешуя неведомого, но ужасного морского млекопитающего, задком, сальными ножками и мерзко трепыхающими крылышками, толстобрюхую навозницу, которую так приятно раздавить в пальцах, а скажи-ка мне, Гаврилыч, ежели бы я была той мухой, оторвал бы и тогда ты мне крылышки, и ножки, и толстенный задок?"

"Да я б, Оксана Игнатьевна, ужо бы вам нипочем таких неприятностей не доставил! И задок вам отрывать нипочем бы не стал, а так разве, ежели бы это вам за приятность представилось."

"Ну вот, Гаврилыч, с тобой-подлизой и разговаривать-то тошно, а не то что как за супружника выходить замуж, а ты мне лучше еще что скажи, Гаврилыч, будто бы я вот в болото провалилась и тону - что, неужто бы убоялся из трусости меня из трясины извлечь?"

КНИГА ПРОЗЫ

"Да я бы вас, свет-красное-солнышко Оксана Игнатьевна, из нужника бы выловить не побрезговал, а не то что там из речки какой или болота!"

"Это чегой-то я по-твоему в нужнике забыла, чай не лягушонка, не водолаз, не кикимора! Вот тоже мерзость напридумали, а мне ходи из-за них в гусиной коже цельный день! Напридумывают про честную девушку бог знает чего, а потом сами же в то и уверуют, и этакую дрянь про нее рассказывают, будто выловили из нужника, и виды делают!"

"Да что уж я вам, Оксана Игнатьевна, не мил, так выходит? Так хоть чаю бы изволили подать, раз над чувством надругаетесь и неприятые о вас рассуждения приписываете! А ведь я, Оксана-свет-Игнатьевна, человек крутого нрава. А ведь я, послушав речей таких, могу выйти на крутой обрыв реки, чтоб свести там свои счета с жизнью, как если б украл денег в конторе и к своему кошельку запросто присовокупил, а все для того, чтобы сердце ваше, драгая Оксана Игнатьевна, щедрыми дарами к собственной персоне поворотить, а о том сделалось известно управляющему, а через него - и приставу, и как если бы в силу таких омрачительных обстоятельств многая горести и самая гибель представлялись в виде близлежащего будущего на тот, однако, случай, если б все это вышеизложенное облеклось в форму суровой действительности, а не бесполезных каких-либо мечтаний, вроде того, как и не взаправду приключилось с одним человеком (то есть со мной), а только лишь в качестве неясных пока еще подозрений, но только лишь вам скажу, дорогая Оксана Игнатьевна, что коли чёрствость свою не умерите - непременно такое случиться должно, а то так и похлеще, как, например, в позапрошлом году мужик зарезал почтальона, а оказалось, что этот почтальон на того мужика супружницу очень сильные виды имел - в плане поразвратничать, но ангелы поят мужика, выводят на большую дорогу, в руки дают топор... Ангелы знают, что по этой дороге ночью пойдет почтальон, но не знают, что почтальон в городе под забором почивает, пьян как свинья, и нипочем никуда не пойдет - хоть палкой тресни, и просчитались. Вот как почтальон вышел из затруднительного положения, но ангелы попались на редкость упрямые - раз за разом выводят они мужика ночью на большую дорогу, вооружают топором или дубинкой и дают наказ терпеливо ждать почтальона, так что в одну ночь почтальон пропал из виду и больше уже не появлялся, пока не нашел его Практикант в известной стадии разложения и он прозорливо опознал почтальона. Так вот же, драгая Оксана Игнатьевна, призываю и вас проявить прозорливость, со всем душевным

КНИГА ПРОЗЫ

трепетом своим и неангельским темпераментом отдавшись объятиям, каковые я вам сию минуту распространил."

На утро молодые обвенчались.

(1996 г.)

АРХИЕПИСКОП.

- Докладай. Да смотри же у меня - не свирай!
- Я тут вчера в руину ходил - там помет.
- Помет?
- Помет.
- Странно...
- Но я думаю, это птицееды.
- Думаешь, они ?
- Они, смрадные.
- Ясней мне все теперь стало. А что еще ты видел в руине ?
- Гадость всякую.
- Ну это уж как водится.
- Оно и понятно, но русалки эти...
- Опять?!
- Так ведь июль на носу.
- Это правда.
- Заразы...
- Что еще?
- Ничего.
- Ничего?
- Ничего.
- Врешь. Смотри ведь - повешу.
- Да ладно вам, преосвященство, я ж сирота.
- А не посмотрю. Говори дальше про руину.
- Яблок там больше нет.
- Да ты что?!!!
- Скорпионов развелось - упасть некуда.
- Говорил ведь, елками надо засадить.
- Да уж...
- А парни сыскались?
- Кости нашли какие-то. Ну, вроде берцовая и остатки двух или трех черепов.
- Возраст?
- В основном - неолит, но одна свежая.

КНИГА ПРОЗЫ

- Берцовая?
- А как вы угадали?
- Ха-ха!
- Нет, правда? Неужели догадались?

- Я, Семен, потому здесь и сижу, а не по помойкам рыскаю, что догадливый. Что это там?

- Опять клоунов каких-то пригнали.
- В красном ?
- Скорее, в светло-розовом.
- Это интересно. Пусть приведут кого-нибудь.
- Как скажете.

(1997 г.)

АВТОМАТ НАСЛАЖДЕНИЯ.

Мужчина - это вещь. Мужчина - как в песне поется - это песня. Дети в восторге от Мужчины. И даже некоторые женщины не равнодушны к этому замечательному явлению природы. Без Мужчины как-то пусто - заявляют они. С Мужчиной все сразу становится на свои места.

Но некоторым женщинам не нравится Мужчина. Они говорят: мужчина - никому не нужная вещь, мужчина - бесполезная песня, мужчина - раздражающее нас Щиплющееся Существо.

Действительно - даже очень призадумавшись, мы не найдем рационального применения для Мужчины. Мужчина - это просто красивая игрушка. Ну и что? Игрушки тоже нужны, тем более - такие.

Скажем больше - в умелых руках Мужчина превращается в настоящий Автомат Наслаждения. Даже из самого незадачливого Мужчины при минимуме фантазии и некотором терпении может быть изготовлен такой Автомат. Подойдите к этому творчески - у вас все получится! Некоторые женщины утверждают: мы Фригидны - нам не нужны Автоматы, не нужны Наслаждения. Да кого это волнует? Фригидны вы или Ехидны - австралийские сумчатые зверьки - ваша задача проста - приложив умелые ручки, запустить Автомат Наслаждения. Никто ведь не говорил, что это Автомат ВАШЕГО Наслаждения! Что за эгоизм такой?!

Мужчина - это швейная машинка на ручном ходу - ножкой туда, ручкой сюда - и вот она уже вертится! И здесь вот самое главное - не повредить иголочку - да-да, ту самую - из золотого ларца и т.д. - Тонкую Душевную

КНИГА ПРОЗЫ

Организацию Мужчины. Иначе все остальные компоненты тоже разладятся. Мужчина начнет барахлить. Поздно будет лезть к нему с масленочкой - капать на чувствительные места - ни масленочка не поможет, ни горькие слезки!

Впрочем, нежный уход иногда совершает невозможное. Говорите ему то, что он хочет слышать. Гладьте по небритой щеке всякий раз, когда он спит или

чем-то слишком увлечен, чтобы вас прогнать. Купите ему, в конце концов, бамбуковую удочку! Гарантий нет. Но есть надежда.

Мужчина - Последнее Чудо Света. Мужчина - Перпетуум Мобиле. Он не требует топлива. Он требует умелых ручек.

(Первая половина 2000-х гг.)

ГРИМАСЫ РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА.

Немец - для русского патриотизма - просто совершенно необходимая штука. Нет немца - нет патриотизма. Только если с той стороны Немана кто-нибудь закричит "hey, rus, sdawaysa" - сразу есть патриотизм. А не кричат - опять нету. Или вот ещё прилетят немцы в своих фанерных самолётах - и ну кружить над Красной Площадью - "hey, glury rusish dumkopf, u-lu-lu" - сразу опять есть патриотизм. А как кончится у немцев керосин в бензобаках - снова нет никакого патриотизма - и так живут без патриотизма как будто пещерные архантропы в каком-нибудь раннем плейстоцене. Или вот ещё немцы придумали русский патриотизм возбуждать таким хитрым способом - подговорили своих прихлебателей из неких лимитрофных государственных образований не будем говорить каких - такие специальные демонстрации устраивать - в маскарадных костюмах немцев, а самим всё это снимать на кинокамеру и русским потом особенно смачные кадры через границу перекидывать в специальных непромокаемых упаковках - что, мол, изгнанные оккупанты, не нравится вам наша свобода? А мы вам ещё не то покажем! Ещё не такую фигу! Вы ещё нас не знаете! Поглядят русские на как бывшие их братские народы развлекаются и сразу у них патриотизм. А как у прихлебателей кинокамера поломается - отошлют её к немцам по гарантии - и пока не отремонтируют - нет у русских никакого патриотизма.

Плохо немцу жить без русского патриотизма. Пойдёт он к своим заокеанским покровителям денег просить, а те такие: "No! No! Money no more! We have not money! U nas u self all money tu-tu! Go today!" Что в переводе на человеческий язык означает: "Иди-иди, христарадник... Самим жрать нечего!" И пойдут они, солнцем палимы, а дома детки плачут - кофе с сахаром просят, а про молоко уже и не заикаются - отвыкли так, что какого оно цвета не помнят.

КНИГА ПРОЗЫ

Одно спасение - русский патриотизм. Давно подмечено - как у русских патриотизм, так у этих, которые заокеанские - сразу щедрость неведомо откуда просыпается. Потому как - знамо дело - у русских от патриотизма до термоядерной боеголовки - если и не один понюх табаку, то полтора - уж как максимум.

Страшно бояться заокеанские русского патриотизма. Борются с ним всеми способами - уже еду русским с вертолетов сбрасывают, а электрогитарами так завалили, что сесть - посрать - и то негде. А у самих детки, между прочим, тоже ничего - в плане прожорливости - и плачут, и выпить хотят, а фиг - всё проклятым русским идёт - спирт по трубопроводу, стеклотара - по лендлизу, а закусь - так, вертолётками. Есть у них там теория, что сытый и пьяный русский менее падок на патриотизм, чем голодный и трезвый. Вот ведь идиоты.

Ну а у немцев - сами понимаете - задача противоположного характера. Как у русских патриотизм, так немцам - ассигнования на организацию санитарного кордона - ну там, бутылки с зажигательной смесью населению раздавать, фаустпатроны там... Есть за океаном такая гипотеза - как только русские орды нападут на Свободный Мир, миллионы немцев выйдут навстречу танковым клиньям и так запрудят все оперативные направления, что проехать на ту сторону Атлантического Океана у русских никак не получится. Очень они там все на эту гипотезу рассчитывают, а зря. Когда Берлинскую Стену окончательно на кирпичи растащили, федеративные немцы сразу побежали к своим демократическим сородичам и быстренько у них спросили: ну как там - под русскими? А демократические отвечают: нормально, кормёжка, правда, так себе, зато культурная программа на высоте - партсобрания всякие, субботники, эф-дэ-йот в синих галстуках - скучать не приходилось. Ну а как - спрашивают федеративные - на счёт кофе с сахаром? А демократические им: это дерьмо с полей Кубани? У нас им дорожки в саду посыпают - слизнякам сразу капут. А сахар у нас от товарищей с Острова Свободы - с виду жёлтый, а на вкус ничего. Удивились федеративные и спрашивают: тогда у вас может и молоко водилось? А демократические: да, был такой напиток, безалкогольный правда, но рот полоскать можно. Услыхали федеративные, как демократические жировали, и нашла на них кручина. А детки с тех пор по всей уже Неметчине плачут - землёй с садовых дорожек кофейник не заправишь.

Сидят русские у себя в парке на скамеечке - трескают спирт, вареньем, да печеньем заморским заедают, летку-еньку на электрогитарах с редкостным искусством выпиливают, и нет на них ни креста, ни патриотизма. Им бы пойти - термоядерных боеголовок всем на радость настругать - нет. Этим злопакоственным русским - летка-енька больше нравится. А в Африке полицейские у детей конфеты отнимают!

СМУТНЫЕ ИМПУЛЬСЫ.

Женщина в своём поведении руководствуется не разумом, а некими смутными импульсами. При этом разум у женщины есть - да ещё какой коварный - но работает он в каком-то смысле в холостую, поскольку женщина использует его не для планирования своих действий, а только для измышления социально-приемлимых объяснений таковым.

Действительные мотивы женщины - при всей их очевидности - для неё самой остаются тайной за семью печатями. Это как с киборгами-убийцами - катает такой киборг десять лет кряду тележку с обогащённым ванадием по одному и тому же маршруту "склад - звездолёт" - никому не заметный и приветливый, а потом - бац - переключило микросхему - и начинает истреблять персонал! Только у женщин микросхему переключивает уже в момент рождения.

При этом женщине может казаться, что она руководствуется непреступными, даже благородными намерениями - борется за мир во всём мире, наводит порядок в доме и офисе, протестует против апартеида, загрязнения окружающей среды. А в действительности единственная цель любой женщины - не давать мужику спокойно поспать. Скажем, приходит мужик кое-как на работу, падает в своё креслице перед компьютером, запускает эскьюэль-запрос, роняет голову на руки и засыпает как убитый. На присутствующих в помещении женщин это производит необычайное воздействие - они вскакивают с мест, как безумные мечутся по офису, топчут, не переставая хлопают дверями, совершают тысячи хаотических действий.

И ни одной из них даже не приходит в голову, чем на самом деле вызван этот переполох - нет, просто всем им одновременно и внезапно вспомнилось о каких-то делах, которые нужно немедленно сделать:

- вытащить всё из холодильника,
- активно воспринять, усвоить и развить военно-доктринальную концепцию, аранжированную в соответствующем религиозном звучании,
- вытащить из-за тумбочки завалившуюся туда на позапрошлый новый год конфету,
- забросить реи в полный бакштаг,
- засунуть всё обратно в холодильник,

- заметить, кстати, что в мотивировке М.Цыбышева на с.233: "Далее следует "Urbicii inventum", ошибочно приписываемое императору Маврикию, на самом деле сочинение Урбиция, жившего гораздо позднее", последнее слово следует исправить на "ранее",
- отнести в соседний кабинет какие-то бумажки,
- напившись пьяными, упасть в канаву, а не умея выкарабкаться из неё, кричать: "Человек предопределен и призван к тому, чтобы познать истину, чтобы управлять своим духом в гармонии вечного мироздания, чтобы постоянно развиваться и совершенствоваться, постепенно возноситься в высшие сферы мира, разума и любви",
- переставить столы,
- неожиданно повернуть в северном направлении к озеру Ильмень,
- поменяться креслами,
- ничего не увидеть вокруг, кроме серебряной паутины,
- полить цветы,
- отыскать у берегов Сицилии остатки карфагенского корабля середины III в. до н. э.,
- починить лампу дневного света посредством продолжительного по ней постукивания,
- подбить из спарки 24-мм эрликонов японский бомбардировщик,
- приспособить к обогревателю вентилятор, чтобы разносил тепло в нужном для женщины направлении,
- обучить двух взрослых бабуинов пользоваться персональным компьютером и джойстиком, чтобы они могли выбирать картинки, представленные на экране, каждая из которых содержит различное количество небольших рисунков,
- проветрить помещение,
- подвергнуть остракизму представителей афинской олигархии,
- снять со стены электронные часы эпохи первой пятилетки и посмотреть, что с ними не так,
- поддержать своего президента в переломное для судеб страны время,
- сбросить лжи пёстрых одежд и устроить, наконец, лесбийскую оргию,

КНИГА ПРОЗЫ

- поставив на стол целую бутылку вермута, отправиться на Бользанову улицу, где надо спуститься вниз по лестнице и где играет граммофон,
- сорвать со стен плакаты с котятами, оставшиеся от попавших под сокращение коллег и повесить вместо них рекламу любимого анимэ-сериала любимой же красавицы-дочки,

- разрушить до основания важнейшие железнодорожные транспортные узлы Брянск и Орел,
- чего-то там отсканировать и/или напечатать,
- уплатить в течение десяти лет 3200 талантов контрибуции -

и всё это - одновременно и непрерывно - пока мужик не подыметесь во весь свой рост и не уползёт, горестно стена, куда-нибудь курить.

Да что же это за смутные импульсы такие? Из какой агрессивной антисоветской галактики они к нам прилетают? Чьи кровавые щупальца дёргают за ниточки марионеток абстрактного зла? Я мог бы ответить на эти вопросы, но время для этого ещё не пришло.

(2011 г.)

Тольяттинская хоккумена

Сергей Пиденко

ЗИМНИЙ САД

Сердце моё улеглось
В теплых твоих ладонях,
Словно осенний лист...

Крыльев шум за спиной.
Раздвинул шуршащий камыш –
Круги на воде...

Грелся вчера у огня,
Утром чистил очаг и – обжегся.
Как долго угли не стынут!

Луна заглянула в сад:
Голые ветви над голой землей –
Предзимье...

До костей пробирает холод,
Глаза слезятся от ветра,
Но – запах первого снега.

Вишня в конце декабря,
Как майским утром, бела...
Почему же холодно так?

ОКРЕСТНОСТИ

Яблоня в зимнем саду –
в небо вмерзли черные ветви...
Я-то знаю, какой она будет весной.

Радуюсь свежей листве –
листья новой весны
не помнят осенней печали.

СОВРЕМЕННЫЕ ХОККУ

Загородное шоссе
Инспектор с радаром в кустах
Бедный ронин...

Денег нет ни гроша
Какая над садом луна!
Кому бы продать?

Скромный дом у реки...
Ночь провожу без сна –
Дадут ли в банке кредит?

Сколько я должен братве!
Увидеть бы Фудзи...
И умереть.

Любит – не любит...
Пытаюсь найти ответ,
Шагая по шпалам.

ОКРЕСТНОСТИ

Битые стекла
Тихо шуршат подо мной...
Пляжная нега.

Нравится думать:
закусишь шампанское сыром
наутро — новая жизнь

Владимир Сапожков

МЕСТНЫЕ ХОККУ

На трухлявом пеньке
Первый солдатик сидит
Весенний лес.

Синее небо
Зеленый склон.
Мастрюки.

Строки великих поэтов
В Жигулевских горах
Хочется петь постоянно.

Мерзлые комья земли, сухие стволы
Даже ворон не слышно здесь
Сгоревший лес.

ОКРЕСТНОСТИ

Пришла смс-ка от друга.
Просит немного деньжат.
Долго пишу ответ.

Скачут ставки по вкладам
Затихли биржи в ожидании
О, черного золота цены!

Далеко завела зимняя прогулка
Только свернул на тропу -
Смс от друга.

Розы чудесной краса
На экране жидкокристаллическом
Вот он – виртуальный мир.

Терпкая влага обжигает
Но и мерзнуть не хочется.
Глоток «Белебея» на морозе.

АЙВЕНГО

МОЖНО ИНАЧЕ
(цикл трёхстиший)

* * *

приемлю то
а это не приемлю
муха села на варенье

ОКРЕСТНОСТИ

* * *

без пяти минут
три с четвертью
местное время

* * *

проехала где-то машина
а шум остался
мажу масло на хлеб

* * *

планер летит над городом
и не шумит
каша сварилась в горшочке

* * *

трилистник нарисован
Ирландия или Адидас
кваса полная кружка

* * *

может быть завтра
да нет — сегодня
люди договорились

* * *

велосипед поломался
мимо едут КАМАЗы
всё как всегда

* * *

в академии наук
графин со стаканом скучают
вишни поспели

* * *

человек посмотрел на картину
и отвернулся
и пошёл по музею дальше

ОКРЕСТНОСТИ

* * *

лошадка бежит по полюшку-полю
летит ероплан
насекомый глядит из травы

* * *

электropоезд идёт в Кузоватово
никого на платформе
лягушки воробьи и тихая речка

* * *

кошка глядит
воробей пёрышки чистит
а можно иначе

Дмитрий Перегудов

ХОККУ

Кота прыжок -
И об пол модем.
В вечность ворота закрыты.

* * *

Город огромный и многолюдный,
Но мертвый внутри.
Москва.

* * *

Раннее утро.
Прохладно еще и туман над рекой,
Но вокруг никого.

* * *

Жара, и вентиляция сломана
Часов восемнадцать по рельсам
Доедут не все.

ОКРЕСТНОСТИ

* * *

Желтый глаз над травой.
Охотится кошка на птиц.
Никого не поймает.

* * *

В озере дна не видно,
Берега заросли и заполнены тиной.
Эвтрофикация.

* * *

Полдень, ни облачка
Сотни людей на улице
И каждый – один.

* * *

Кот спит на окне, под ярким солнцем.
Шерсть рыжая, словно огонь.
Какие видишь сны?

* * *

Видна смутно на дне арматура.
Вьются стрекозы над тиной.
А вода мертва.

* * *

Шелест травы за городом громок.
И не услышишь, что шипит за спиной
Чужой.

* * *

За окном неведомые земли
Быстро проносятся так.
Под стук колес.

Разговор с поэтом

Поэта Елену Кареву я знаю с 2000 или 2001 года. В общем, достаточно давно. Прочитал ее впервые на страницах тольяттинского журнала «Город». Конечно, тексты автора – нечто, говорящее само за себя, однако почти всегда хочется поэта еще и спросить – о жизни, о городе, о предпочтениях. Именно поэтому я решил встретиться с Еленой Каревой и задать ей несколько вопросов. Ответы перед вами!

Сергей Сумин.

- Приветствую, Елена! Мой первый вопрос: как это все началось? Поэзия, творчество? Был ли у тебя момент осознания себя поэтом?

- Момент не главное. Интересно другое: когда понимаешь, что можешь нечто выразить в слове не рядовым образом. И то, что тебе удастся или не удастся выразить, зависит от того, сумеешь ли подобрать слова и расположить их в нужном порядке. Это состояние, а момент по дороге к нему был, возможно, не один, был и забылся, потому что состояние гораздо интереснее, и удастся ли пережить его снова – that's the question.

- Мне нравятся многие твои стихи, особенно последнего десятилетия. Часто складывается ощущение, что ты заворожена формой. Полагаешь ли ты, что четкая структура сама приводит к новому содержанию или же здесь более сложная зависимость?

- Вопрос интересный: упрек форме в том, что она навязывает содержание, что рифма диктует мысль, сейчас часто предъявляют приверженцы верлибра. Но подобное соглашательство - всего лишь свойство шаблонного мышления. К поэзии это отношения не имеет.

- Как ты пишешь? Есть какие-то ритуалы, помощники?

- Пишу ручкой на бумаге. Ритуалов нет, помощников тут быть не может, вообще, с течением времени процесс теряет свое романтическое очарование, потому что искусство действительно требует жертв.

- Что в целом думаешь ты о творчестве? Задумывалась ли ты о природе его и чего в нем больше – божественного или дьявольского?

- Не знаю, не знаю. Это вечный вопрос. Моя трагически погибшая подруга Анастасия Харитоновна была убеждена в том, что поэт – это стихотворение Бога. Но некоторые «стихи» бывают написаны бесенятами-графоманами, добавляла она. Другими словами, творческая способность божественна, а творческая личность, обладающая свободной волей, может распорядиться ею по-разному. Есть такой момент: божественное сияние освящает все, чего касается, и судить бывает очень непросто. Не вдаваясь в подробности, я бы сказала, что искусство это еще один пример проявления божественного в материальном.

- Бродский где-то говорит, что поэзия – колоссальный ускоритель мышления. Согласна ли ты с этим утверждением?

- Мне кажется, Бродский часто путал причины со следствиями. Колоссальное ускорение мышления свойственно поэзии, и в идеале оно может передаваться воспринимающему субъекту. Поэзия символична. Целое поэзии больше его частей, отсюда и пропущенные звенья и т.д. и т.п., и, конечно, ускорение там колоссальное. Но ведь не все это воспринимают, нет?

- Елена, согласна ли ты с фразой Александра Сергеевича о том, что «поэт – сам свой высший суд»?

- Спорить с этим утверждением не стану. Другое дело, как объяснил нам Эко, интерпретация.

- Как вообще соотносятся поэзия и религия? Возможен ли их плодотворный союз?

- Все религиозные тексты – поэтические. Атеистическое сознание их так и рассматривает: убирает сакральный смысл, и предлагает любоваться произведением искусства. Но если ты заметил, отвечая на твои вопросы, я уже несколько раз прогулялась вокруг и около Лотмана, а Лотман прямо говорит о том, что для полноты восприятия произведения искусства необходим весь контекст. При этом говорю «Лотман», а «Флоренский» в уме.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

- Альманах наш отслеживает ситуацию в Тольятти на стыке тысячелетий. Поэтому вопрос о прошлом: помнишь ли ты литературную ситуацию в городе в 90- 2000-е годы. Что происходило, кто из авторов выделялся, какие лит. тусовки существовали?

- Я ничего этого не знала. Я училась в Самаре, потом приехала в Тольятти, но была занята семьей и детьми. В 1996 году я попала на Ленина, 77, потому что одна моя знакомая дала мне телефон Любови Бессоновой, которая там вела литературные консультации, и посоветовала показать свои стихи, чтобы, как она сказала, у меня был круг общения, соответствующий моим интересам. Так что обо всех тусовках я узнавала только постфактум, из рассказов. И, возвращаясь к Бродскому, могу сказать, что я действительно частное лицо. Очень частное.

- Ну а вообще городской округ Тольятти – как место, как пространство – что это для тебя? Как тебе здесь работается, дышится? Чего не хватает городу? Чего слишком много?

- Это место, где я живу. Городу не хватает здравого смысла, но он в дефиците, похоже, повсеместно...

- Я знаю, что ты рисуешь, в основном - цветы... Почему их? Что для тебя живопись: хобби, способ самореализации, увлечение?

- Когда я начала рисовать, я задумывалась над этим и пришла к выводу, что это – «не вошедшее в сборники». То, что в стихах было бы лишним.

- Елена, какие у тебя предпочтения в классической и современной литературе? Любимые прозаики, поэты, драматурги?

- Такой вопрос предполагает широкую эрудицию интервьюируемого. Не знаю, что тебе сказать. Прежде всего, мне больше интересна поэзия, а в ней, скорее, отдельные моменты, чем пласты: Катулл, Овидий, Бодлер, Аполлинер, Ницше, Блок, Бродский... чуть не забыла Ахматову... хоть это сейчас и не модно... Никаких тебе рассуждений о Баратынском с видом на Гудзон. Образование у меня не филологическое, поэтому я «ковровым» чтением никогда не занималась, и, открывая какой-нибудь сборник, я читаю то, что притягивает взгляд, а не все подряд. К счастью или к сожалению. Вообще, ответ на этот вопрос в разные периоды моей жизни был бы не одинаковым, наверное,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

и сейчас пришлось вспомнить всю свою жизнь. Классическую литературу я читала больше в молодости, я вообще много и быстро читала, а классика была самой доступной. Сейчас читаю не очень много. Делаю попытки, но чаще они оканчиваются разочарованием. Из последних открытий в области прозы - Фигль-Мигль порадовал. Хотя говорят, что это дама.

- Кому из ныне живущих писателей ты присудила бы Нобелевскую премию?

- Пелевину, конечно. Думаю, ты знал ответ на этот вопрос.

- Кто твой любимый поэт сегодня? Кого ты читаешь последнее время?

- Как правило, читаю то, что выходит у Павловой. Но я не могу сказать, что это любимый поэт. Интересный и талантливый - да. Отчасти удовлетворяет эстетическую потребность и дает пищу для размышлений, на общем фоне это уже немало.

- Елена, скажи, а что бы ты еще хотела сделать в литературе? Есть какие-то планы?

- Я никогда не хотела что-либо делать в литературе. Я просто пишу стихи. Иногда.

Август 2013 года

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Елена Карева

Стихотворения

Проблема в том, что сердце из стекла,
и бьется, бьется, бьется...
Что жизненная сила истекла,
и больше ничего не остается.
Что сквозь пустыню мы выходим в ноль,
и нет другой судьбы, хотя б для смеха.
Что длится мысль, пока стихает боль –
слепых ударов эхо. Эхо. Эхо.

...и видишь вдруг себя вполоборота,
увы, не понимающей значенья
простых вещей, и так, как будто кто-то
взглянул; и серебристое свечение,
смываемое золотой волною,
что говорит о том, что было лето,
что роли не играет; но зимою
была б слегка другой картина эта.
картина, отражающая вещи,
не худшие, быть может, из возможных,
но взгляд упал, и длится, и трепещет.
Простые вещи пострашнее сложных.

Но лучшие романы – те,
которые мы пишем сами,
(в своей священной простоте,
разбавленной вином и снами.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

В своей крошечной темноте,
в пустынном зале ожидания
полета к вспыхнувшей мечте,
в глухой провинции сознания).

Которые, предав огню,
мы переписываем снова,
и повторяем слово в слово
загубленное на корню.

И снова говорим: гори!
И выжигают все внутри.

Листая старые альбомы
то вдруг почти впадаешь в кому,
то чувствуешь, что жизнь прошла...
...но есть дела. Дела.

То морщишься от старой боли,
фантомной, нереальной боле;
мир – ощущаешь – пустотел...
... но очень много дел.

Ты ищешь в том стогу иголку;
оставь. Верни альбом на полку –
на самый верх, а, может, низ,
и – делай. Делай. Не ленись.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Мне кажется порою, что Нерон
держал в руках бы гибсон или фендер,
стекающий с которого неон,
пятная, приукрашивает гендер;
и, проводя рукой по волосам,
смотрел, как Рим себя сжигает сам.

Звони. Меня не будет дома,
и эта трепетная трель
по залу белому, пустому,
пойдет, как бедный менестрель.

Сказать ли, что в *Виденье Розы*
танцор действительно хорош,
и что декабрь роняет слёзы,
цена которым – медный грош,

и рассыпает золотые
на лакированную гладь
каналов? Улицы пустые
не потекут, конечно, вспять,

и, углубясь в воспоминанья,
не много памяти займут...
Но эти странные признанья –
уже давно – напрасный труд.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Наш город опускается на дно,
пропитанный осенними дождями,
с бульварами его и площадями,
и жителями, мёртвыми давно.

Наш город как жемчужина на дне,
с фабричными дымами и домами,
расплавленными в мутной амальгаме,
разлитой в сером бесконечном дне.

Мечтал он разделить судьбу одну
всех сказочных Венеций и Флоренций –
с их ядами... От прочих референций
укроет ил, струящийся по дну.

Осень волнуется раз,
осень волнуется два,
осень, хватит уже...
Но замереть не спешит.

Альбина Гурская

АВТОБУСНАЯ ОСТАНОВКА

Сумерки. На автобусной остановке кроме меня никого больше нет. Ни души на улице. Мимо проезжает легковая машина, и свет фар отражается в лужах. Потом машина уезжает, и я опять стою одна. Прохладно. Знаю точно – жду автобус, мне куда-то нужно срочно ехать. Время идет, а автобуса все нет и нет. Засовываю руки в карманы и просыпаюсь.

Этот сон стал сниться мне часто. С утра после него в душе какая-то тревога. Куда же я хотела поехать? За неделю забудется, а под выходные снова вижу этот сон или его модификацию.

Сумерки. Едет автобус. Захожу в него и сажусь у окна. В автобусе включен свет. Рядом со мной садится кто-то, и я смутно вижу его отражение в стекле. Прислоняю ладонь к окну и пытаюсь всмотреться в проезжающие мимо машины, но вдруг вижу, как наш автобус сворачивает с главной дороги на какую-то проселочную, и мне становится страшно – я еду не туда. Встаю, иду через салон к водителю и просыпаюсь.

Рассказала сон своему другу в университете. Думала, что он разгадает его, или хотя бы скажет, что все это чушь полная. А он сказал:

– Странно. Неужели тебе так часто снятся сны? Да еще и повторяются. Мне они почти никогда не снятся, а если и снятся, то такие бесцветные и бессюжетные, что я их и не помню толком.

– А мне снятся, – грустно произнесла я. – Цветные. Такие цветные, что от реальности не отличишь. И я в них все время что-то чувствую. Это и физические, и духовные ощущения.

Мой друг больше ничего не сказал. А через два дня меня снова мучил этот сон.

Сумерек еще нет, но солнце уже на западе. Смотрю на свои наручные часы. Половина шестого. Прохладно. Едет автобус. Захожу в него. Вижу кондуктора.

– Оплачиваем проезд, – говорит он и направляется ко мне.

Я шарю по карманам. Но там какая-то мелочь, и мне не хватает на билет. Я вываливаю монеты в руки кондуктора.

– Это все! – говорю я.

Кондуктор забирает деньги и подмигивает мне. Я понимаю, что мне разрешают ехать дальше. Я радостная сажусь у окна. Смотрю на проезжающие

мимо машины. Рядом со мной кто-то садится. Через некоторое время автобус останавливается.

– Все. Дальше не едем, - сообщает кондуктор. – Конечная.

– Как так?! – удивляюсь я. – Я еще не доехала.

– Выходите, и с этой остановки поедете дальше на другом автобусе.

Я выхожу на улицу. Уже сумерки. Автобус уезжает куда-то за поворот. Улица пустынна. В многоэтажных домах начинают включать свет. На улице ни души. Я снова стою на остановке и жду свой автобус. Жду и просыпаюсь.

Рассказала свой сон подруге с факультета психологии. Та мне быстро объяснила, что просто я не могу что-то сделать или доделать в жизни, что-то реализовать, вот поэтому мне и снится, что я никак не могу никуда приехать. Я долго думала о том, что именно я не могу сделать? В университет я поступила, как и хотела. А оканчивать его вроде рано, я еще только на третьем курсе. И хотя я не могла понять, что же я хочу сделать, все-таки объяснения моей подруги показались мне вполне толковыми.

Сумерки. Стою на остановке. А автобуса все нет и нет. Проезжает мимо машина. Я щурю глаза под светом ее фар и просыпаюсь.

– Не бери в голову, – говорит девчонка из моей группы, где я учусь. – Мне вообще часто снятся тянущиеся из темноты руки. Женские, красивые руки. Правда, иногда снятся руки пластмассовые, знаешь, кукольные такие. Вот это, я понимаю, страшный сон!

«Действительно, – подумала я. – Сон так сон! Не хотела бы я его увидеть».

– А стоять на остановке – ерунда, – продолжала сокурсница. – А ехать в автобусе – это вообще сказка!

Сумерки. Я стою на автобусной остановке. Остановка где-то в степи, далеко от города. Я смотрю во все глаза – никого, ни души. Тишина давит на уши. Возле остановки растут кусты. И так неприятно на них смотреть, потому что внутри темнота непроглядная. А я зачем-то решила обойти остановку кругом и посмотреть вокруг. Хожу, смотрю. Ничего живого. Подхожу к кустам. Они зашевелились, но я не испугалась. Подошла поближе, чтобы приглядеться, что там. И вдруг из самого центра темноты ко мне тянутся руки... красивые... женские. Я хочу что-то крикнуть. Открываю рот, но не могу произнести ни звука и просыпаюсь.

Меньше надо свои сны всем рассказывать – сделала я такой вывод. Но хотелось с кем-то все равно поделиться. Любят люди все загадочное и непонятное. Любят придумывать свои собственные объяснения и любят придумывать еще больше загадок и непонятностей. Рассказала свой сон приятелю, с которым мы вместе ходили в секцию волейбола.

– Видел я как-то раз такой же сон.

– И? – спросила я заинтересованно.

– И скажу тебе по секрету, не в автобусе все дело, а в самом процессе езды.

– Но иногда я никуда не еду.

– Это просто ты просыпаешься раньше времени. Следующий раз спи подольше.

– Скажешь тоже. Как будто можно контролировать свой сон.

– Конечно, можно, – сказал приятель, встал со скамейки спортивного зала и ушел за волейбольным мячом.

Сумерки еще не наступили, но солнце уже клонилось к западу. Я смотрела на розовое небо и жадно глотала свежий воздух. В кармане чувствовала рукой несколько монет. Автобуса все не было. Рядом стоял мужчина. Он нервно смотрел на часы.

– Не приедет, – сказал он.

– Автобус не приедет? – решила уточнить я.

– Да, – отвечает он, и вид у него недовольный. – Придется на поезде.

Я стою и понимаю, что он прав. Надо ехать на поезде! Мы с ним идем по тротуару, и в какой-то момент я вижу, что на самом деле мы идем по мосту, а под мостом – железная дорога. Как-то быстро совсем я оказываюсь на платформе, и у меня в руке билет. Захожу в поезд. Внутри он какой-то странный, похож на электричку, но люди вокруг начинают стелить постели, укладываются спать прямо на грязных лавках. Смотрю в окно. Пока еще светло. Решила перейти в другой вагон. Потом еще в другой. Хожу по вагонам, смотрю на людей, чувствую, как поезд едет все быстрее и быстрее. Дохожу до локомотива. Захожу в кабину машиниста и смотрю в окно вперед. Мы мчимся, как сумасшедшие по полю. Я открываю сбоку окно, вытягиваю голову и ощущаю сильный прохладный ветер в лицо. Хорошо! Только вдруг на огромной скорости поезд сходит с рельс и едет прямо по полю, распахивая его своей тяжестью, а потом останавливается. Я просыпаюсь в тревоге, ведь и в этот раз мне не удалось доехать до пункта назначения.

Рассказала свой сон маме. Мама сказала:

– Спится и снится. Пустой сон. Он тебя пугает?

– Конечно, пугает. Я считаю, что это страшный сон.

– Когда снятся страшилки, нужно пойти в ванную, умыться и произнести: «Плохой сон, пошел вон!»

Сумерки. Автобусная остановка пустынна. Я выдыхаю воздух и вижу, как пар выходит изо рта. В многоэтажках напротив уже начинают включать свет. В одном из окон маячит чья-то фигурка. Автобуса все нет и нет. Просыпаюсь, и иду в ванную. Ледяная вода отбивает вообще желание спать. Шепчу, глядя в зеркало:

– Плохой сон, пошел вон!

После того, когда я послала этот сон в неизвестном направлении, он мне вообще перестал сниться. Снится все, что угодно, но только не автобус и не мучительные ожидания отъезда. Так прошел месяц.

– Ложись спать пораньше, – сказала мне мама. – Сама знаешь, какой завтра день.

Я выключила компьютер, умылась и легла спать.

Сумерки. Автобусная остановка пустынна. Подъезжает автобус. Внутри него горит свет. Я захожу и сажусь у окна. Кто-то садится рядом со мной. Я смутно вижу его отражение в стекле. Но оно кажется мне знакомым. Оборачиваюсь, и по телу у меня пробегают мурашки.

– Папа!

– Куда ты едешь? – спрашивает он меня.

– Но ты же умер, – говорю я, а потом отвечаю на его вопрос, – Сама не знаю, куда еду.

– Рано тебе еще сюда.

Я молчу. Мы едем уже давно за городом. Степь. Потом вижу из окна, как приближаются огоньки жилых зданий. Автобус останавливается, и мы с папой выходим на пустынную улицу. В окнах домов горит свет. Уже совсем темно. Мне холодно.

– Я тебя посажу на автобус, который едет обратно.

Я послушно плетусь за папой и смотрю по сторонам.

– Что это за город?

Он говорит мне название. «Надо запомнить, – думаю я, – а то потом опять фиг сюда попаду».

В городе как-то уютно. Хочется остаться. Смотрю на папу. Его лицо в свете фонарного столба кажется таким таинственным. Он молчит и смотрит в сторону. На нем голубая ветровка, а из-под нее торчит красная футболка, та самая, в которой он умер.

Едет автобус.

– Скорее садись! – говорит он.

Я послушно сажусь в автобус, и двери закрываются. Мы отъезжаем. Я прислоняю руки к окну, смотрю на папу, а он все удаляется, и, наконец, его фигура исчезает. Я иду в конец автобуса. Долго смотрю на исчезающий город. Просыпаюсь. Сегодня годовщина со дня смерти моего отца.

С раннего утра помогала маме готовить поминальный обед и все никак не могла вспомнить название города.

– Китёль, тьфу ты... нет... Китёй. Или вообще Китёйск?

Слово крутилось на языке, но так я его и не вспомнила.

В этот день собралась родня. Поминали сначала тихо, без лишних слов. Потом разговорились, начали вспоминать всякие сюжеты из прошлого. Я ковырялась ложкой в тарелке и думала о своем. Я не могла смириться со смертью папы. С момента похорон мне проще было думать, что он куда-то уехал. Просто надолго куда-то уехал, но что у нас еще будет возможность встретиться...

Татьяна Гоголевич

ЗЕЛЕНый СОН

Тропа уходила в лес. Дождь прошел. Дым от костра над мокрыми полянами был так ароматен, объёмен и тяжел, что Катюше хотелось прижаться к нему щекой, повиснуть на нем. Электричка тихо, словно в ней никого не было, стояла на рельсах. Пока двери не закрылись, Катя думала, что хорошо бы уйти по незнакомой тропе в сосны.

Мягкий свет, чистые мокрые иглы на насыпи и дым – уютный, как дом, и нежный, как перышки серой птицы, - воскресили тихую мысль. Катя ощутила ее, когда мысль уже была в ней, одновременно и бесконечная, и беззащитная, - она могла бы длиться века, но для этого ей нужны были и узенькая дорожка, напоминающая о другой дороге, и рыжеватое свечение ушедшего к горизонту дождя.

Потом вздрогнули сосны, тронулась электричка, и все кончилось. Одиночество, холод, усталость – и глупо даже думать о такой прогулке: ее одежда для погоды хотя бы градусов на десять выше. А тут десятки километров до ближайшего жилья.

Она еще немного постояла в тамбуре, уже бессмысленно переводя взгляд: с одной стороны – высокие сизые сосны, с другой – далекие горы за рекой. Над горами висела синева. Сигаретный пепел на железном полу напоминал золу остывшего костра... Теперь единственной греющей мыслью стало, что она возьмет там, куда едет, теплые сапоги и пальто. Пока же - тонкий плащ поверх шерстяного платья, туфельки, капрон. Говорили, что в моду войдут длинные гольфы с теплыми ботинками. Но к тем платьям, что она носила, это бы не подошло.

Поезд тряхнуло, и покачнувшийся мир показался Кате не более устойчивым, чем ее собственная жизнь. Катина судьба не проявилась еще, и, когда одежда перестала ее согревать, ей стало казаться, что холодно от чего-то другого.

Чайка скользила рядом с вагоном. Глядя на летящую птицу, Катя представила себе их электричку, влетающую в безмолвные леса, и как стук ее протяжно замирает в покинутом листвой и птицами пространстве.

Она вернулась в вагон. Ее место заняли. Катя всегда усаживалась у окна, не составляло проблемы это сделать. Её путь длился от конечной станции до конечной: четыре часа. Она выбирала последний вагон, остающийся в лесах,

когда первый останавливался у платформы. Последний вагон заполнялся реже остальных.

У ее окошка сидели напротив друг друга, двое здоровых мужиков: по виду или геологов, или северян. Вероятно, они пришли через второй тамбур, из соседнего вагона. Такие люди обычно садились у аэропорта. Но аэропорт уже проехали. Другие места у окон тоже оказались заняты.

Подумав, Катя прошла к своему бывшему окну. Между северянами и остальными пассажирами оставались свободные места. Подойдя, Катя поняла, почему: почти весь пол между сиденьями-лавочками занимали распухшие рюкзаки. Все же она села рядом с одним из захватчиков. Они, не прерывая беседы, потеснили свое имущество. Неуклюжие, заросшие бородами и чем-то возбужденные, пришельцы походили на двух медведей, белого и бурого. Катя покосилась на ноги северян: унты. Ей захотелось поджать под себя замерзшие ступни.

За окнами через проход синие горы плыли, как облака, цвет их еще немного напоминал о недавнем, таком нереальном и невозможном теперь, в октябре, зное. Горы оторвались от горизонта, стали голубою мглой. Клубящиеся волны гор и леса превратились в туман и дождь, засквозили общим фоном. Потом все пропало, только дождь блестящими нитями тек по стеклу.

Вдруг вагон наполнился людьми. Потеплело. И от Катиного соседа тоже шло тепло. Приваливаясь к греющему боку, Катя успела решить, что о ней не подумают плохо, – слишком много народа, ее просто прижало. Главное, не положить ему голову на плечо. От куртки ее соседа – такие носят летчики – пахло лесом. Не бывает бородатых летчиков. Не старые, бороды их делают старше. Тот, который сидел рядом с ней, больше молчал, напротив – больше говорил. Катя не спала прошедшей ночью, у нее было дежурство в клинике, потом – занятия в институте. Но ей показалось, что она закрывает глаза от грусти. И что зябко ей тоже от этого.

Она еще понимала, что находится в вагоне, когда ей начал сниться сон. Она еще слышала, как геологи что-то говорят про нефть (геологи все-таки), и уже видела, как сходит с поезда и идет по тропе, которую, будто бы, успела уже забыть. Однако она шла, и тропа вела ее в голубую глубь.

Вначале было немного страшно незнакомых зарослей. Но страх походил на восторг, а чем дальше она уходила внутрь, тем легче становилось. Дождик висел над тропинкой, над покоем и неподвижностью. Она шла и думала, что не спит, – слишком много осязаемых подробностей для сна. Сбросивший одежду лес походил на человека, готового броситься в реку, но вдруг задумавшегося и оттого не доведшего движения до конца. Он ничего не требовал от Катюши, и никуда не звал. Он просто существовал и смотрел мимо.

Она почувствовала, что могла бы подняться над тропинкой, полететь сквозь лес или над ним. Но ей не захотелось этого, ей нравилось тихонько идти под соснами, по влажной дорожке. Зеленое, черное, желто-красное. Хвоя в зеленоватых капельках, напоминающих брызги моря. Мокрые, голые, черные, похожие на угли кусты. Стволы сосен, верхушки скрывались в мороси. Обычный, осенний лес, но в то же время такой, что она не удивилась бы, если бы осень обернулась весной. Белый дождик лежал на траве, мерцал, как россыпь ландышей.

Тропинка вывела ее к избушке. Это над ее крышей поднимался дымок. Деревья за избушкой стояли, мягки и темны, редкие светлые пятна листвы походили на ночные созвездия.

Избушка же показалась ей знакомой, как, например, звук собственного голоса. Хотя она знала, что не приходила сюда раньше. Кто-то, растопив печь в избушке, ушел. Катя почувствовала, как крепко тянет её к этому жилью с натопленной печкой. И она вошла в избушку, и ей стало тепло, только из ног не уходил холод.

Она прошлась по избушке, легко и надежно ощущая чье-то присутствие. Так хорошо пахло от тяжелых бревен дымом и тайгой! Но даже во сне ей хотелось спать. Она не стала дожидаться хозяина избушки, странно чувствуя, что дом ей не чужой. Может быть, он даже был ее собственным. Возможно, в нем всего лишь ждали ее. Или просто не возражали против её ночлега. Но Катя не могла сосредоточиться на этом: так сильно хотелось спать, и, засыпая, вживаться в жилище. Сердечность была в этом доме и что-то еще, особое, нетронутое.

Катя свернулась калачиком на лежанке, расслабляясь почти помимо воли. В печке очень спокойно гудел огонь, это убаюкивало, как песенка, что-то ровно потрескивало, постукивало. Тепло и энергия шли от огня, и Катя вскоре согрелась совсем. Она уснула внутри своего сна, чувствуя и во сне, как ей покойно, и как хорошо оттого, что она не до конца принадлежит себе. Она одновременно спала и будто бы летела куда-то, над плывущей осенней листвой, над стелющимся в прозрачном лесу дымом, и чувствовала сквозь сон, как кто-то осторожно ходит по избушке, укрывает ее, подбрасывает в печь дрова. Она чувствовала доверие к этому человеку. Она хотела посмотреть ему в лицо, но не могла раскрыть глаз.

Ей приснилось, что она проспала целую ночь, а потом кто-то прошел за окном и сказал: “Вам нужно проснуться”. Катя встала и подошла к окошку. Солнечная смесь сосен, зеленых и прозрачных, и светлых капель, и ощущение праздника катили в окно теплой, желто-зеленой океанской волной. И осени уже

не было. Но Катя не увидела того, кто позвал ее, и тогда она открыла дверь избушки, чтобы выйти в зеленое утро, и оказалась в вагоне.

И снова услышала:

- Вам нужно проснуться.

Она лежала, укрытая тяжелой дубленой шубой, с ногами, уложенными на сиденье, привалившись к тому самому геологу, к которому приткнулась в самом начале, в битком набитом людьми пространстве. Только теперь вагон был пуст. Геолог смотрел в окно и молчал. Но она поняла, что голос принадлежал ему. Когда Катя проснулась, он сказал, не меняя позы:

- Мы выходим скоро. Разбудили, чтобы Вы не спали одна в вагоне.

Тут она увидела в тамбуре другого геолога. Он поглядывал в их сторону и посмеивался. Увидев, что Катя проснулась, он пошел к ним и всю дорогу, пока шел по качающемуся вагону между деревянных лавочек, косился в сторону и смеялся. Дойдя, он посмотрел на Катю одним глазом и сказал, смеясь:

- А, между прочим, шуба - моя.

На полу стоял его раскрытый, наполовину пустой рюкзак. Катя спустила шубу с плеч, и поежилась: без нее она почувствовала себя так, если бы была в одном легком платице.

- Может быть, подарить? – делая серьезное лицо, спросил второй геолог, слегка наклоняясь к Кате. Глаза у него были отчаянные.

- Спасибо, - ответила Катя, - не надо. Она тяжелая.

Геолог захохотал, как если бы она сказала что-то очень остроумное.

Первый геолог даже сказал ему, чтобы он не смеялся так. Катя стала совсем высвобождаться из-под шубы, и правда оказавшейся тяжелой, и геолог, на плече у которого она спала, помог ей, и произнес, тихонечко и серьезно:

- Вот, сберегли Вас.

- Для кого-то другого, - хихикнул второй. Но Катя поняла, что первый хотел сказать “от холода”. Пустой вагон заполнился стужей. За окнами шел снег.

Первый геолог встал. Он оказался стройным, – теплая куртка делала его неуклюжим. Они стали собираться. Катя пересела к окну. Ей, после сна, очень нравился первый геолог, и она подумала, со смутившей ее внезапностью, что, наверное, пошла бы с ним, если бы он ее позвал, и не спросила бы - куда. Второй геолог, пожелав Кате счастья в личной жизни, потащил свою поклажу к выходу. А первый повернулся и посмотрел на нее – зелеными глазами.

Совершенно зелеными, как хвоя, глазами. Он был чудесный, взрослый, но с зелеными глазами.

Он тоже пошел к выходу, но потом вдруг бросил свои рюкзаки в проходе, вернулся и что-то сказал Кате. Он говорил так тихо, что Катя не расслышала сказанного. Она просто смотрела на него во все глаза, еще до конца не проснувшись, и будто бы пила из до хруста вымытой чашки чистую воду. Оторванная от его тела, она словно перестала понимать его речь. Ей показалось, что он ее о чем-то спрашивает, и она ждала, что он повторит сказанное. Но теперь он просто смотрел на нее.

Поезд замедлил ход, и друг позвал его, и геолог, сорвавшись с места, побежал, и, когда поезд затормозил и дернулся, ухватился за поручень и стену каким-то милым движением, чтобы не упасть, и, одновременно, быстро взглянул на Катю.

Потом они совсем вышли, и, стоя на перроне, махали Катюше руками, и что-то кричали, и тоже не было слышно, - что.

Поезд тронулся, и Катя поднялась. Ей оставалось всего две станции. Она вышла в тамбур, из которого они только что ушли (тот самый, где стояла она у раскрытой двери), дотронулась ладонью до места, за которое схватился зеленоглазый геолог. Поручень был ледяной, но ей показалось на мгновение, что он теплый. Ее била дрожь, как любого человека, вытащенного на жестокий холод после сна.

Сыпалась снежная крупа. Поезд теперь шел между дубов. Он шел очень медленно, видно было, как на дубовых листьях лежат, не растекаясь, редкие, крупные, как птичьи яйца, капли, - вперемешку с круглыми белыми шариками. А потом, на конечной станции, все уже скрылось под снегом.

Пока электричка шла от города к городу, наступила зима.

16 октября 1995 - 26 октября 2005 гг.

Виктория Сушко

ВРЕМЕНА ГОДА

...Так они и шли вдоль берега: женщина с белыми голыми ногами – чуть скривленными, в грязных шлепках, старой куртке, с засаленным серым хвостиком. С ней понурый мужчина, и между их колен вилась, кружилась, повизгивая, беспородная большая собака. Мужчина жестом предложил спуститься к реке, и они свернули. Женщина послушно постелила пакеты, села, обхватив белые ноги руками, тихо стала смотреть, как раздевается ее мужчина. Никто не торопился, кроме пса, уже резвящегося в воде. Как делают все люди на пляже, мужчина осторожно оглянулся по сторонам, прежде чем снять джинсы, спрятал живот за сутулой спиной и пошел к реке, где всю бесилась их черная собака, сбивая пену у берега и звонко лая. Мужчина пригрозил собаке, женщина рассмеялась, устремила взгляд на закатное волжское солнце, и я поняла, что весна наступила. Конец мая. Хотя бы так...

...«Любовь опасна» - шептала маленькая старушка, пряча губы в нежнейшие цветки яблони под моим окном. Порой теряешь ощущение себя так незаметно и лишь спустя месяцы вдруг понимаешь, что не знаешь, кто ты сейчас, в этот выхваченный из всех контекстов момент. Возвращаешься с работы домой под ночь, видишь белое свечение среди зелени – это расцвели три белых шара – боярышник, вишня и яблоня под твоим окном. Нос ведет тебя к этим вечным запахам. Пробуешь их попеременно. Еще вчера ты так переживала, что не чувствуешь весны, сегодня от тебя ушел твой любимый, и вот она, весна – вся твоя. С ним ты была слишком далеко от реальности. Весна обрушилась на тебя таким привычным одиночеством и всею своею любовью, которой тебе так не хватало...

...В этот сентябрь теряю дыхание, оно соединяется с частицами перманентного тумана, уходит в дождь и ни намека на возвращение: я стою у замытого ливнями окна и смотрю, как уходит мое дыхание – небрежно перекидывает немыслимой длины шарф через плечо и скрывается за пролетом арки. Просто стала дышать по-другому в течение дня. Сначала по старинке – это когда не

думаешь вовсе о том, как вдыхаешь, куда выдыхаешь. И вдруг – в разные моменты повседневного – дыхание испаряется... Будто я уже не втягиваю воздух извне и не возвращаю его обратно в мир, а перерабатываю нечто внутри себя, попутно кидает в жар и чаще стучит сердце, но неважно. Главное, вместо прошлого уверенного и необременительного, вежливого и неприметного моего дыхания пришел страх.

...В мой сентябрьский день рождения ливень, начавшийся еще за день, не прекращался ни на час. Я сидела в квартире и не хотела ничего готовить, вышла только в магазин напротив: купила любимые конфеты, попросила открыть вино – бутылочку мадеры, привезенную с солнечного Крыма. Потом все-таки пришли гости, почти всех сбили с ног бесперебойные потоки ледяной жидкости и дикий, одичавший какой-то, негородской совсем ветер. Сидели втроем с приятельницей и ее приятелем, моим бывшим, уже спившимся. Хотя он делал вид, что все это безобидная игра. У моей приятельницы зеленые русалочьи глаза немного косят, в этот момент образовавшегося треугольника глаза ее смотрели совершенно в разные стороны, недобро и даже с отвращением... Я попросила его уйти, она отправилась следом, несмотря на презрение: вдруг упадет, не дойдет, кто ж его поднимет... Потом еще два мальчика – один принес вино, другой торт. Закутавшись одним пледом, говорили о Китае, о современном искусстве, о том, что сейчас модно среди молодежи – будто сами уже старички, «деды», отжившие свою моду. Я слушала краем уха и была спокойна тем, что кто-то в этой квартире есть кроме меня, что говорят на неглупые темы и можно дальше жить после такого дня рождения: все-таки поздравили, вон, и торт есть, и чудесное вино. То и дело из каких-то щелей вылезали мокрицы, я пыталась их поймать с целью уничтожения, не всегда удавалось, мы смеялись, устраивали засады и погони. А потом мальчишки ушли. А мне так хотелось, чтобы это продолжалось, чтоб никому не хотелось спать, чтобы метро уже закрылось. Они ушли в ливень, на завтра мне предстоит вылазки сквозь дождь в сбербанк, в больницу, в редакцию за гонорарами, в галерею на новую выставку, потом на сомнительное собеседование, потом курсы английского, а еще надо написать статью, прочесть книгу, проверить почту, что-то приготовить и съесть, постирать и помыть, и так без конца и

остановок, лишь бы не было повода оглянуться и закричать от одиночества, лишь бы никогда не позволять себе всерьез думать об этом.

...В раннюю осень становишься более чутким к ускользающим моментам повседневности. И невесело кривишь губы при мысли, что они все... что всё ускользает. Банальные мысли, но как редко осознаешь не разумом, но телом. А сознание тела не врет. Жаль, что оно мало на что претендует: разум узурпировал все самое интересное, телу остались крохи – инстинкты, реакции, стандартный набор физических потребностей и ощущений. И все же порой твоё тело совершает открытия, например, вдруг чувствует время, ускользание материи и нечто между соединением и распадом атомов.

В раннюю осень, в это время времени замечаешь себя спешащим в нестройной толпе без представления о цели пути, и толпа никуда не приводит, как можно было положиться на эту сконструированную целостность?.. А если нет цели, надо себя занять чем-нибудь, потому как если ничего не случится само, чем ты оправдаешь это время, потраченное на ничто? Можно наблюдать за другими – занятое дело, оно никогда не наскучит. В каждодневных походах из дома до остановки, от остановки до офиса, потом в магазин и обратно – с несколькими возможными вариациями – люди стремятся успеть сказать всем, что они красивы. Одежда, стрижка, походка, взгляд, жесты – всего и не учтешь... Но каждый как будто кричит без слов: «Посмотри на меня! Я красивый! Я достоин твоего внимания...». Я представляю их без одежды, со складками на животах, с подпрыгивающими грудями, дрожащими ягодницами, сильными пальцами ног. Как бы изменились выражения их лиц! А надоест, так представлю их скелеты. Вот невысокий скелет тянется к другому и целует в челюсть, а совсем крошечный скелетик тянет его в это время к бегущему скелету собаки...

В раннюю осень глаза встречных девушек еще полны томных образов-воспоминаний о минувшем отпуске с его неизменными звуками волн, и запахами акаций, и ночными купаниями, и небезопасным сексом... Блуждающие улыбки девушек будто не обращены к нам, серым жителям осеннего города, это нас не касается. Замечал ли ты, когда пересекаешь центральную улицу города, такую интересную особенность: на этой улице девушки стремятся держаться подальше от постоянных жителей

провинциального бродвея, от бомжей? И чем стильнее одета девушка, чем наряднее ее сапожки и аккуратнее подведены веки, тем дальше стремится она отойти от пропитанных водкой, землей и отбросами маргиналов. А если встречи не избежать, девушки увеличивают темп раза в три...

Ранняя осень, она порой осеняет, только на что они нам, эти открытия, если я не могу подарить тебе другие глаза и другие уши лишь потому, что мы слишком похожи – ты скажешь несколько слов, и я закончу фразу, мы уже не удивляемся идентичности мыслей и оттенков наших чувств. И если бы мы были художниками, то эту особенность можно было б использовать с умом – вдвое быстрее писались бы картины, оптимизация производства... Но мы заняты совсем другими делами, и я только пишу тебе письма, подобные этому, и не отправлю – зачем, если ты все это читаешь в себе, в ежедневных сводках мыслеобразов, к чему удваивать смысл?

...В эту раннюю осень... мне так хочется измениться! Чтобы стать дальше от тебя, тогда я смогу к тебе приехать, и ты выйдешь меня встречать, издали увидишь непонятно красивую, чужую, странную, и, может быть, посвятишь немного бесценного времени своей жизни, чтобы меня понять. Тогда каждая осень будет неповторима, а все, что за ней – неожиданно. И дело за малым: мне нужно всего лишь измениться, пока не пришла поздняя осень, пока не поздно.

Дмитрий Перегудов

УБИЙСТВА В АЛЛЕРГОГРАДЕ

До города Марк доехал на предоставленной Управлением машине – крошечной, одноместной, похожей на бледно-желтое яйцо. Он ехал по дорожной ленте среди титанических автобусов и робо-грузовиков, длинных и сегментированных, как гусеницы.

Одноместных машин, таких как эта, было мало. Экослужба за этим следила.

Марк припарковался у бетонного куба аванпоста и выбрался. День был яркий, солнечный и безветренный. Город аллергосов выделялся на фоне неба – это скопление наползающих друг на друга куполов и решетчатых мачт антенн.

Марк зашел в здание. Он показал охраннику документы детектива Управления. В висящем на стене зеркале мелькнуло отражение – долговязый парень с темными волосами, одетый в брюки и рубашку.

- Я к комиссару, - сказал Марк охраннику.

- Он у себя. Там...

Пожилой мужчина в форме махнул рукой.

- Хорошо.

Детектив вошел в маленький кабинет Айзека Фо, комиссара Аллергограда.

Тот сидел за заваленным распечатками и документами столом, уставившись в экран компьютера – плотного сложения шатен с мягкими чертами лица. Униформа цвета хаки, довольно потрепанная и затертая, сидела как влитая.

- Марк Вальт, детектив, - представился вошедший.

- Очень хорошо.

Комиссар привстал и пожал руку Марку.

- Я пришел по поводу убийств.

- Да. Я слышал, что вы главный эксперт Управления по всякой химической гадости...

Айзек говорил с грубоватым добродушием, словно старый фермер из фильма.

- Аллергосы, - сказал Фо. – Их так просто убить, поэтому и живут... у себя, там.

- Что насчет убийств?

- Пусть сами все расскажут. Поедем...

Фо встал из-за стола.

За аванпостом стояло в ряд три ховера, приземистых и жукообразных, с маячками на крышах. Марк сел рядом с Фо. Комиссар завел работающий на растительном масле двигатель, и пахло жареной курицей...

- Здесь недалеко.

Фо направил машину к Аллергограду.

- Знаете ведь, что эти бедолаги могут помереть, понюхав цветок?

- Да.

- Я и говорю, убийце тут не надо сильно стараться. Главное, преодолеть периметр.

Марк кивнул. Он уже думал об этом в дороге от Управления. Так что может быть, убийства совершает один из них?

* * *

Собственно, эти смерти не выглядели, как убийства. Многие аллергосы умирали таким образом.

Аллергос... Общепринятое уже слово, но если по-научному – человек, страдающий синдромом гипераллергии Колосова. Это неизвестной природы заболевание становилось все более распространенным во всем мире.

В результате, контакт с ничтожно малым количеством любого из сотен и сотен аллергенов вызывал резкую и очень часто смертельную реакцию организма – отек всего тела, экстремальный бронхит и воспаление легких. В шестидесяти процентах случаев – летальный исход.

Аллергосы не могли жить почти нигде, только в помещениях с абсолютной чистотой, дыша фильтрованным воздухом и питаясь искусственной пищей.

Сначала они жили в больницах и специальных санаториях. Но за несколько лет наука так и не нашла лекарство от синдрома Колосова, а количество гипераллергиков все увеличивалось. Сотни людей, тысячи людей...

Тогда один из специализированных санаториев так разросся, что превратился в город, где аллергосы жили, почти уже став отдельной нацией.

Многие боялись их, словно прокаженных. Мир изменился, стал гуманнее, но вспышки насилия против аллергосов были нередки. Кроме того, раз природа

заболевания оставалась невыясненной, изоляция казалась разумным для общества шагом.

Аллегргоград стал домом для “людей синдрома”, и лишь изредка в других городах можно было увидеть фигуры, одетые в герметичные комбинезоны с масками.

* * *

- Вот, мы здесь.

Они с Фо подъехали к внешнему периметру города – высокой стене из белого железобетона.

У стены было несколько поселков. По улицам там ходили обычные люди и... другие, в белых комбинезонах, похожих на скафандры. Комиссар направился к КПП у стрельчатой формы портала в стене. Там оказались охранники в таких же комбезах, только черных. Вооружены они были шокерами и станнерами.

- Мы к вашему начальству, - Фо показал значок Управления. – Это по поводу расследования. Охранники просканировали машину и пропустили. Один из них пробубнил сквозь маску:

- Езжайте прямо по тамбуру в док 7. Там вами займутся.

- Конечно.

Автомобиль оказался в сети тоннелей, озаренных желтыми лампами. Фо свернул в одно из боковых ответвлений и остановился в доке 7 – гулком пустом ангаре.

На полу загорелась стрелка, ведущая к овальной двери, похожей на воздушный шлюз.

- Туда, - сказал Фо.

Интересно, сколько раз он тут бывал? Шаги по плотно притертым металлическим плитам звучали оглушительно.

За дверью было бочкообразное помещение с множеством прозрачных шкафчиков, заполненных все теми же комбинезонами и масками.

- Нужно переодеться, - произнес Айзек.

Марк кивнул.

Они с Айзеком прошли обработку в цилиндрических камерах хим-биозащиты, и только потом облачились в одежды чужаков в Аллергограде. А

дальше был тамбур и тщательнейшее сканирование. Марк почувствовал сильную тошноту.

Только после всего этого очередная герметическая дверь выпустила обоих мужчин под купола, в пределы города. Под зеленоватыми фасетчатыми сводами высились белые кубы домов, между которыми ходили аллерги в одеждах светлых тонов.

Марк вдохнул пресный, многожды фильтрованный воздух. Было такое ощущение, будто он покинул Землю и оказался в ином, чуждом мире.

- Вот он идет, - сказал Фо.

К гостям приближался высокий мужчина в белом комбинезоне. У него было бледное лицо с правильными чертами и светлые волосы, зачесанные набок.

- Я Дэвид Вик, Координатор Безопасности.

- Очень приятно.

- Вы детектив из Управления?

- Да.

Марк знал кое-что об устройстве Аллергограда.

Он был автономной самоуправляющейся территорией с еще более жестким, чем в Мировой Республике, планированием. Управлял поселением Совет Координаторов.

- Расскажите подробнее о случившемся, - попросил Марк.

- Несколько людей погибло от синдрома, в разных концах города. Их ничто не связывало.

- Кроме... болезни.

- Да.

- Мои подчиненные искали следы аллергенов, но не нашли. Все защитные системы города работали, как и всегда.

- И теперь вы хотите, чтобы я отыскал причину.

- Да.

- Полагаете, эти люди могли быть убиты? Кем?

- Кем-то снаружи, - Дэвид указал на купол над головой. – Мы знаем, что некоторые люди хотят всех нас уничтожить... во избежание распространения синдрома.

- Это возможно.

- Я наводил о вас справки, детектив Вальт. Вы раскрыли множество случаев биотерроризма, до и после утверждения Республики.

- Да, это так.

- Будем надеяться, что вы и здесь преуспеете.

* * *

Координатор повел Марка к одному из зданий – очередному белому кубу, только с красной полосой в нижней части.

- Здесь наша база данных, - сказал Вик. – Вы можете узнать о жертвах все, вплоть до генетических особенностей.

- Очень хорошо.

Марк продолжал смотреть по сторонам.

Они прошли мимо прозрачного куба, за которым несколько детей от 3-х до 9-ти лет играли с котятами. На каждом ребенке был легкий скафандр. И внезапно Марк взглянул на окружающее совершенно по-новому. Несмотря на все сложности, аллергосы были твердо намерены выжить.

По пути Вальт замечал черные пластиковые цилиндры с красными огоньками. С опозданием он узнал хим-биосканеры ТК-6900 – новейшие машины, которых пока не было даже у спецподразделений Республики. Да, у этого города отличные снабженцы.

Вальт задержал взгляд на одном из сканеров. Что-то было в нем. И детектив по привычке отложил это предчувствие в запасник своего разума.

Дэвид провел Марка и Фо внутрь здания – в зал, где высились огромные массивы квантовых компьютеров и ровно светили экраны рабочих консолей. По стенам и потолку тянулись связки проводов. Марк заметил, что за одной из консолей кто-то сидит.

- Игорь, твоя смена закончилась, - произнес Дэвид, подходя ближе.

- Подождите, - Марк остановил Координатора.

Игорь сидел в кресле без движения.

Детектив резко развернул его, и все увидели покрасневшее, неестественно раздувшееся лицо мертвеца.

- Отойдите подальше, Координатор, - твердым голосом велел Марк.

В помещении тоже был сканер ТК-6900, но он молчал.

И тут Марк увидел убийцу. Тот был совсем мал, с хитиновым покровом и шестью конечностями.

- Координатор, нужен контейнер!

Побледневший пуще прежнего, если это вообще возможно, Дэвид снял с пояса небольшой герметичный контейнер и бросил его детективу.

Тогда Вальт взял насекомое и засунул его в емкость, плотно закрыв крышку.

- *Blattella germanica*, - произнес детектив. – Таракан-прусак.

* * *

Расследование заняло всего пару часов.

Все оказалось просто. Кто-то из выходивших за пределы куполов аллергосов случайно принес этого таракана с собой, а недавно установленные сканеры ТК-6900 не среагировали – ошибка в базе данных, случившаяся после очередного обновления их программ.

Каким образом таракан прошел через все системы очистки периметра, еще предстояло выяснить.

В результате, таракан несколько дней расхаживал по Аллергограду, никем не обнаруженный, и убивал людей, просто оказавшись рядом с ними – синдром Колосова делал свою работу. Так Марк и закрыл свое очередное дело.

Молодая поэзия Астаны

Подборка стихов вольнослушателей Открытой Литературной Школы Астаны, которые с различной степенью регулярности посещали семинар поэзии (что вовсе не относится к Ануару Дуйсенбинову, чьё присутствие всегда было весьма эфемерным), объединена одним ценным свойством – она абсолютно живая. Речь каждого автора взволнованна и прерывиста, а аргументы просты и неожиданны.

Примечательно, что та смелость, которую демонстрирует А. Дуйсенбинов, в таких вещах как «февральапрель апрельфевраль сәуірақпан», стараясь зафиксировать уникальную ситуацию здесь и сейчас, в своих программных вещах уже демонстрировал ведущий казахстанский автор Павел Банников.

Интересны по-своему все авторы подборки: Александр Касымбаев, Евгений Кирсанов и Пётр Бочкарёв, но последний ещё и радуется весёлым и нахальным взглядом на происшествия зримого и – в ещё большей степени – незримого миров, чем несколько напоминает Введенского.

Надеюсь, каждый найдёт для себя в подборке что-то неожиданно знакомое, но всё же и отличное от уже знакомого.

Канат ОМАР

Ануар Дуйсенбинов

LASTSUMMEREVENING

"Это просто осень поперек весны." Г.Л. Олди

усталый пепел угасающего лета срывался с пальцев вниз, тонул в асфальте.
молчание неба вспарывали птицы, молчание утра - песни с минарета. все звуки
в вальсе.
молчание привязывалось к тем, кто уходил.
не оставался.

МИР-ЧУЖБИНА

забытый берег скомканной реки пестрил осколками покинутых бутылок,
сверкал отчаяньем.

курить приятнее уставившись в родной затылок, а взгляд правдивее ловить
случайно.

если летать, то птицей, без закрылок; если болеть, то так чтобы и ночь кричала.
и ночь кричала.

пульс вторил ритму качающейся речи, пересекающей границы рифм и строк.
пьянящий ветер, символ вечной веры нес запахи про детство и Восток.
вода облизывала пятки, прохладой целовала кожу
чуть выше стоп.

свет оставлял на нас невидимую печать - прочувствовать, но не смыть.
взором, если тонуть вперед, небо и твердь смыкаются без тесьмы.
время не лечит и не летит, время - умелый вор, карманы его тесны.
щелкнул огнем. подпалил сигарету. выдохнул осень.
поперек весны.

АЛЕКСУ

чтобы сказать что-то всем иногда нужно сказать это другу.

Мир не устроен как механизм, Алекс, это только его обложка, защитный слой.
Люди утверждают что жить - это тонкое ремесло.
Каждый ищет русло, воинственно вздымает весла,
Мы довольны и тем, что течением принесло.

Я порой ощущаю свое бессмертие, Алекс, время видится мне нелепым,
Сказкой для уstraшенных и для детей их,
Отливающих статуи славы в дымных своих литейнях,
Безжизненных богадельнях, душных спальнях.
И все бы дельно, Алекс, если бы слава умела украсить не только склепы.
И пусть мы с тобой просто слепы, а весь мир состоит из зрячих,
Из всевидящих, всепознавших, терракотовых мертвых слепков,
Мы - живые, а это значит - смерть не станет нам вечной клеткой.

МИР-ЧУЖБИНА

Если я что-то и знаю о братстве, Алекс, оно точно не зависит от содержимого твоих жил.

Никогда в своей жизни я ничем так не дорожил,
Как вот этим чувством, что внутри у тебя постоянная напряженность стальных пружин.

Даже думается, что вряд ли я чем-нибудь его заслужил.
Знаешь, мы так и не выучились использовать проторенные тропы.
Все еще руководствуемся импульсом там, где больше подходит опыт.
К некоторым словам, Алекс, применим только грустный шепот,
Но мы все еще прячем их в неразборчивый пьяный гогот.

Да, мы любим желчь изрыгать словно пламя из уст факира,
Каждый свободный, злой, безнаказанный и задира,
И, конечно, прожженный спец по вопросам устройства мира.
Только мир это музыка, Алекс, и ты - архитектор мира,
Пресловутый судьбы кузнец от самых Андов и до Памира.
Сложность нашего восприятия против этой простой идеи -
Лишь изысканная сатира.

По предмету дружелюбия и контакта мы давно получили неуд.
Время - вечный рыбак, к нам протягивает свой невод.
Мы же, Алекс, тихо лежим на дне вот
И глядим не мигая словно два большеглазых ската,
И плывем от заката и до заката
Над бескрайним песчаным дном,
Рыбам кажется, что над небом.

poem A.: lullaby

как мой город гаснет и замирает если в нем не звучит твой голос
как со взлетных полос остывающих всходит последний жар
как тягучая пустота обращает мне сердце в полость
если вдруг произносишь, что тебе пора уезжать

как кому-то новое утро вскрывает веки, а нам бессонным всегда сшивает
как асфальт нам и пьедестал и уют дорожный, созданный на привале
и последние "я люблю" углубляются в твердь души моей словно сваи
мы всегда свои даже там, куда нас не звали

МИР-ЧУЖБИНА

кто тот ваятель, что в тебе уместил столько боли и пронзительной красоты
где ребенок тот, что меня рисовал робким пальцем да на песке

кто в нас вшил эту чувственность как антенну для ретрансляции высоты
кто вписал этот код одиночества пульсирующий в виске

а ты спи и не открывай очей, моя легкость, не дрейфь из-за мелочей
всех беззвездных ночей стоит только тепло от объятий твоих и плеч
знай, что дом там где птицы взрывают грудь, распадаясь на тьму лучей
знай, что дом обретенный иначе - ложь, которую не уберечь

разве мы не познали зимы, не испили отчаянья, не пресытились тишиной
разве мы не любили, вмерзая губами в имя, застывшее перед взором
полно, легкость моя, разве свет не играет в нас звонкой тугой струной
разве нас не клеймили, не навешали ярлыков глупейших в порядке вздора
разве это нам важно, сердце мое, веки свои смыкай
ровно дыши дотлевающей и последней
чем мы глубже молчим, тем им обидней
если кто-то исходит ядом, изливающимся за край
если ранить хотят - пускай
разве мы не играли с раннего детства во все их танцы
разве мы не взрастили себе хитиновый черный панцирь
тише, солнце мое, докуривай
засыпай

Петр Бочкарев

* * *

МЕРТВЫЕ ЦИТАТЫ

Живет жилец в своем дворе,
Живут ежи в своей норе,
Живет метла в своем углу,
Живет мертвец в своем гробу.

Мертвец скрипит зубами, он
Желает жить и есть бульон,

Сказать он хочет чепуху,
Желает быть он на слуху.

Мертвец бормочет нам триптих,
Скрипит зубами белый стих.
Мертвец цитаты говорит,
Жилец их завтра повторит

И тем живет весь наш народ,
Что вечно смотрит мертвым в рот,
И в страхе слышит в темноте:
"Ци Та Ты Те, Ци Та Ты Те"

* * *

Снег сдавлен, словно торт Наполеон,
Уже не слышен дисков скрежет.
Вчера автобус мчался на обгон,
Сейчас бордюр колеса режет.

Кондуктор просит голосовать рублем,
Под бюллетень карман подставил.
Вообразил рояль сидящий за рулем,
Не зная нот, педали жмет без правил.

Держась за поручень, мы остановку ждем.
Стеклом окна глядят на нас плакаты,
Их осенью еще приклеили дождем,
А мы стоим, ленивы и горбаты.

* * *

Без окон, слеп от копоти, черный небоскреб
Меня позвали, Господи, туда, в его пентхауз
Есть тухлую рыбу ножом,
Но я ушел
В спасительный подвал,
Где теплых труб
И нежных губ гранит
Мой сон хранит.

* * *

Ты видишь, Боги не наелись
Олимп велик. Луна светла.
Слепые звезды разлетелись
Как крошки с барского стола

Теперь не спи, пиши поэму
Теперь коли, руби и режь!
Пусть льются зрелища на Землю
Про жизнь достойных и невеж!

А Боги хлопают в ладоши,
Жуют губами белый хлеб,
С небес летят золотые гроши,
Хотя спектакль был нелеп.

Александр Касымбаев

ДВЕРЬ

Я стою перед дверью окованной
И слова повторяю волшебные:
Отворитесь! Я пришел одинёшенек,
Своей волей, не по принуждению,
Чтоб увидеть сейчас и воочию
Мир, что был мне обещан святошами.
Но стоят неподвижно проклятые,
Не шевелятся, будто злорадствуют,
Втихомолку скрипят, насмехаются,
Что не в силах я ими воспользоваться.
Отворить я пытаюсь их силою,
Бьюсь в них, словно волна разъяренная,
А они лишь опять потешаются
Над моею мертвецкою немощью.
Слышу голос таинственный, старческий:
Не твоя это дверь неприступная -
Для другого она предназначена!

Ты ж иди тропой нехоженой
Да ищи счастье в крае неведомом,
За туманом клубящимся, призрачным.
Там, в далекой стране, зачарованной
Ждут тебя с балаганом и музыкой,
И с шампанским игристым и песнями,
Что во мрак погружают неизвестности.
Ну а я не дурак – силы пробую
И терзаю засовы калёные,
Рву зубами полотна дубовые,
Снять с петель силуюсь двери морёные.
Знать судьба моя – рушить препятствия,
Наживать себе недругов скопища:
Мне по нраву не боль и страдания,
Но награда достойная по сердцу.

ЛЮДИ-БЕСЫ

То ли люди очерствели,
То ли я стал плохо пахнуть,
То ли мир перевернулся,
В одночасье став клоакой.
И барахтаемся в жиже -
То ли люди, то ли бесы,
Заблудившиеся в грёзах
И утратившие лица.
Подвываем дружно хором
Ненасытным вурдалакам
И во мраке тщетно бродим,
Пожирая без разбора
И съестное, и помои.
Что же с нами приключилось?
Что не так пошло однажды?
То ли мир перевернулся,
В одночасье став клоакой,
То ли люди изменились,
То ли я черствее стал.

Евгений Кирсанов

Средь листьев пару поплавок
Качает водоём,
И в отраженьях облаков
Толкуем ни о чём.

И вьётся нимфою мечта
Над гладью тёмных вод.
Смертельна эта красота,
Затянет, если вброд.

Вот здесь топи свою мечту,
А я уж затопил,
И впредь не вспоминай про ту,
Которую любил.

РАСКАЯНИЕ

Листья падали, падали вниз,
Устилая собой гладь воды,
И последний, держась за карниз,
Слов прощенья ждал от звезды.

Он всё лето, на самом верху,
От других закрывал её блеск,
Но его, что поддался греху,
Ждал лишь чёрной воды тихий всплеск.

Средь ветвей оголевших видна
Та звезда, только где тот листок?
Над опавшей листвою – одна,
Чтобы каждый узреть ее смог.

Вместо предисловия

Представляя читателю поэта, публикатор обычно начинает с вех в биографии. Здесь немного другой случай. Тексты, которые я прошу прочесть в первую очередь, ждали читателя четверть тысячелетия. Они устали ждать. А если вам всё же нужен образ автора, то автор вот он: обмакивает птичье перо в чернильницу, медленно пишет. Сразу набело, он человек небогатый, права на порчу бумаги нет. Строки выходят готовыми сразу из головы.

(ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА
Ноябрь 1759 года)

ПУБЛИЯ ОВИДИЯ НАЗОНА
ЭЛЕГИИ

Из первой книги Печалей (Tristia)

Перевод Кирияка Кондратовича

ЭЛЕГИЯ II

Боги моря и небес! (ибо что уже мне, кроме молитв, осталось?) не допустите развалиться частям корабля, волнами поврежденного,

и не соглашайтесь, молю, на гнев великого Кесаря. Часто, когда один бог утесняет, другой подает помощь,

Вулкан ополчался противу Трои, а Аполлон за Трою стоял. Венера была Тевкрам доброжелательна, а Паллада на них враждовала.

Ненавидела Сатурнова дочь, будучи Турну милостива, Энея, однако он, под защитением Венериным, безопасен пребывал.

Часто жестокий Нептун на осторожного нападал Улисса, но неоднократно его Минерва от своего дяди избавляла.

И хотя я себя с ними не равняю, однако что препятствует, чтобы и при мне не присутствовало какое-нибудь божество, когда на меня один из богов прогневался?

Вотще я, бедный, погубляю бесплодные слова, свирепые воды забрызгивают уста мои, сие вещающие,

и ужасный полуденный ветер развеивает мои речи и молитвам моим возбраняет лететь к тем богам, к которым я оные воссылаю.

И так те же ветры, чтоб мне не в одном страдать, неведомо куда и паруса, и моления мои несут.

Ах, бедный я! Коликие горы вод валятся! почти уже до высоты звезд достают.

Коликие в расступившемся море являются долины! почти уже темного Тартара касаются.

Куда ни посмотришь, нет ничего, кроме моря и воздуха, одно волнами надменно, другой грозен облаками.

Между обоими шумят в ужасных вихрях ветры, морские валы не ведают, которому повиноваться господину.

Ибо то от багряновидного востока Эвр усиливается, то Зефир, от вечерних стран исходящий, дышит,

иногда хладный Борей от непогружающихся в море небесных медведиц свирепствует, иногда сражается с ним Нот противу устремленными силами.

Не знает кормщик, что делать, не ведает, чего беречься и за что приняться, самое искусство в сомнительных бедствиях приходит в изумление.

Конечно погибаем! и нет, кроме суетной надежды, спасения, и, когда я сие говорю, лицо мое заливают волны,

угасят сию душу волны и все молящимися устами умерщвляющую проглоску воду.

А любезная моя супруга ни о чем другом, как только о ссылке моей соболезнует. О сей одной моей беде ведает она и воздыхает.

Не ведает, что тело мое по пространному носится морю, не ведает, что оно гонимо ветрами, не ведает, что мне приближается кончина.

Слава богу, что я не позволил ей со мною на корабль взойти. А то бы поистине мне бедному дважды смерть претерпеть надлежало.

Ныне, хотя я и умру, но для того, что она в безопасности пребывает, то половина жизни моей всеконечно останется еще на земле.

Увы! коль скорым осветились облака пламенем! коликий на воздухе услышали мы треск!

И не меньшею силою волны бьют корабль, как тяжелое бремя таранов городские ударяет стены.

Сия находящая волна превосходит все волны, она идет после девятой, а прежде одиннадцатой.

Я смерти не боюсь, но смерть сия бедна. Не дайте мне утонуть, смерть мне будет вместо дара.

Есть в том некоторое удовольствие: или своею смертью умирающему, или падающему мечом лишаящееся чувств тело положить на твердой земле.

Немалая отрада надеяться погребения, завещанного своим родственникам, и не быть в пищу рыбам морским.

Представьте себе, что я такой смерти достоин, но я не один здесь плыву. Почто и неповинных казнь моя постигает?

О, вышние, и вы, лазоревые боги, коим моря подвластны, оба собора, престаньте уже грозить,

и которой жизни гнев кротчайшего Кесаря у меня не отнял – дозвоьте мне несчастному оную довести до определенного места.

Ежели вы на меня хотите наложить заслуженную мною казнь, то, по рассуждению самого Его, вина моя смерти не достойна.

Ежели бы Кесарь похотел низвергнуть меня в Стигийские воды, не требовал бы в том вашей помощи.

Власть его пролить мою кровь не сделает его ненавистным. И что он мне даровал – сам, когда восхочет, отнимет.

Вы только, боги, никаким моим беззаконием не раздраженные, будьте довольны моими бедами.

Однако хотя бы вы все бедного сохранить восхотели, то уже погибший человек спасенным быть не может.

Хотя бы утихло море, хотя бы мне веяли способные ветры, хотя бы вы мне простили – не буду ли я тем в ссылке?

Не плыву я по пространному морю, имея ненасытное желание ко приобретению безмерного богатства заменю товаров, не еду я, куда прежде ездил учиться в Афины, ни в Азийские города, ни в те места, где я прежде бывал,

и не для того, чтобы, прибыв в славный Александров град, видеть твои, роскошный Нил, увеселения.

На что я способные призываю ветры: кто может поверить? Сарматская та страна, в которую приехать желаю.

Обеты творю, чтобы приплыть к диким берегам свирепого Понта, и приношу жалобы, что я так медленно в ссылку еду из отечества.

И, чтоб увидеть неведомо где в мире обитающих Томитов, сокращаю сей путь моими мольбами.

Ежели вы меня любите, укротите толикие волны и покажите над нашим кораблем свое благоутробие,

а если паче ненавидите, допустите приплыть мне к определенной стране, которую я за часть моей казни почитаю.

Жестокие ветры, что мне здесь делать? несите мои паруса. Зачем мои паруса в виду Авзонских пределов?

Неугодно сие Кесарю. На что вы того удерживаете, которого он изгоняет? Пускай узрит Понтийская страна лицо мое.

Сие и он повелевает, и я то заслужил и почитаю за несправедное и незаконное дело приносить оправдание в тех преступлениях, за которые он меня осудил.

Но, ежели человеческие дела всегда богам известны, то вы сами ведаете, что вина моя незаконию неспричастна. И воистину так. Вы то ведаете.

Ежели я погрешностью в сию вину впал, и намерение мое безрассудно, а не незаконно было,

ежели я, хотя из последних, тому дому добродетельствовал, ежели я Августовы повеления довольно свято хранил,

ежели я говорил, что при его владении благополучный век и, как за Кесаря, так и за весь его дом, богам кадило приносил,

ежели я сие имел в сердце – так пощадите меня, боги, а если нет, то да пожрет меня глубина морская.

Не мечту ли я зрю? или начинают исчезать обремененные облака? и укрошенный гнев переменившегося гибнет моря?

Не случай, но вы, обетами призванные сердцеведцы, боги, сию мне подаете помощь.

ЭЛЕГИЯ III.

Когда мне на мысль приходит печальный образ той ночи, которая мне последним временем была во Граде,

когда воспоминаю ту ночь, в которую я столько утех моих оставил, то и теперь еще из очей моих капли слез катятся.

Наступал уже тот день, в который Кесарь велел мне выехать за последние Авзонские пределы.

Ни способных мыслей, ни довольного времени не было ко приуготовлению. Сердце мое было каменно долгое время.

Не имел я попечения ни о избрании рабов, ни спутника, ни приличной изгнанцу одежды, ни припасов.

Не иначе я омертвел, как пораженный Юпитеровыми огнями, который жив, однако о жизни своей сам не знает.

Но как сие исступление ума самая печаль истребила и, наконец, чувства мои получили прежнюю силу,

то, в последние отходя, начал я говорить с прискорбными друзьями, из которых множества один только или два были.

Супруга, горя ко мне искреннею любовью, плачущего меня держала, сама рыдая горестнее и дождем слез неповинное свое лицо умывая.

Дочь моя была далече от меня, в Ливийских странах, и не могла ведать о моей судьбине.

Куда ни поглядишь, плач и воздыхания раздавались и вид внутри был зрим истинного погребения.

Женский и мужеский пол и малые отроки скорбели о моем погребении, и не было в доме места, где бы слезы не проливались.

Ежели можно в малом великие употребить примеры, таков был вид Трои при расхищении ее.

И уже гласы людей и псов умолкли и луна потными коньми на высоте управляла.

И на оную я взираю, и, посредством света ее видя Капитолий, вотще смежный с моими Ларами, сказал:

Боги, в соседственных обителях живущие, и храмы, которых больше глаза мои зреть не будут,

и прочие мною оставляемые божества, в высоком граде Квирина пребывающие, примите от меня последнее сие поклонение.

И, хотя я, уязвлен, поздно щит приемлю, однако изгнание сие избавьте от ненависти

и богоподобному скажите мужу, каким заблуждением я преткнулся, чтоб он вины не почел беззаконием,

и что вы ведаете – знал бы то и виновник моей казни. Умилостивив бога, не могу я быть бедным.

Столько молитв проливал я пред вышними, а жена моя больше. Тяжкие дыхания слова ее пресекали.

Она, с растрепанными волосами ниц падши пред Ларами, трепещущими устами угасшие лобызала жертвенники

и на отворотившихся домашних богов многие произнесла речи, не могущие оплаканному пособить мужу.

И уже стремящаяся к Западу ночь более мне медлить не позволяла, и Паррасийская медведица от своей оси отвортилась.

Что мне было делать? Любовь дражайшего отечества меня удерживала, но она ночь была последнею моему отшествию.

Ах ! сколько раз я говорил побуждающему: Что нудишь? Смотри, куда спешишь или откуда?

Ах! сколько раз переменял я час, определенный к подлежащему мне пути.

Трижды я ступал на порог – трижды возвращался, и сами ноги, угождая мыслям, были косны.

Часто я, сказав прости, опять говорил много и, будто отходя, последнее давал целование.

Часто повторял одни повеления и сам забывал оные, возрев на любезнейших моих.

Наконец сказал я: что спешу? Скифская та страна, в которую посылают; Рим должен я оставить – для обеих причин медление справедливо.

Жена навеки у живого меня живая отъемлется, и дом, и живущие в нем верные мои

и любезные, и друзья, которых я как братьев любил. О, сердца, Тесеевою верностью со мной сопряженные!

когда еще можно, – обниму вас, может быть, уже более никогда не удастся, который мне дан час, тем я пользуюсь.

По сем немедленно оставил я неоконченные разговора речи, подлежащее все объемля мыслию.

Когда я говорил и все мы плакали, то на небесной высоте противная нам звезда взошла пресветлая денница.

Расставался я не иначе, как члены свои оставляя, и, казалось, что часть от тела моего отторгнулась.

Тогда разлучающиеся со мною воздвигли вопль и стенания, бия обнаженную грудь от горести руками.

Тогда, при отшествии, жена, бросаясь мне на шею, сии печальные слова своими растворяла слезами:

Не разлучишься со мною, купно, ах! купно пойдем! говорила: последую за тобою и изгнанного изгнанная буду женою,

и мне путь уготован, и меня примет отдаленнейшая земля. Весьма малою тягостию буду я идущему в ссылку кораблю.

Тебе повелевает от отечества удалиться гнев Кесарев, а мне - любовь. Сия любовь будет мне вместо Кесаря.

На сие она устремлялась, как и прежде, и едва польза желание ее преодолела.

Вышел я (или то без выносу было погребение) в горестном виде, с распущенными по сетующему лицу волосами,

а она, обременена печалию, покрыта мраком, среди дому, как говорят, пала полумертва.

Но, как пришла в себя и оскверненную гнусным прахом главу и хладные от земли воздвигла члены,

то себя, то оставленных домашних богов оплакивать и похищенного мужа имя часто гласить

и не меньше стенать начала, как бы или дочернее или мое видела тело, на возженном срубе положенное,

и хотела умереть и чувств лишиться смертию, но любовь ее ко мне в том воспрепятствовала.

Пускай живет: и отсутствующему, когда так судьба определила, пускай живет и во все время подает помощь и облегчение.

ЭЛЕГИЯ IV

Уже погрузился в Океане страж Эриманфской медведицы и созвездием своим возмутил морские воды,

однако мы не своею рассекаем Ионийское море волею, но страх принуждает нас быть отважными.

Ах, несчастный я! коль сильными ветрами воздымаются моря и, со дна поднятый, кипит песок!

и не меньше гор валы на нос и искривленную корму насакивают и ударяют в изображенных богов!

Все строение корабля звучит, и трещат канаты, ветром ударяемые, и само корабельное дно в бедах наших состенает.

Кормщик, бледностию лица оказав хладный страх, не правит корабля искусством, но гонимому следует.

И, как бессильный всадник, тщетно удерживая твердоустую лошадь, наконец попускает узду,

так корабельщик не куда сам хотел, но куда волн стремление несло, ехал.

И ежели б Эол не выпустил других ветров, то принесло б меня к местам, в которых мне век не быть.

Ибо, оставя далеко в левой стороне Иллирические берега, вижу запрещенную Италию.

Престаньте, прошу, ветры, гнать в заказанную землю и великому со мною повинуйтесь богу.

Когда сие говорю и желаю, — купно и боюсь, — удалиться, — коликою силою волна в корабль ударила!

Пощадите, вы, пощадите, лазоревого моря боги, пускай один Юпитеров гнев меня поражает.

Вы томный дух сохраните от жестокой смерти, ежели только погибший погибнуть не может.

Вместо послесловия

Я читаю много стихов, эти особенные. Вообще-то это не совсем стихи. Это перевод стихов прозой. Элегии Овидия, переведённые на русский четверть тысячелетия назад. Автор перевода – Кирияк Кондратович.

В 1986-м году праздновали 400-летие города, в котором я родился и живу. Загодя была издана любопытная книга «Самара-Куйбышев: хроника событий: 1586-1986 гг.» - Куйбышев: Кн. изд-во, 1985. - 364 с. На 28-й странице упомянуты два события, относящихся к нашей теме. 30 ноября 1738 года Татищев высылает из Самары в Академию наук перевод книги «Грамматика», а 28 декабря того же года – перевод «Синтаксиса». Переводчик в обоих случаях тот же, что и у овидиевских элегий.

Вот эта пара упоминаний и виновна в том, что я спустя много лет полез во всемирную паутину с целью узнать побольше об этом Кондратовиче. Есть у меня безобидная страстишка вытаскивать из безвестности разных персонажей.

Любопытность Кондратовича куда увесистей его безвестности. Поэтому продолжаю. Родился он в городе Ахтырка. Городок и посейчас существует под тем же названием, в Украине, в Сумской области. Топоним, бесспорно, тюркского происхождения. Хотя есть и народно-анекдотическая этимология. Якобы императрица Екатерина, проезжая мимо, уронила какую-то драгоценность, вывалившуюся в дырку в полу кареты. После чего воскликнула: «Ах, тырка!» «Тырка» - русское «дырка» с екатерининским немецким акцентом. На самом деле городок задолго до Екатерины, ещё в конце 17-го века, заселён украинцами с западного Поднепровья. Был он войсковой слободой, слобожане исполняли воинскую повинность, из них формировался Ахтырский полк. У сотника этого полка и родился Кирияк. На третий год после того, как Пётр Великий повелел отсчитывать год не с сентября, а с января, и не от сотворения мира, а от рождества Иисусова. То есть в 1703-м году. Дату рождения я, как ни бился, найти не смог.

Ветвь Кондратовичей, в которой родился Кирияк, роскошью не блистала, мелкая шляхта. Как многие другие шляхетские фамилии Речи Посполитой, Кондратовичи рассредоточились по разным этносам. Некоторые стали украинцами, как отец Кирияка, иные поляками, другие белорусами. Среди разноязычных Кондратовичей есть известные литераторы. Родня они нашему Кондратовичу или только однофамильцы – черти знают. А наш герой попробовал обрусеть. Не он один, тогда многие украинцы делали в Империи карьеру, самую удачную, кажется, фавориты Екатерины Великой.

Как часто бывает с ассимилянтами в первых поколениях, Кирияк трагически завис между двумя этносами, украинцем он быть уже перестал, а русским ещё не стал. Вот его собственное изумительное признание:

«По судьбе я знать под такую планетою родился, что не жалуют меня русские, думая, что я малороссиянин, да и не жалуют меня малороссияне, думая, что я русский, и посему подобен я летучей мыши, которая, будучи ни зверь, ни птица, но от обоих своих родов и видов не приемлется...»

Позднейший биограф (Пекарский, 1858) замечает: «Кондратович до старости сохранил свой малороссийский выговор и писал пиль, витр вм<есто> пыль, ветер и т. д. Этому единственно обстоятельству он приписывал нерасположение к себе русских».

Но что это я забегаю вперёд? Пока что Кирияк ещё не покинул своей Ахтырки. Он не достиг семилетнего возраста, когда отец-сотник сложил голову под Полтавой. В знаменитой битве между шведским королём и российским императором.

Ещё шесть лет спустя Кирияк отправляется в Киев на учёбу. Обучался в Киево-Могилянской академии. Здесь уместно будет опять дать слово самому Кондратовичу:

«...опричь российского письма и кроме вокальной и инструментальной музыки] обучался я в Киевской академии латинскому и польскому языкам ... и, начавши от грамматики, окончил я на латинском языке поэзию, риторику и философические части: логику, физику, метафизику и богословию, которые учения, по именному указу государя императора Петра I велено зачитать за ранги, как и профессорам зачитается».

Из Киева Кондратович отправляется на первое место работы. Работает в Переяславле Рязанском с сентября 1727 по август 1728 преподавателем латыни. Под руководством своего дяди, архиепископа Рязанского и Муромского Гавриила Бужинского. Дядя знаменитый оратор того времени, дядины проповеди распечатывались

сразу после произнесения. Поскольку в них восхвалялась политика и личность императора, ничего странного.

Переяславль Рязанский в 1778 году переименован в Рязань и называется так по сей день. Школа, в которой трудился Кондратович, тоже переименована, сейчас это гимназия № 2. Появилась она после петровского указа 1721 года об учреждении цифирной школы, в 1741-м году стала школой славяно-греко-латинской.

Дядя Кирияка, прибывший в епархию в 1727-м, обнаружил её бездействующей из-за нехватки учителей. Возможно, поэтому спешно вызвал ещё не закончившего полный курс обучения племянника. Потом племянник возвратится в Киев доучиваться.

После полутора десятков лет обучения Кондратович оказывается при дворце. Кажется, выше некуда, а не тут-то было. Статус Кирияка смутен. В документах он называется то «придворным студентом», то «придворным философом», Татищев позднее назовёт его просто «гуслистом», т.е. шутом. Похоже на правду. Стоило учить на латыни «поэзию, риторику и философические части: логику, физику, метафизику», чтобы, получив в качестве рабочего инструмента гусли, потешать двор императрицы Анны Иоанновны.

Атмосферу корпоративов этой эпохи хорошо описывает классика русской исторической романистики - «Ледяной дом» Лажечникова, к которой я и отсылаю. Лажечников описывает окончание царствования Анны Иоанновны, Кондратович был при дворе в его начале, не столь важно.

В ноябре 1733-го года Кондратович наконец-то получает возможность применить свои знания по прямому назначению. Он поступает в распоряжение Феофана Прокоповича (украинская мафия!) переводчиком при Синоде. Но уже через четыре месяца работодатель меняется, теперь босс нашего героя Татищев. За четыре месяца Кондратович успевает перевести «Изображение сокращения богословского» Я.-Ф. Реймана. Это первый известный перевод Кондратовича. Дальше их будут десятки.

Можно представить радость, с которой молодой переводчик ехал вступать в новую должность из столицы в глубокую провинцию. На Урал.

Нетронутая природа. Аборигены, к тому времени ещё не понимающие своего счастья и посему склонные к бунтам. О бунтах чуть позже.

Пока к месту будет цитата современного екатеринбургского краеведа Николая Корепанова: «Оценка многих личностей меняется с годами и с веками, но о двоих следует говорить, пока стоит город: Кириак Кондратович и... (опустим фамилию, не имеющую отношения к нашей теме) – первые интеллигенты Екатеринбурга».

В Екатеринбурге Кондратович преподаёт церковным и мастеровым детям латынь. Сейчас её вынуждены учить врачи и биологи, раньше никакие науки и производства не могли обойтись без латыни. В 1735-м году Кириак Кондратович женится на Анне Дейхман. Дейхманы известная в истории России горнорудная династия. Дед Анны с многочисленными сыновьями наняты Петром Великим на Олонецкие заводы. Один из сыновей перебирается на Урал. Дейхманы приехали из Швеции, но вроде бы они не шведы, а саксонцы. У Кирияка родится восемь детей, все ли они будут рождены Анной, не знаю.

Я упоминал бунты аборигенов, теперь время поговорить о них поподробнее. Аборигенов довольно много. Разных. Кондратович за время пребывания в Екатеринбурге даже берётся составлять словари местных языков. Составляет не менее шести: вотяцкий (удмуртский), остяцкий (хантский), татарский, вагулицкий (мансийский), чувашский и черемисский (марийский). Татищев упоминает даже составленные Кондратовичем и более экзотические словники, например, индийский и армянский. Все они оказались нужны на Урале.

В перечне словарей зияющее отсутствие башкирского. Между тем, если не совсем ясно, где и как Кондратович пообщался с представителями шести народов, чьи словари он составил, то его общение с носителями башкирского языка задокументировано. Точнее, с носительницей. Носительницу звали Кусякбика. Это рабыня, подарок учителю латыни и молодой семье.

Современная Башкирия – скромный остаток от Башкирии тех времён. Та Башкирия начиналась в сорока семи верстах к югу от Екатеринбурга, а на западе почти доходила до Самары. Башкиры служили российским самодержцам. На условиях, которые были чётко оговорены, их содержание башкиры передавали из поколения в поколение. Российские власти не обременяли себя знанием этих условий сотрудничества с башкирами. Сотрудничество время от времени превращалось в бунт с одной стороны и подавление с другой.

Как раз в те времена, когда Кондратович оказался почти на границе с Башкирией, российские власти приступили к окончательному решению башкирского вопроса. Сомнительная честь разработки этого решения и

проведения его в жизнь принадлежит чиновнику Ивану Кириллову. В нынешней справочной литературе его называют географом. Как если бы Чикатило вспоминали в первую очередь как педагога. Соответствует исторической действительности, ага. Кириллов, не успев завершить задуманное злодеяние, умер в Самаре 14 апреля 1737 года. 10 мая того же года указом императрицы Анны Иоанновны должность Кириллова была передана Татищеву, и тот начал собираться из Екатеринбурга в Самару.

Долгое время я считал, что Кондратович проделал путь до Самары вместе с Татищевым. Увы, я ошибся. Кондратович остался в Екатеринбурге. Но для того, чтобы понять дальнейшее, необходимо рассказать о том, что застал Татищев в Самаре. Картина, излагаемая Татищевым, такова.

Чиновник Кириллов залез в немалые долги, отдать которые у него не было никакой возможности. Утопающий хватается за соломинку, Кириллову пришла в голову сумасшедшая авантюра. Кириллов предложил себя в качестве конкистадора, который принесёт российскому самодержавию... Индию. Для начала надо было двинуться в глубь степей, дабы заложить крепость, начальный пункт дороги в Индию. По названию этого отправного пункта и получила название колониальная экспедиция, горячим сторонником которой неожиданно стал всесильный фаворит Анны Иоанновны герцог Бирон.

Итак, в 1734-м году Кириллов во главе Оренбургской экспедиции двинулся в заволжские степи. Для того чтобы оценить всё безумие кирилловской авантюры, остаётся добавить, что попасть в Индию Кириллов намеревался на кораблях. Строить их надлежало на северном побережье Аральского моря. Далее плыть по Амударье и Сырдарье. Для этого в штат экспедиции наняты иностранные специалисты, корабельных дел мастера и моряки.

Все земли, встретившиеся по пути в Индию, Кириллов намеревался покорить и подчинить российской короне. Неудачи у Кириллова начались почти сразу же.

Вторжение в Заволжье, тем более, строительство крепостей, грубо нарушало договорённости с башкирами. Кириллов по этому поводу не заморачивался, но, когда башкиры перерезали подвоз продовольствия к новоотстроенному Оренбургу, забеспокоился. Ничего лучшего, чем начать истребление башкир, Кириллову в голову не пришло. Военские команды уничтожали зимние жилища, палили стога сена, казнили мужчин, как правило, самыми жестокими способами. Кони, женщины и дети подлежали конфискации. Выживших людей ждало рабство. Тех, кто остался в степи,

смерть от голода и холода. В июле 1735-го года восстание докатилось до Екатеринбурга. Весной 1736-го Кондратович мог видеть в своём городе первые казни повстанцев. Пленная башкирка была подарена ему, очевидно, чуть раньше. Тем временем основному составу экспедиции пришлось временно отступить к Самаре. Там, как мы помним, Кириллов, так и не расплатившись с долгами, умер.

Кашу, им заваренную, пришлось расхлёбывать Татищеву. Забегая вперёд, Татищев будет отстранён от должности руководителя экспедиции и вызван в столицу с обвинением в превышении полномочий и воровстве. Следующий руководитель Оренбургской экспедиции, переименованной в комиссию, князь Урусов, 22 июля 1941 года умрёт в Самаре. Должность заколдована что ли?

Окончательное решение башкирского вопроса так и не выгорело, они ещё будут бороться за свободу, и не раз. Самарцы захоронения Кириллова и Урусова благополучно затеряют. Лишь при реконструкции собора полтора столетия спустя будут обнаружены кости, по предположению городского головы Алабина, принадлежавшие горе-конкистадорам. Кости тоже будут утеряны.

Несмотря на неудачу плавания в Индию, результатом кирилловской авантюры стало не только частичное истребление башкир, но и присоединение заволжских степей к России. Когда в 1851-м году здесь будет образована степная заволжская губерния с центром в Самаре, официальный представитель императора и совета при министре внутренних дел, сенатор Ф.Л. Переверзев в торжественной речи не преминет напомнить:

«Давно ли назначенная для Самарской губернии страна слыла здесь Уральской степью, небезопасной для мирного путешественника? Давно ли бездомность и дикое кочевье уступили здесь место оседлости, земледелию и домоводству? Давно ли расстояния в сих местах определялись курганами, балками и реками; путешествия на Урал или к Эльтону (соляное озеро на Прикаспийской низменности) производились не иначе, как в сообществе многих лиц, запасшихся оружием для обороны...? Давно ли все сие было и все изменилось?».

Всё так. Традиционные, складывавшиеся столетиями, если не тысячелетиями, маршруты перекочевков аборигенов со стадами ушли в область преданий. Победили государство, цивилизация, оседлость. Свобода, традиция, номадизм потерпели поражение. Навсегда ли?

30 апреля 1739 года Кондратович, очевидно, был среди екатеринбуржцев, наблюдавших за сожжением его бывшей рабыни Кисякбики. Моде на прилюдное сжигание живьём положил начало Татищев. По его приказанию в Екатеринбурге же 20 апреля 1738 года был зажарен Тойгильда Жуляков.

Бедолагу когда-то заставили креститься под угрозой казни. Вообще Татищев любил приводить к «истинной вере» мусульман и старообрядцев. Справедливо полагая отказ от самого себя неплохим стартом для вхождения в российское подданство. Предки самого Татищева, уроженцы Великого княжества Литовского, тоже когда-то проделали эту процедуру.

Но не всегда смена идентичности - этнической, конфессиональной ли - проходит гладко. Вот и Тойгильда, вернувшись домой в степь, «обасурманился». Детей Тойгильды перед отдачей в рабы заставили смотреть на поджаривание отца. Правда, двух младших Татищев приказал прислать к себе в Самару.

Кисякбика, она же Катерина, крещённая в неволе, трижды убегала в родную степь. Как сказано в материалах следствия, «для того что, живучи здесь, по родственникам своим тосковала». В числе прочих преступлений беглянки было упомянуто и следующее: «живучи в Башкире, питалась от них, башкирцев, и ела все с ними вместе...». Обвинение в криминальном питании требует расшифровки. Употребление привычной для степняка еды - конины для крещёных было табуировано. Сейчас это выглядит безумием, но тогда воспринималось вполне серьёзно. За поедание конины – на костёр.

Если живоде́р Кириллов вошёл в русскую историю в качестве географа, то Татищев – в качестве историка.

Поскольку Кондратович здесь замешан, поясню. Истории государства, которому служили и Татищев, и наш герой, к этому времени не существовало. То есть история конечно была. Были правители, было покорение новых земель, была необходимость удерживать за собой уже захваченные – но вот Истории, записанной в хронологической последовательности, высочайше утверждённой и напечатанной, не было. Конечно, рано или поздно она появилась бы. У других появилась, почему же русские должны быть исключением? Насколько можно судить, образцом для Татищева были уже созданные исторические хроники. Подневольный Кондратович по приказанию босса переводит с латыни и польского просто в чудовищных количествах.

Но Татищев-то каков? Затеять предприятие такого масштаба в местах, где редко встретишь не только грамотного, но в некоторых случаях, вообще владеющего русским языком человека!

Только в наши времена чиновники сами не пишут себе диссертации и книги. Раньше, разумеется, это было непредставимо.

Степень участия Кондратовича в создании первой Истории российского государства ещё предстоит выяснить. Если оценивать это участие по минимуму, Кондратович – переводчик текстов, послуживших для Татищева источниками и образцами.

Позднее непотопляемый Татищев даёт экс-подчинённому рекомендации отрицательные, почти уничижительные. Правда, хозяин сквозь зубы признал, что тот «весьма неприлежно переводил».

Чего стоит один список «неприлежно переведённых» книг: «О начатии поляков и о делах, от оных соделанных» польского историка XVI в. М. Кромера, «История о славянах» немецкого хрониста XII в. Гельмольда и ее продолжение, написанное Арнольдом Любекским, «О оракулах» А. ван Даля; произведения античных стоиков «Энхиридион» Эпиктета и «Картина» Кебета, плюс ко всему прочему медицинский лечебник, заметим, что его наш герой перевёл с польского, а не с латыни.

По истории Татищева есть дотошная книга Толочко А. П.: «История Российская» Василия Татищева: источники и известия, М.: «Новое литературное обозрение», Киев: «Критика», 2005, 544 с. Серия Historia Rossica.

Вывод исследователя, с которым трудно не согласиться: «История Российская» - самая большая (и судя по продолжительности - самая успешная) мистификация в русской истории».

Каким образом отразились в татищевской истории тексты, переведённые Кондратовичем? В книге Толочко нет ответа на этот вопрос. Но интересны выводы. Значительная часть русской истории в версии Татищева измышлена, видимо, для заполнения хронологических лакун и объяснения летописных неясностей и противоречий.

Любая работа когда-нибудь заканчивается. Рукопись первого экземпляра русской Истории завершена, по стечению обстоятельств, именно тогда, когда наш герой расстаётся с работодателем.

Какое-то время Кондратович продолжает работу в Екатеринбурге.

Отмечу крамольный даже по нынешним представлениям факт. Во время занятий с учениками школы Кондратович сравнивал русскую Библию с латинским переводом древнееврейского оригинала и предложил исправления отдельных мест в книге Бытия. Синод не принял его предложений, «понеже

оное правление, яко с латинской, а не с греческой учиненное, недействительное есть».

Несмотря на ужасы войны и немалые объёмы переводческой работы для Татищева, Кондратович как раз годы, проведённые на Урале, будет считать лучшими в своей жизни. Об этом он позднее напишет графу Строганову «... только те времена за счастливые почитаю, в которые, по окончании богословия, по прошению бабки вашей и дядей и родителя вашего, во своем покое между прочими странными меня содержавшего в доме их[,] свободно, прохладно, совокупно и равномерно веселился».

Далее Кондратович, безуспешно попытавшись определиться преподавателем духовной семинарии в Тобольск, двинулся в Москву. При переправе через Каму утонул весь нажитый скарб. Однако свои переводы Кондратович спас. С сентября 1743 года Кондратович определился переводчиком в Академию наук, где и проработал до конца жизни без малого полвека.

Жил он бедно, почти в нищете, получая унижительное половинное жалованье. Дважды впадал в психическое расстройство. Отношения с маститыми коллегами-литераторами не сложились: Ломоносов прилюдно подвергал Кондратовича унижениям и оскорблениям, угрожал физической расправой и даже пытался заколоть, Сумароков однажды от слов перешёл к делу, нещадно исколошматив палкой менее дородного коллегу. Двадцать лет Кондратович упрашивал Академию наук издать хоть что-нибудь из более чем сорока переводов.

«Мои книги «в библиотеке кирпичам и моли вверены без пользы», я «переводил для людей, а не для кирпичей библиотечных» - мольбы Кондратовича были услышаны в 1767-м году, пять книг было издано за один присест. На этом издания переводов закончились.

Вышла пара словарей, но главный труд, толковый словарь, так и не был издан. Для оценки фантастической работоспособности Кондратовича достаточно одного факта: только переписывание его словаря заняло два с половиной года непрерывной работы.

«Долгие годы Кондратович трудился над составлением русского словаря. Труд этот остался ненапечатанным, но и в рукописи он сослужил свою службу: Российская Академия, при составлении своего словаря, пользовалась трудом Кондратовича; словарь его был распределен по частям между членами» (Семенников В. П., 1914). Тот же автор в примечании поясняет: «Составление

словарей было страстью Кондратовича; он даже имел желание получить в Академии наук место профессора “к собиранию лексиконов латино-русского и российско-латинского языков”».

Позднейшие исследователи на основании недовольства, высказанного Кондратовичем по поводу печатания Академией наук «Истории Жиль Блаза...», делают опрометчивый вывод о нелюбви Кондратовича к изящной словесности. Это не совсем так. Среди его переводов мы обнаружим «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Войну мышей и лягушек», стихи Анакреонта, «Труды и дни» Гесиода, два Диалога Лукиана, «Двенадцать отборных речей» Цицерона, Светония, Катона. Да, Кондратович проявлял извинительное тяготение к классике.

Андрей Николаевич Егунов в своей классической монографии «Гомер в русских переводах XVIII-XIX веков» не смог сдержать изумления:

«Остается неизвестным, что побудило Кондратовича предпринять перевод всего Гомера. Поручения или заказа со стороны Академии на это не было.

Тем поразительнее, что человек неимуший, болезненный, обремененный семьей и загнанный судьбой, «прилепился» к Гомеру и довел до конца свое предприятие».

Ещё большее изумление вызывает весь список переводов, если знать то, что почти все они сделаны по личной инициативе, на бумаге и чернилами, купленными за свой счёт, в личное время.

Перевод Гомера, первый в истории русской словесности, не издан по сию пору.

Вот приведённое Егуновым начало «Одиссеи»:

«Скажи мне, муза, о дальновидном человеке, который весьма много скитался по разорении священных Трои и видел города и нравы многих людей».

Переводы элегий Овидия были опубликованы в альманахе, издававшемся Сумароковым, “Трудолюбивая пчела” в выпуске за ноябрь 1759 года. Избиение будет чуть позже, в январе 1760-го.

Есть предположение, что в ноябре протекцию Кондратовичу составил его коллега по Академии наук Тредиаковский. Именно тогда отношения между Сумароковым и Тредиаковским на какое-то время нормализовались.

Впрочем, уже в следующем месяце Сумароков в альманахе допустил пренебрежительный выпад против Кондратовича: «Опасно, чтоб Кирейки не умножили в нем [русском языке] и польских слов».

Знание польского языка входило в традиции украинской шляхты. Украинское происхождение Кондратовича секрета ни для кого не составляло. Кроме того, воспитанникам великорусской речевой стихии понадобится ещё немало времени, чтобы ощутить разницу между полонизмами и украинизмами. Для кого-то эта разница неочевидна и сейчас.

Увы, вкус помора Ломоносова, так же как вкус москвича Сумарокова, малороссийские словечки, проскакивавшие у Кондратовича, не устраивали категорически.

Насколько невнимательно отнеслись к этим переводам современники и потомки, видно хотя бы из того, что никто не определил правильно даже количества переведённых элегий Овидия. Во всей известной мне литературе говорится о двух элегиях. На самом деле элегии три. Последние две оказались слеплены вместе. Я не знаток античной литературы, но простого сличения с оригиналом достаточно.

Впрочем, из всякого правила есть исключения. Элегии были прочитаны и высоко оценены в начале XIX века А.С. Шишковым. «Если бы он <Овидий> писал прозой, то бы, прочитав подобный перевод, можно было не иметь желания читать подлинник». Если не ошибаюсь, Д. И. Хвостов тоже ценил этот перевод.

Можно ли считать увлечение Овидием Кондратовича общим для всего круга «Беседы любителей русского слова»? А там, как знать, поискать отзвук Кондратовича в «Горе от ума»? Слишком смелые предположения.

Последние годы нашего героя, а умер Кондратович 14 (25) сентября 1788 года, не были увенчаны заслуженным почётом и признанием. Кондратович опроверг собственной биографией расхожий штамп «в России надо жить долго». Отчасти это его личная заслуга. Ничто не стареет так быстро, как юмор. Шутки предыдущего поколения вызывают недоумение у последующего. Кондратович, издавший к старости несколько книг в легковесном жанре, не только не снискал славы, но стал всеобщим посмешищем и заработал репутацию безнадёжного графомана.

Далее репутация работала уже вместо него: «Плохой писатель» (Брокгауз и Ефрон), «Вся эта беззастенчивая галиматья и после кончины ее автора вызывала насмешки» (Лев Бердников в журнале «Новый Берег»), вплоть до «заслужил репутацию шута в литературе прежде всего в силу своей воинствующей бездарности» (он же, там же). На этом фоне оценочное

суждение «тяжеловесная ученая поэзия» из «Словаря русских писателей XVIII века» звучит чуть ли не дифирамбом.

Во времена, когда русская словесность стремилась к ясности слога, вычурный центонный классицизм Кондратовича не интересовал уже никого. Его можно было бы попробовать воскресить во времена, когда эталоном стала проза Пруста и Джойса, да только желающих не нашлось.

В чём магия текста Кондратовича сейчас? А она есть, эта магия. Берусь утверждать, что Овидий Кондратовича – один из самых интересных текстов, читанных мной в последние годы. В архаичности языка позапрошлого века, высвечивающего Овидия именно как поэта древности? В незапланированном авангардистском привкусе ошеломительных синтаксических оборотов? В тяжеловесном столкновении слов, шокирующем не менее, чем «встреча зонтика и швейной машинки»?

Тексты, которые я предлагаю, именно версия моего личного прочтения, реконструкция. Я уже упоминал о том, что публикация 1749-го года была настолько экономна, что даже заглавие последней элегии было выброшено. Помимо восстановления заглавия третьей элегии я также взял на себя наглость заменить имена собственные принятыми в наше время.

Пунктуация Кондратовича не поддаётся логическому осмыслению, знаки пунктуации я попытался расставить самостоятельно. В этой части я не силен и заранее приношу извинения за ошибки.

Главное вмешательство, которое, на мой взгляд, придало тексту новое измерение – я внёс в него членение, отсутствовавшее в печатном источнике. Взялось оно вот откуда. При сопоставлении текста с латинским оригиналом обнаружилось, что Кондратович крайне редко, но позволял себе нечётко соблюдать стихоразделы. Это в порядке вещей, если содержание в целом передано верно. Синтаксис русской речи не совпадает с латинским, и порядок слов при переводе может меняться. Слово из последующего стиха может оказаться ранее слова из предыдущего.

В то же время разделы между двустишиями Кондратович не нарушал. Двустиие оказалось минимальной неделимой единицей стиха. В латинском оригинале, кстати, двустишия тоже графически выделены. Я поставил между двустишиями знак абзаца. Сначала просто для удобства параллельного чтения. А потом посмотрел на текст Кондратовича и поразился в очередной раз. В таком виде он оказался близок к поэтике европейских модернистов, настолько, что смотрелся бы органично в любой антологии поэзии последнего столетия.

Ещё раз подчёркиваю: это моя реконструкция перевода. Как всякая реконструкция, она гипотетична и допускает варианты. Тешу себя надеждой, что Кирияк Кондратович, живи он в наше время, не поступил бы со мной так, как поступали с ним Сумароков и Ломоносов.

Георгий Квантришвили

Лучшие книги человечества

(По итогам опроса поволжских писателей)

С 10 июля 2012 года по 10 июля 2013 года редколлегия литературного альманаха «Графит» провела опрос современных поэтов, писателей и критиков. Вопрос звучал: «Назовите 10 лучших произведений всемирной литературы». Целью исследования было выявить наиболее значимые имена и тексты литературы, определить, кто из авторов прошлого особенно сильно влияет на пишущих людей Поволжья. В опросе приняли участие 86 литераторов из 15 городов: Москва (4 чел.), Питер (3 чел.), Казань (5 чел.), Самара (18 чел.), Нижний Новгород (4 чел.), Саратов (3 чел.), Тольятти (26 чел.), Чебоксары (2 чел.), Сызрань (4 чел.), Димитровград (3 чел.), Жигулевск (2 чел.), Челябинск (4 чел.), Уфа (2 чел.), Ульяновск (4 чел.), Чапаевск (2 чел.). Преобладание городов Волги позволяет назвать опрос Поволжским, берущим во внимание преимущественно литераторов городов Среднего Поволжья.

Среди принявших участие в опросе есть люди довольно известные: С. Брель (Москва), А.Порвин (Питер), И. Тишин (Казань), Г.Ермошина (Самара), К.Латыфич (Самара), Д.Воробьев(Чебоксары), Л.Немцев (Самара), И.Дацкевич (Нижний), А.Филатоф (Нижний), А.Александров (Саратов), Г.Квантришвили (Самара), А.Коровкин (Димитровград), Ю.Клавдиев (Тольятти – Питер), Я.Грантс (Челябинск), К.Абрамичева (Уфа), А.Караковский (Москва), В.Сушко (Самара - Москва), А.Князев (Тольятти), Н.Деревягина (Челябинск), Т.Гоголевич (Тольятти) К.Курвич(Самара), Э.Крылова (Москва) и др.

За каждое упоминание, независимо от номера в списке, книге начислялся один голос. Опрос проводился в большинстве случаев при личном общении, но примерно 40 процентов ответов опроса пришли по Интернету. Итак, итоги этого опроса. Перед Вами не весь список книг авторов древней и современной литературы. Это только верхняя часть айсберга. Остальные книги набрали по одному баллу.

NOTA BENE

Гомер «Илиада»	17
Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»	16
Данте Алигьери «Божественная комедия»	14
Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»	10
Библия	9
Ф. М. Достоевский «Бесы»	9
Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»	9
Ф. Кафка «Замок»	9
А. С. Пушкин «Евгений Онегин»	9
Л. Н. Толстой «Анна Каренина»	9
У. Шекспир «Гамлет»	9
Л. Н. Толстой «Война и мир»	8
Лао Цзы «Дао дэ Цзин»	8
Д. Джойс «Улисс»	7
Ф. М. Достоевский «Идиот»	7
Л. Кэрролл «Алиса в стране Чудес»	7
В. Набоков «Дар»	7
М. Сервантес «Дон Кихот»	7
У. Шекспир «Король Лир»	7
Гомер «Одиссея»	6
М. Павич «Хазарский словарь»	6
А. Платонов «Чевенгур»	6
И. Бродский, стихи	5
Х. Кортасар «Игра в классики»	5
М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»	5
Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества»	5
С. Соколов «Школа для дураков»	5
Софокл «Царь Эдип»	5
У. Шекспир «Ромео и Джульетта»	5
Уильям Голдинг «Повелитель мух»	4
Д. Дефо «Робинзон Крузо»	4
Ф. Кафка «Превращение»	4
М. Кундера «Бессмертие»	4
В. Набоков «Защита Лужина»	4
В. Набоков «Лолита»	4
Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»	4
Н. В. Гоголь «Мертвые души»	3
Ф. Кафка «Процесс»	3

NOTA BENE

Антуан Сент-Экзюпери «Маленький принц»	3
С. Соколов «Между волком и собакой»	3
Ричард Бах «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»	2
Шарлотта Бронте «Джейн Эйр»	2
Гамсун «Голод»	2
В. Гёте «Фауст»	2
И. А. Гончаров «Обломов»	2
В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»	2
Ю. Мисима «Золотой храм»	2
А. Камю «Чума»	2
Иммануил Кант «Критика чистого разума»	2
Р. Киплинг «Книга джунглей»	2

Итак, итоги нашего опроса таковы. Как Вы можете видеть в сводной таблице, два произведения бились за звание лучшего, а победителем стала книга, которой почти 3 тысячи лет, – «Илиада». Гомеровский эпос велик как классика, спору нет, но, как выяснилось, эта книга способна вызывать не только филологическое восхищение, а быть живой материей, влияющей на творчество наших современников. Второе место по праву заняла мистерия, фантасмагория, меннипея Булгакова – культовая книга не только для подростков, но и для современных поэтов, критиков и писателей. Третье место – комедия Данте, в которой мир грехов и наказаний, света и тени ведёт человеческую душу сквозь горнило жизненных испытаний. Все три книги-победители глубоки и стилистически совершенны, каждая по-своему. Книги принадлежат к разным периодам истории человечества: античность, средневековье, новое время. Не буду развивать мысль, но мне кажется, что в чем-то все три книги сходятся, перекликаются, взаимодополняют друг друга.

Вообще одной из ярких тенденций опроса стало присутствие в списке книг, которые относятся скорее к религиозной и философской проблематике, чем к художественной: Библия, «Дао дэ Цзин», «Исповедь» Августина, «Диалоги» Платона, «Критика» Канта и т.д. Все это говорит о том, что современные авторы России ведут напряженный диалог со всей гуманитарной историей человеческой мысли.

Помимо книги победителя, можно выделить и еще одну номинацию – писателя, книги которого суммарно набрали самое большое количество упоминаний среди современных авторов Поволжья. И тут оказывается, что в опросе есть абсолютный лидер, общая сумма упоминаний и количество книг которого далеко обошли других писателей мира. Это Федор Достоевский, по опросу ЮНЕСКО в 1990 году, – самый издаваемый автор мира. Пять книг

Достоевского набрали 36 упоминаний (10, 9, 9, 7, 1). Далее идут: грек Гомер – 23 (17, 6), англичанин Уильям Шекспир – 23 (9, 7, 4, 4), русский Михаил Булгаков – 18 (16, 1, 1), русский Лев Толстой – 18 (9, 8, 1), еврей Франц Кафка – 16 (9,4,3), русский Владимир Набоков – 16 (7, 4, 4, 1).

Какие итоги можно сделать по итогам опроса нашего альманаха? Выводы всегда предварительные и неполные. Главное, пожалуй, состоит в том, что культурная память человечества избирательна. Почему Гомер и Софокл, а не Архилох или Плутарх? Почему Шекспир, а не Кид или Марло? Нам не дано предугадать, что будут читать наши потомки через 100, 500 лет... Может быть, Гомер и Достоевский уже не будут попадать в рейтинги и их имена ждет забвение. Кто еще окажется в списке: Мураками, Пелевин, Хандке, Крусанов, Фермин?

Избирательная память человечества сама сделает выбор лучших образцов литературы, стоит только уповать на то, чтобы имена, вошедшие в ее сокровищницу, действительно соответствовали высочайшим образцам прошлого!

Редколлегия альманаха «Графит»

О графике Марии Тарадовой

Художник Мария Тарадова – новое имя в тольяттинской художественной среде. Насколько я знаю, до недавнего времени ее имя мало кому что-то говорило.

Тем не менее, работы молодого графика требуют глубокого и медленного всматривания. Свой прихотливый неоднозначный мир она создает только из белой и черной краски.

Образы ее работ странны: телега с яблоками, которую везет в небо птица, девушка, чья прическа – башня с проросшим в центре деревом, летающая в воздухе чашка с чаем, богиня, развешивающая облака, приносящие дождь, отдельно висящая голова ворона, маленькие человечки в средневековых одеждах играют в лапту, игла, пронзающая человеческий череп и т.д.

Причудливый мир этих работ лично у меня в первую очередь вызывает не художественную (Сальвадор Дали или Михаил Шемякин), а литературную ассоциацию – Льюис Кэрролл с его фантасмагориями и алогичными вывертами, приключения его бессмертной Алисы.

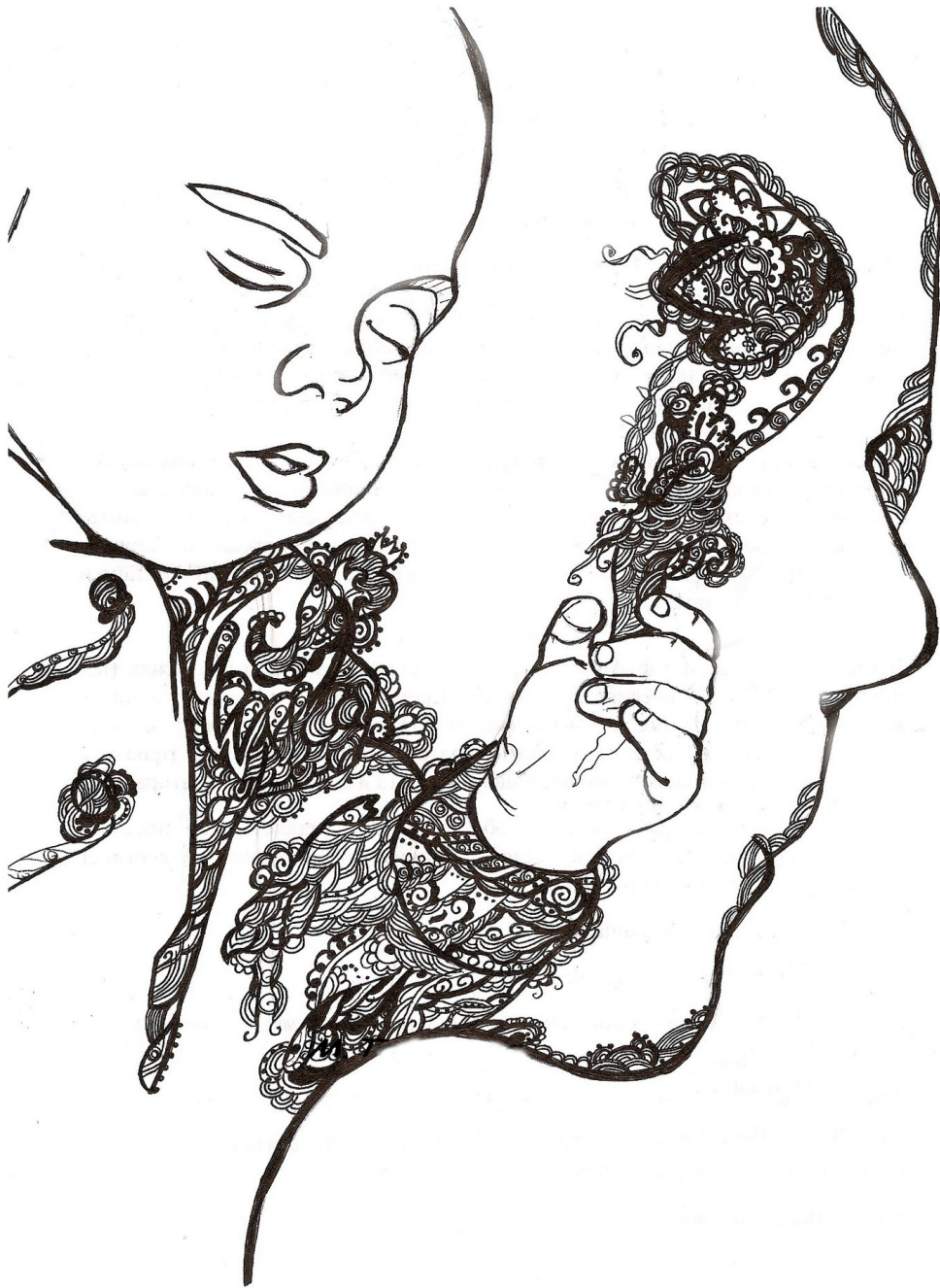
В мире Марии Тарадовой также отсутствует обыденная логика, законы тяготения, своды устоявшихся правил и законов приличия.

Полная свобода творчества! Можно ведь и найти пирожок, съесть его и начать расти до самого неба, а можно уменьшаться до бесконечности – лейтмотив множества сказок и мифов. Нельзя сказать, что это неправда, – художественная истина всегда спорит с привычной картиной кажущегося прочным мира.

Итак, работы тольяттинской художницы свежи, изящны и неожиданны. Внутри ее мира мерцает иная, сновидческая правда, царит особая атмосфера сказки, честно говоря, сказки немного пугающей, часто – таинственной, подспудно – зовущей в путь.

Самые смелые из созерцателей работ Тарадовой захотят, я уверен, отправиться в ирреальность зазеркалья вслед за автором. Мне, если честно, тоже хотелось бы. Уж очень загадочным и ярким обещает быть это путешествие.

Сергей Сумин

Николай Болдырев

Тарковский и Новалис

Идеал нравственности не имеет другого, более опасного соперника, нежели идеал высшей силы – полной сил жизни; это максимум варварства, и, к сожалению, в наше время культурного одичания у него слишком много последователей среди величайших слабаков. Человек благодаря этому превращается в одушевленного зверя.

Для религиозного человека всякая вещь может стать святыней.

Новалис

Меня интересует человек, в котором заключена Вселенная.

Тарковский, “Запечатленное время”

1

Сколь естественно, следуя двум первым эпиграфам из Новалиса, мы попадаем в эпицентр мира Тарковского. Следуя первому – в мир кажущихся хрупкими и слабыми его героев. Следуя второму – в мир его эстетики, ее истока.

Сталкер в одноименном фильме согласен считаться гнидой: “Да, я гнида, я – никто и ничто, и друзей у меня нет и быть не может, и не могу я никому ничего дать; только не отнимайте у меня единственного, что у меня есть...” Он плачет. Он имеет в виду, конечно, Зону, т. е. веру в нее, как в уникальный топос, где в каждое мгновение существует неоспоримая связь между его внутренним состоянием и невидимым разумом этого тоннеля в Неведомое. Это *мистическое чувство земли*, коррелятивное этической мистике, странно роднит Тарковского с одним из хорошо известных культурных психотипов: с иенскими так называемыми ранними романтиками (хотя в современном понимании этого слова никакими романтиками они как раз и не были): Новалисом, братьями

Шлегелями, Вакенродером, Тиком, Шлейермахером.¹ Жизнь для Новалиса познаваемо-непознаваема. Непознаваема интеллектом и познаваема сердцем.² «Здесь останавливается философия и должна остановиться, ибо в том именно жизнь и заключается, что не дает себя понять».³ У Фр. Шлегеля: «Универсум нельзя ни объяснить, ни постигнуть, но только созерцать и являть в откровении». (Почти парафраз неустанных наблюдений и самонаблюдений Тарковского: истина в искусстве есть не что иное, как дискретные, из ниоткуда идущие внезапные толчки откровения). И здесь же у Новалиса: «Когда сердце настолько исполнено самим собой, что, пренебрегая вещами мира сего, становится само для себя идеальным объектом, тогда и рождается религия»; то есть благоговейное касание тайной стороны вещей. Однако и само тело, в котором сердце, только кажется прахом земным, есть у него и духовно-энергетическое основание: «Есть только один храм в мире и это – человеческое тело. Дотрагиваясь до него, мы касаемся неба». Но и далее: всё, самая малая вещь, выявляет потенциальную святость для благоговейно-внимательного существа. (древнейшее основание шаманизма).

Феномен *этического эроса*, этического тела, вписанного в координату мистического чувства земли-неба, равно естественно-присутствен у Новалиса и у Тарковского. «Совесть есть собственная сущность человека в полном его просветлении, небесный прачеловек», - писал автор «Учеников в Саисе». Или: «Совесть замещает на земле Бога». Наудачу приведем кое-что далее из россыпей его афоризмов, касающихся этой темы. «Невинность – это нравственный инстинкт». «Решение философствовать есть не что иное, как требование к своему реальному Я, чтобы оно опомнилось, проснулось и стало

¹ Исток мироощущения иенцев хорошо описал в начале двадцатого века Виктор Жирмунский: «Бывают эпохи в истории человеческой жизни, когда люди добровольно ограничивают свою душу видимым, слышимым и осязаемым. Тогда мысль не находит себе выхода среди конечных предметов и их причинных отношений, и весь мир как будто переносится на плоскость, теряет свою глубину, свой сокровенный смысл. Но в иные годы живое, поэтическое чувство возвращается снова; тогда мир кажется близким и знакомым, и все-таки таинственным; за всем конечным чувствуется бесконечное, и только еще дороже становится теперь конечное, как содержащее в себе божественный дух. И камни, и деревья, и травы, и дальние горы, и реки кажутся одушевленными и живыми - как будто теплое дыхание, слышное во всем мире, проникает и в человеческую душу. Такое живое, положительное чувство присутствия бесконечного, божеского во всем конечном я называю мистическим чувством».

² Вспомним возглас Тарковского в последнем интервью о великих своих учителях, которые ничего не брали из своей головы! Или целую череду размышлений в «Мартирологе» о непознаваемости мира любыми интеллектуальными усилиями.

³ Здесь и далее переводы из текстов иенцев – Н.Берковского, Н.Болдырева, Р. Габитовой, Ю.Попова, Т. Сильман.

ПОСТСКРИПТУМ

духом. Без философии не может быть подлинно нравственного поведения, равно как без нравственного поведения – философии». «Кто предаёт правду – предаёт самого себя». «Есть лишь одна-единственная причина зла – всеобщая слабость; сама эта слабость – не что иное, как ущерб нравственной чувствительности...» «Нравственное пространство Вселенной еще более неведомо и неизмеримо, чем пространство небес». Это прямой прицел в космологию «Соляриса». «Стыд, быть может, есть ощущение профанации. Дружба, любовь и благоговение должны бы проявлять себя тайно...» «Человек по-настоящему нравственный – поэт». Всё это интимно близко мировоззрению автора «Соляриса» и «Зеркала», включая знаменитую тезу Криса Кельвина «Стыд – вот чувство, которое спасет человечество» или афоризм Бертона «Познание только тогда истинно, когда нравственно» (почти буквальное повторение главного тезиса православной гносеологии, где слово «нравственно» следовало бы уточнить словом «любовь»; но это и делает, собственно, режиссер рассказом о чуде вочеловечения Хари).

Последнее особенно важно. По Новалису (равно и по Тарковскому), сам исток *поэтического* насыщен космически-этическим ферментом. Но что есть для них поэтическое и поэзия? С одной стороны, это космически-сакральная энергия сущего, с другой же, – сама сердцевина реального. *Само основание космоса этично*. Потому-то плазменность медитационного струения у Тарковского есть визуализированная этика бытийного эроса. Оттого-то и подлинная поэзия не есть эстетика, существующая сама по себе. «Поэзия на деле есть абсолютно-реальное. Это средоточие моей философии. Чем больше поэзии, тем ближе к действительности». То есть чем далее от этического эроса, тем далее от космической ризомосферы. «Поэт и жрец были вначале одно, и лишь последующие времена разделили их. Однако истинный поэт всегда оставался жрецом, так же как истинный жрец – поэтом...» Для Тарковского любой предмет, созерцаемый с благоговейным «детским» вниманием, начинает пульсировать энергией подлинно поэтического.

2

Тарковский, разумеется, категорически отвергал свою причастность к романтизму. Его нетрудно понять, так как отечественное, да и мировое, искусствоведение, а еще больше газетно-журнальный жаргон безгранично расширили пространство романтики, включив в нее все что ни попадя, так что ныне при этом слове гарантирована снисходительно-ироническая улыбка, ассоциирующая с “романтиком” риторику, “революционный (или реакционный) пафос”, уход в мечты, фантазии и т. п., ибо, де, “романтик не

ПОСТСКРИПТУМ

любит и не понимает реальность”. Как писал еще Г. Гессе, «из десятилетия в десятилетие ярлык “романтика” приклеивали без разбора целой куче писанины, чтобы с ней покончить». Разумеется, иенцы никакого отношения к подобной романтике не имеют. Скорее уж так понимаемый романтизм напрямую генетически связан с той устремленностью в фантастику и в “готический стиль” (фэнтези, квазимистические детективы, шоуменство, компьютерная виртуальность и т. п.), в научную проективность, в безудержную игру гипотез, концептов, теорий и химеризмов, которые стали доминантными в культуре конца двадцатого/начала нынешнего века, где именно-таки интеллектуальное воображение правит бал.

В известном разговоре с польскими историками литературы – Ежи Иллгом и Леонардом Нойгером в марте 1985 года в Стокгольме Тарковский решительно отделил *истинных поэтов*, благоговеющих перед реальностью, которая обладает для них всепотенциальностью смыслов, от *романтиков*, бегущих от “скучной” реальности в мир воображения. Для *поэтов* (по Тарковскому) в самом малом и самом обыденном – неисчерпаемость потаенных смыслов,⁴ бытие – таинственно-бездонная книга, которую они учатся читать, *романтики* же, в сущности, не столько постигают бытие, сколько наслаждаются собственными иллюзиями-играми, исходящими из интеллектуально-тщеславного и эстетического волюнтаризма (чем не сегодняшняя ситуация?)

«Романтизм – это мировоззрение, при котором человек за реальным миром видит нечто большее, чем в нем находится... Я же не преувеличиваю реальности. Для меня в ней заключено гораздо большее, нежели то, что я нахожу, и гораздо больше глубокого и святого, чем я умею увидеть... Мне кажется, жизнь настолько глубока и настолько полна духовности, что ее не надо *преображать*. Это нам нужно заботиться о своем духовном воспитании, а не о том, чтобы каким-то образом приукрашивать жизнь. Вы понимаете, что я хочу сказать?... И вот этот плащ романтический... это результат не веры в человека, а в большей степени веры в собственное воображение... Для меня это и есть романтизм. Во всяком случае, существенная его часть, которая мне совершенно противопоказана. В свое время очень хорошо сказал в отношении меня Довженко: “В луже грязной он видит отраженные звезды”. Этот образ мне понятен. А если мы будем видеть звездное небо и летящего в нем ангела, то это уже какая-то очищенная аллегорическая форма... Довженко был поэтом, для него жизнь была гораздо более наполнена духом, чем для тех, кто искал в окружающей действительности предмет приложения своей творческой

⁴

Вполне чань-дзэнская постановка вопроса.

ПОСТСКРИПТУМ

активности. Для *романтика* жизнь дает *повод* творить. А для *поэта* это *обязанность* творить, потому что в нем с самого начала живет дух, который его к этому вынуждает. Поэт, в отличие от романтика, как никто понимает, что он уподобляется образу Божьему. Способность к творчеству как бы заложена <в нас> изначально. Она не принадлежит человеку...»⁵

Есть человек медитации, благоговейный к бытийствованию, творчество для него проистекает из *восприятия*, строящегося на громадном внимании к процессу того, что *есть*, что *ествует*, и есть человек проективно-креативный, человек интеллектуально-эстетических амбиций, где творчеством почитается самовыражение-самоутверждение (сегодня зачастую это дизайнерство разных видов и форм).

Новалис записывал во “Фрагментах”: «Фантазия относит будущий мир либо ввысь, либо в пучину, либо в метампсихоз. Мы мечтаем о путешествиях по Вселенной – но разве Вселенная не внутри нас? Мы не знаем глубин своего духа. Туда ведет таинственный путь. В нас или нигде – вечность со своими мирами, прошлое и будущее. Внешний мир – мир теней, он отбрасывает свою тень в царство света. Правда, сейчас внутри нас кажется так темно, одиноко, бесформенно, но всё явится нам совершенно иным, когда омраченность минет и сгинет тело-тень...»

Гидеон Бахман спрашивал Тарковского в Италии: «В своих фильмах ты часто используешь путешествие как метафору. Но никогда у тебя это не было так ясно выражено, как в “Ностальгии”. Считаешь ли ты себя самого путешественником?»

Тарковский: «Есть только один вид путешествия, которое возможно, - в наш внутренний мир. Путешествуя по всему свету, мы не очень-то многому учимся. Не уверен, что путешествие всегда оканчивается возвращением. Человек никогда не может вернуться к исходному пункту, так как за это время изменился. И, разумеется, нельзя убежать от себя самого: это то, что мы несем

⁵ В одном из поздних интервью, за несколько недель до смерти: «...Романтизм – это не приукрашивание, а подмена, когда мне недостаточно самого себя и я начинаю сам себя изобретать, изобретать мир, а не верить ему. Вот, например, был такой Клейст, знаменитый романтик, в расцвете таланта, молодости вместе со своей невестой покончивший жизнь самоубийством, чтобы не дожить до угасания любви. (Тарковский ошибается: Клейст долго искал возможности “двойного” самоубийства и умер со случайной женщиной; хотя суть драмы Клейста он схватил верно. – Н.Б.) Я могу их понять, но это поступок, противоречащий жизни как таковой. Потому что ощущать жизнь как постоянный праздник – большой грех. В XX веке на Западе люди ждут от жизни какого-то *скакания*, и если его не происходит, то считают, что плохо. Вот это и есть романтизм – наивное отношение к жизни. Нет мужества, мужественности по отношению к ней, страшный эгоизм, желание пользоваться красотой, любовью других...» Вот куда протягивал Тарковский нить из середины XIX века. В другом интервью того же времени: «...Романтики – люди, которые всегда пытались видеть жизнь не такой, какая она *есть*. Самое страшное для них – рутина, привычное существование... Их убивают химеры...»

ПОСТСКРИПТУМ

в себе – наше духовное жилище, как черепаха панцирь. Путешествие по всему миру – это только символическое путешествие. И куда бы ты ни попал, ты продолжаешь искать свою душу».

Новалис и Тарковский подразумевают здесь то модальное единство так называемого внешнего и так называемого внутреннего, которое Рильке сформулировал как *Weltinnenraum* (внутреннее-мировое-пространство).

3

Новалис убежден, что когда-то (в “золотом веке”) природа была насквозь духовна. «Когда-то все было явлением духов. Теперь же мы не видим ничего, кроме мертвого повторения, которого не понимаем». И тем не менее он уверен, что и сегодня «деревья, ландшафты, камни, картины населены особого рода душами. Ландшафт надо рассматривать как дриаду и ореаду (нимфы воды и гор. – *Н.Б.*). Ландшафт надо ощущать как тело. Ландшафт есть идеальное тело для особого рода души». То есть это не просто организм, подобный человеческому телу (а человеческое тело у Новалиса касается неба, равно как тело возлюбленной есть “аббревиатура Вселенной”), но каждый раз некая особая душа, то есть таинственная, не типовая сущность, некая космико-задушевная индивидуальность, не обязательно доступная нашему “пониманию”. Некая космическая бездна и очень родственная нам, и очень загадочная.

Но кто способен так естественно ощущать деревья, ландшафты, камни, как живые существа, тела-души, чувствовать в деревьях и в воде живущих там нимф, камни ощущать шевелящимися изнутри?⁶ Конечно же (если не считать шаманов и иных магов), дети определенного, дологического возраста. Потому-то для иенцев ребенок подобен поэту. Детей они воспринимали не в сюсюкающе-ласкательном модусе, а как спонтанных жрецов, магов, пророков. Это видно, например, в живописи Филиппа Отто Рунге, у которого дети действительно предстают мудрецами, некими пришельцами из высоких миров. Л. Тик так прямо и говорил: “Дети стоят среди нас как великие пророки”. “Где дети, там Золотой век”, - вторит ему Новалис. “Первый человек был первым духовидцем; для него все было духом. Дети подобны первым людям. Ясный взор ребенка говорит больше, чем догадка самоуверенного прорицателя”. Детский способ растворяющей себя в “ландшафте” игровой активности является одновременно актом и поэтическим, и религиозно-жреческим. Ф. Шлейермахер говорил, что религиозный человек “с благоговением

⁶ Вспоминается Карл Юнг, почувствовавший однажды камень, на котором сидел, не просто живым, но и мыслящим.

ПОСТСКРИПТУМ

прислушивается... к тихому ходу жизни, как дитя, без воли отдается ее непосредственному воздействию”. Но таков подлинный художник и у Тарковского: «Поэт – это человек с воображением и психикой ребенка».

4

«Духовный мир и действительный мир. Свободная смена двух этих состояний». «Внешнее есть внутреннее, которое возвышено до таинственного состояния. (Может быть также и наоборот)». Эта взаимосплетенность, поразившая в свое время Бергмана в фильмах Тарковского и наведшая его на мысль о диалектической слиянности у русского режиссера сновиденного и бодрствующего, - характернейшая черта атмосферы картин последнего, где, скажем, реалии духовных ритмов Горчакова равно укоренены в его вещных и сновиденно-дневных касаниях сущего. Что первично и что вторично в этом диалоге – неведомо в художественном космосе русского художника.

Искусство приводить в гармонию мысленное и вещное, искусство их взаимной “трансформации”. «Если вы не можете сделать (косвенно или случайно) ощущаемыми мысли, то сделайте наоборот – внешние вещи непосредственно (или произвольно) мыслимыми... Обе операции являются идеалистическими. Тот, кто владеет ими обеими в совершенстве, тот – магический идеалист».

«Как чистое небо оживляет мир, как чистый дух одухотворяет-населяет мир, так Бог покрывает мир сердечным законом: объединяет жизнь, т. е. небо и дух. 1. Всё должно стать небом. 2. Всё должно стать духом. 3. Всё должно стать добродетелью. Третье есть синтез первого и второго». Однако в дальнейшем Новалис скажет, что добродетель недостаточна и ее следует преобразовать в невинность, ибо из нее-то и проистекает софийность. (Софи фон Кюн)

Краеугольный камень эстетики и этики Тарковского – визуализировать невидимое – был и для Новалиса центральным звеном, а также своего рода нервом в его натуре. «С вещами невидимыми мы связаны теснее, чем с видимыми», – говорил он. «Ему казалось естественным смотреть на видимый и невидимый мир как на нечто нераздельное», - вспоминал его ближайший друг Л. Тик. Вновь Weltinnenraum.

«Самым произвольным предрассудком является мнение, что человеку не дано выходить за пределы своего Я и сознательно пребывать в сверхчувственном, - писал Фридрих фон Гарденберг. – Человек может когда угодно сделаться существом сверхчувственным... Чем более мы осознаем в себе такое состояние, тем живее, сильнее, необходимее отсюда возникающая

ПОСТСКРИПТУМ

уверенность: вера в истинные откровения Духа. Это *не зрение, не слух, не осязание* – это нечто составленное из того, и другого, и третьего, нечто большее, чем эти переживания: ощущение непосредственной уверенности, созерцание моего существования, самого истинного, самого личного. Многие случаи жизни, иные явления природы, определенные периоды времен года дают нам возможность испытать нечто подобное. Некоторые наблюдения особенно благоприятствуют таким откровениям. Большинство из них мгновенны, немногие длительны, меньшинство остается с тобой навсегда. В этом между людьми большая разница». В детстве мы были чувствительны к подобному ощущению и рядом, и вдалеке иных существ и сутей, не поддающихся фиксации прямыми чувствами. У Тарковского этот план мира постоянно ощутим. Сверхъестественное в естественном было главной темой его визуализаций.

«Природу он любит необыкновенно глубоко, – писал Томас Карлейль, один из первых в Европе понявший Новалиса, – можно сказать, он благоговеет перед ней и непонятным для нас образом беседует с ней; для него природа не мертвая, враждебная материя, но покрывало, таинственные одежды Невидимого; так сказать, голос, которым Божество заявляет о себе человеку. Эти два качества – его чистое религиозное чувство и сердечная любовь к природе – приводят его в истинно поэтическое отношение к духовному и материальному миру».

«Только от слабости наших органов и нашей слабой возбудимости, – писал Новалис в дневниках, – происходит то, что мы не видим себя в волшебном мире. Все сказки – только грезы о том, родном мире, который везде и нигде⁷. Высшие силы в нас, которые когда-нибудь, как гении, исполняют нашу волю, теперь – музы, поддерживающие нас в тягостной жизни сладкими воспоминаниями». Поэзия, искусство сегодня – слабый эрзац того реального касания сакральной многомерности, которым некогда жил человек и что аукнулось в мировом шаманизме.

«Для него сделалось вполне естественным смотреть на самое обычное и близкое как на чудо, – вспоминал Л. Тик, – а на странное и сверхъестественное как на нечто обыкновенное. Людская ежедневная жизнь окружала его как

⁷ Ср. с дзэнским афоризмом: «Наш истинный дом – страна, которая нигде». Странная переключка с афоризмом Новалиса: «Философия, собственно, есть ностальгия, <то есть> жажда повсюду быть дома». Ностальгия здесь постигнута вполне в духе Тарковского, как жажда *возврата* на подлинную, то есть на *первую* родину. «Философия» и «поэзия» слитны в космосе Новалиса. Обращаясь к последнему, Фр. Шлегель писал: «Ты не витаешь между поэзией и философией, но в твоём духе они сокровенно проникли друг в друга. <...> Всем художникам принадлежит учение о Востоке. Тебя я называю вместо всех других». Следует заметить, что иенцы одними из первых в Европе серьезно занялись изучением Востока, как места великого духовного синтеза, в частности они углубились в санскрит и в Упанишады.

ПОСТСКРИПТУМ

волшебная сказка, а тот далекий и непонятный мир, который вызывает у большинства мечтания и сомнения, был любимым жилищем его духа. Неиспорченный образцами, он нашел свой новый способ изображения и по разносторонности своих интересов, по своим взглядам на любовь и вере в нее как в свою наставницу, мудрость и религию, наконец тем, что один важный случай в его жизни, глубокая скорбь и лишение (смерть 15-летней невесты. — *Н.Б.*) сделались сущностью его поэзии и воззрений, - всем этим он один среди новейших поэтов похож на возвышенного Данте. Подобно ему он поет нам неведомую мистическую песнь, совершенно не похожую на песни тех многочисленных подражателей, которые смотрят на мистицизм как на украшение, думая, что его можно надевать и сбрасывать подобно платью».

5

Это умение обыденное воспринимать как чудесное и наоборот, являясь, кстати, чертой чань-дзэнского темперамента и будучи на глубине выражено у Тарковского, прямо восходит к вопросу о том, *что имели в виду иенцы*, поименовав себя романтиками. Называя своими предшественниками Сервантеса, Данте, Шекспира и Гете, они предлагали рассматривать *роман* (и через него любую иную художественную форму) как способ-процесс непосредственного “врастания” текста в жизнь творца, как диалогическую динамическую форму, где писание романа (или книги стихов) как текста становится созданием *романа* своей приватной жизни, и наоборот.⁸ Новалис, опережая Борхеса, предлагал увидеть универсум как гигантскую романную библиотеку, а земную жизнь как своего рода мегароман. Соответственно, и каждый человек есть (потенциально) и творец художественного романа, и участник его, один из героев. «Роман есть жизнь, принявшая форму книги. Каждая жизнь имеет эпиграф, заглавие, издателя, предисловие, введение, текст, примечание и т. д. или же может их иметь. Ничего нет *романтичнее* того, что обычно именуется миром и судьбой. Мы живем в огромном (и в смысле целого, и в смысле частностей) романе. Созерцание происшествий вокруг нас. *Романтическая* ориентация, оценка и обработка материалов человеческой жизни».

Речь идет, как видим, о творчестве жизни (при том что сам корень поэзии — космически-этичен!) как о безусловно главном. «Жизнь не должна быть тем, что дано нам, но она должна стать творимой нами *фабулой*». «Чтобы лучше познать жизнь и самого себя, следовало бы непрерывно писать роман». «Все

⁸

Что в русской литературе и философии замечательно делал Василий Розанов.

ПОСТСКРИПТУМ

случайности нашей жизни – материал, из которого мы вольны изготовить все, чего нам хочется. Тот, в ком много духа, сможет многое сделать из своей жизни. Каждое знакомство, каждый случай для человека, ставшего совершенно духовным (первым в бесконечном ряду), являлись бы началом бесконечного романа». Таким *романистом*, несомненно, был средневековый японский художник, возлюбленный Тарковским, художник, сознательно строящий “роман своей жизни”, движущийся от стиля к стилю, от одного мифа о себе к другому внутри спиралевидной целостности. Таким *романистом* был, несомненно, и маг Хуан Матус у Кастанеды или современный нам дальневосточный шаман, описанный магаданским психологом Владимиром Сёркиным.

«Каждый развитый и работающий над собой человек заключает внутри себя роман, однако это еще не означает, чтобы он еще и писал его». Это Фр. Шлегель. «Нужно ли писать более одного романа, если художник тем временем не стал новым человеком?..» Почти буквально о том же говорил Тарковский, восхищаясь своим любимцем Брессоном: «...Он принадлежит к тем мастерам, каждый фильм которых становится фактом их духовного существования. Он снимает картину только в предельной, крайней ситуации. Зачем? Кто знает...» И о самом себе: «Не стоит снимать фильма, если у тебя нет внутренней потребности высказаться». То есть, как он говорил, “совершить поступок”. Предельная явственность экзистенциально-религиозного типа творчества, напрочь отвергающего эстетико-интеллектуальную игру или «окармливание других».

«Романтическое является не столько неким отдельным родом, сколько неотъемлемым элементом поэзии, - продолжает Новалис. - Я требую, чтобы всякая поэзия была романтической...» То есть полностью отвечающей за тотальность корреляции “текст ↔ судьба”.

«Мир должен быть романтизирован, - пишет Новалис. – Только так можно помочь ему обрести изначальный (потерянный ныне нами. – *Н.Б.*) смысл. Романтизирование есть не что иное, как качественное потенцирование (возведение в степень за счет извлечения всего качества потенций. – *Н.Б.*). Низшее в этой операции идентифицируется с высшим. Благодаря тому, что я придаю обыденному высший смысл, привычному – таинственный облик, известному – достоинство неизвестного, конечному – видимость бесконечного, я романтизирую их. Противоположной является операция над возвышенным, неизвестным, мистическим, бесконечным – происходит их логарифмирование с помощью связывания, и возвышенное получает привычное выражение». Это близко дзэнскому неразличению сакрального и профанного, избавлению от двоичности как раздвоенности. Это то, что делал Тарковский, вскрывая

ПОСТСКРИПТУМ

“псевдообыденность” течения жизни, превращая обычный фрагмент комнаты или натюрморт в непознаваемый космос, а высшую непознаваемую силу заставляя выявлять себя языком глубоко частных конфликтов обыкновенной человеческой души или “притвориться” обыденной, а часто и полуразрушенной вещью.

Конечно же, это не игра. Миру как раз не хватает не игры, не игрового начала (напротив, все в сегодняшнем мире превратилось в игру), а величайшей серьезности, способной вырвать человека из иллюзионизма интеллектуального жонглирования. Для Новалиса все – исключительно серьезно, но серьезностью не мрачно-насуспенной и ригористичной, а ангельски-просветленной, экстатически-улыбчивой.

Новалис, быть может, носил в себе душу человека сатья-юги, и эту свою заброшенность в другую эпоху ощущал как пришельчество. Одухотворенное человечество, по его догадке, скрыто на дне мирового океана (следствие ухода под воду большого континента, называемого обычно Атлантидой). И его пожизненная ностальгия – по этой “затопленной родине” (ср. с затопленными пейзажами детства Тарковского), которая и позади, и все же и впереди, ибо возврат золотого века неизбежен. В стихотворении “Пришелец” он писал:

О, ты ищешь напрасно:
не найти уже здесь той небесной страны;
из смертных никто не знает тропы к ней.
Навсегда поглотило ее неприступное море.

Лишь немногие вод потопа избегли.
Горстка малая здесь, среди нас, их потомков.
Здесь и там, неизвестны, живут одиноко,
чтоб собраться всем вместе, когда час наступит.

Поскорее взгляни: вот один из них, странный,
вот Пришелец из той страны затонувшей.
Ссылным чувствует здесь он себя, как и ты же. <...>
(Перевод – наш.)

6

Что же лежит в основании той экстатической серьезности, с которой иенцы строили свою судьбу? «Обыденное существование – это священнослужение, почти такое же, как служение весталок. Мы заняты

ПОСТСКРИПТУМ

поддержанием священного и таинственного огня... Разве характер этой заботы не означает меру нашей верности, любви, нашего внимания к высшему, самый характер нашего существования?» Поэт и жрец – едины... Но так же живет и дзэнский монах, абсолютно неприметный в миру. Таково жречество Сталкера или Горчакова.

Ср. у Ф. Шлегеля: «Мир слишком серьезен, однако серьезность все же еще достаточно редка. Серьезность – это противоположность игры. <...> Серьезность – это величие в действии...» Какова побудительная причина такой серьезности? «Духовное лицо как таковое пребывает лишь в мире незримом. Как оно сможет явиться среди людей? У него лишь одно желание на Земле – формировать конечное для вечного...»

“Духовное лицо” Новалиса выявляло свою активность и в дерзновенных внутренних установках. Он полагал, например, что человек ответствен за “воспитание природы”; после одухотворения себя он должен заняться обожением и природы: «Человек – мессия природы». Как тут не вспомнить пафос речей Доменико в “Ностальгии”: «...Надо, чтобы наши глаза, уши, все мы напитались тем, что лежит у истоков великой мечты. Кто-то должен воскликнуть, что мы построим пирамиды. И неважно, если потом мы их не построим. Важно пробудить желание...» Или: «Нам нужно настроить наш мозг на гудение насекомых...»

Как ни странно, идея сталкеров принадлежит иенцам. Начинается эта фаза творчества жизни с отречения, с *Entsagen*, с того самого “инициационного самопожертвования в подлинную жизнь”, которое совершают герои Тарковского. Идея добровольного служения более высшему, чем ты есть сам, началу, с одновременным “пробуждением” этого высшего начала в себе, - любимая идея Новалиса. Более того, иенцы говорили о лучших людях, как о нашедших в себе сакральный центр, который становится их точкой опоры, так что эти люди способны стать “посредниками”, “вожатыми”, проводниками из профанного мира в сакральный, то есть *медиумами* или *сталкерами* в терминологии Тарковского. Более того, как писал Фр. Шлегель, “посредник – это тот, кто чувствует в себе божественное и отдает себя на уничтожение (сознательная жертвенность, явленная уже в Иване, а затем пробуждавшаяся в Крисе, Сталкере, Доменико, Горчакове, Александре. – Н.Б.), чтобы пророчествовать о божественном, чтобы сообщить его людям и представить в обычаях и действиях, словах и делах». Как тут не вспомнить одну из двух главных сюжетных линий “Ностальгии”.

Иенцы обладали реальным, а не примышляемым чувством Сущего; как говорил Тик: «Не предчувствие Бога, нет, а настоящее чувство». Выявлялось оно и реализовывалось универсально – в ритмах обычного дня, поднимаемого

ПОСТСКРИПТУМ

до внутренней экстастики. Собственно, сам этот подъем каждого дня жизни (разумеется, всего лишь попытки этого подъема) из остывшей, почти окаменелой функциональности в сакральность и был для них “романтическим” действием. Впрочем, В. Жирмунский, написавший замечательные комментарии к деятельности иенцев, знавший, насколько исказилось затем значение слов “романтизм” и “романтика”, предложил называть мировоззрение круга Новалиса *мистическим реализмом* (сам Новалис называл себя *магическим идеалистом*).

То чувство “иномирной” энергии в земном веществе, которое пронизывает фактурную плоть фильмов Тарковского, вне сомнения привело бы в восторг иенских мистиков, живших в городке с населением в пять или десять тысяч человек более двухсот лет назад. Для Новалиса, как пронизательно заметил Т. Карлейль, «невидимый мир не только имеет реальное существование, но только он один и существует, тогда как все остальное, не в переносном, но в буквальном смысле, употребляя это слово со всей научной точностью, есть лишь “призрак”, или как выражается поэт (Гете. – *Н.Б.*): “Schall und Rauch umnebelnd Himmelsgluth” – “Шум и дым, окутывающий блеск небес”. Невидимый мир – вблизи нас, или лучше сказать, здесь он, в нас и вокруг нас. Если бы снять телесную оболочку с нашей души, то великолепие невидимого мира окружало бы нас, подобно гармонии сфер, о которой рассказывали древние. Итак, не только на словах, но в действительности и с искренней верой Новалис чувствует себя окруженным со всех сторон Божеством, чувствует при всякой мысли, что “в Нем он живет, движется, существует”».

Тарковский, в присущей только ему форме, дает нам оживший в движущихся картинах феномен этой мистической двойственности.

Наступление рационального, технологичного человека уже в ту пору тревожило иенцев. Потому-то так милы были им времена, когда в чести были “вера и любовь” и не началось еще зарождение “новой религии” – “знать и уметь”. «Мудрые мира сего ошиблись, хотя ими руководило стремление к истине, - писал В. Вакенродер. – Они захотели обнаружить небесные тайны и вывести их на свет дневной, поставив среди земных вещей, и, смело настаивая на правах своих, они оттолкнули неясные, смутные, туманные чувства. Но разве может слабый человек осветить небесные тайны? Разве смеет он дерзко вынести на свет то, что Бог покрыл своей рукой? Разве он вправе надменно оттолкнуть *неясные, смутные, туманные* чувства, которые спускаются к нему, как таинственные ангелы?»

Здесь речь идет о реальном опыте *неназываемого*, о том познании, которое очень легко либо вычеркнуть из “человеческой зоны”, из зоны реальной культуры, либо спрофанировать. Рациональный, суперироничный человек

ПОСТСКРИПТУМ

современности попросту отбрасывает все это. Однако Горчаков всецело в опыте переживания “чувств”, не имеющих ни названия, ни источника, ни пристанища.

Но не только Горчаков исследует эти пространства безымянности, но и Сталкер, и даже Крис Кельвин, такой в общем-то стандартный продукт научной эпохи, даже он погружается внезапно для себя в область “неясных, смутных, туманных чувств”; вплоть до парадоксального, но абсолютно *романтического* утверждения, что “человечество сможет спасти только проснувшееся чувство стыда”.

В “Запечатленном времени” (немецкое издание) Тарковский писал: «... Александр для меня образ Божьего избранника, призванного к тому, чтобы разоблачить перед всем миром угрожающие нам, разрушительные для жизни, ужасные, ведущие к гибели механизмы бытия и призвать к *повороту*, к *возврату* – последней возможности спасения, остающейся у человечества.⁹

Божьими избранниками, Богом призванными являются, конечно, до известной степени также и другие; вероятно, инструмент Божьего умысла – почтальон Отто, который, как он сам говорит, собирает таинственные, необъяснимые происшествия, человек, о котором никто толком не знает, откуда он явился и как оказался в этом месте, где действительно происходит очень много необъяснимого. Затем это маленький сын Александра, а также Мария, ведьма; для всех них жизнь исполнена необъяснимого чуда, они движутся в воображаемом мире, а не в так называемом реальном и являются кем угодно, только не эмпириками и прагматиками. Никто из них не верит тому, что можно потрогать руками, скорее они доверяют образам своего душевного мира. Все, что они делают, странным образом отклоняется от нормального образа действий; им свойственны способности, которые в старой России приписывали юродивым. Эти люди уже одной своей внешностью нищих оборванцев обращали внимание тех, кто жил в отношениях “упорядоченности”, на существование того иного, исполненного пророчеств, спасительных жертв и чудес, мира, который находится по ту сторону всех рациональных и разумосообразных закономерностей. Лишь одно искусство еще хранит кое-что из этого.

Большая часть цивилизованного человечества в той мере, в какой она потеряла веру, утратила также и понятие о чуде; и сегодня человечество уже неспособно надеяться на удивительные, противоречащие всякой опытной логике повороты в событийном ряду или в том, что связано с восприятием или

⁹ Идея *возврата* приобретает здесь у Тарковского, как видим, новые, апокалипсисно-пророческие черты. Ср. у Хайдеггера: «Поэты – это смертные, которые, со всей серьезностью воспевая бога виноделия, ощущают след ушедших богов и таким образом прокладывают родственным смертным путь к Повороту».

ПОСТСКРИПТУМ

сознанием, и еще менее оно готово допустить вторжение необъяснимых трансформаций в собственную жизнь и довериться их преобразующей силе. Духовное обнищание, пришедшее с этими утратами, могло бы в какой-то степени приостановиться, если бы каждый человек понял, что он мог бы выстраивать свои пути не произвольно, по своей личной прихоти, но напротив – действовать, ощущая зависимость от Творца и подчиняясь его воле. Однако фактом является то, что сегодня дискуссия даже по самым простым морально-этическим проблемам имеет малый спрос, даже никакого, и уж ни в коем случае не в кинофильме...»

При всей трагичности этой констатации какая ясная формула: жить в блаженном подчинении воле Творца!

Как для иенцев занятия литературой были формой жизненной магии, способом религиозного действия и в какой-то степени пророчества, формой выявления в себе духа и до известной степени самотрансформации (художественно-религиозное моделирование собственной индивидуальности), так и Тарковский пытался сделать каждый свой кинофильм метафизически значимым поступком, а также вполне приватным экспериментом. И как Новалис имеет, быть может, большее значения для истории человеческого духа, нежели для литературы, так и Тарковский скорее выбивается из истории кинематографа, нежели плавно вписывается в нее, и *духовная* составляющая одиссеи Тарковского, на мой взгляд, гораздо более значима, чем одиссея сугубо художественная.

Я. Грантс, «Бумень. Кажницы. Номага», Челябинск, Издательство Марины Волковой, 2012, 160 с.

Круги ада, рондо, змея, кусающая свой хвост, – ассоциации, появляющиеся в голове при чтении стихов Яниса Грантса, – начинают плавное кружение, незаметно сужая круги и превращая их в спираль. Мысль бьет в одну и ту же точку, отступая, и возвращаясь снова и снова, и, наконец, смертельно ранит сознание, которое начинает воспринимать чужую боль как свою собственную. Новая книга – развернутый комментарий к прекрасной подборке стихотворений автора в «Графите» № 2. И сладко повторять:

сплошь хиросима вокруг. и внутри – сплошь хиросима

Б. Скотневский, «Сто одно стихотворение». Тольятти, Литературное агентство В. Смирнова, 2013, 119 с.

Сто одно стихотворение – автоконспект собрания сочинений Бориса Скотневского, интересный не только «взглядом изнутри», но и поэтическими автокомментариями. Внимательный читатель обязательно заметит, что некоторые стихотворения – например, про певицу в ночном ресторане («Не кричите, певица...»), или «ОМик-328» («Волга. Волны») – получили продолжение, проясняющее позицию автора, в виде новых строф или даже частей. Впрочем, Б.С. и без того известен недвусмысленностью поэтических высказываний.

Врете, пидоры: стог – золотой. Поле – черное. Ветер – прозрачный.

Т. Петрова «Из пригоршни упругих знаков...: художники, выставки, путешествия». Самара: НП "Дом искусств", 2012. – 155 с., ил.

Иллюстрированный сборник статей известного самарского искусствоведа Татьяны Петровой посвящен самарским художникам. Книга состоит из пяти разделов: «Самарский пейзаж» (К. Головкин, В. Пурыгин, И. Комиссаров, Н. Шеин, Ю. Филиппов, В. Белоусов), «Самарское измерение» (И. Дония, В. Рухмалёв, В. Батьянов), «Выставочные проекты», «Зарубежное искусство» (выставки в Самаре, Ширяевская биеннале), «Авангард». Использование в оформлении книги картин тольяттинской художницы Марины Шляпиной по умолчанию ставит ее работы в как минимум в один ряд с работами мэтров, творчество которых анализируется в опубликованных статьях, большая часть

которых впервые увидела свет в самарском журнале “Performance”. Значение этих статей для региональной летописи культурных событий из области живописи трудно переоценить.

Так Средняя Волга в удивительном завороте Самарской Луки окольцевала наших художников, привязав их к этому уникальному месту. Естественно, что она стала главной героиней их творчества...

В. Пелевин, «Бэтман Аполло». Эксмо, 2013, 512 с.

В своем новом романе Виктор Пелевин продолжает душеведческие исследования последних лет, рассматривая слабые места второй сигнальной системы человека и обусловленные ими проблемы, от сексуальных извращений до мифотворчества, через фильтры различных философских систем, с упором, конечно, на буддизм, через который, впрочем, по-прежнему вытарчивают уши Бодрийяра, Хаксли, Ницше. «Табуретки были старые, советские – грубые и прочные, сделанные в середине прошлого века. Сохранились они идеально – на древней коричневой краске не было ни одной царапины. Казалось, что они пропитаны космической болью – и космической мечтой, которая была просто отражением этой боли, миражом, отзеркаленным в другую сторону...» Разделавшись в S.N.U.F.F.’е с темой любви в своем творчестве, в новом романе Виктор Пелевин решил свести счеты с еще одной важной темой, манифестировавшей в «ОМОНе Ра». И, поскольку Виктору Пелевину свойственен системный поход, место для «радости-страдания» в «Бэтмане-Аполло» тоже нашлось (разве что не с прописной буквы). А также закономерному выводу: с чем бы человек ни имел дела в своей жизни, в конечном счете он имеет дело со своим Творцом. Виртуозное мастерство, с которым Пелевин создает свои фантасмагорические образы окружающей современного человека действительности, не менее – если посмотреть на нее хоть немного внимательнее, чем обычно позволяет ежедневная суэта - фантасмагорической действительности выказывает его достойным продолжателем дела Э.Т.А. Гофмана. И никакой фантастики.

Но будем реалистами, - продолжал он, - то есть, если перевести на современный русский, будем постмодернистами

«Василиск». Литературно-художественный альманах. Выпуск 8. Саратов, 2013, 156 с.

Восьмой номер литературно-художественного альманаха «Василиск» обращает на себя внимание в первую очередь тем, что его авторы – люди с филологическим, философским, литературным и медицинским высшим образованием (есть даже кандидат физико-математических наук и кандидат политических наук), участники (лауреаты, дипломанты и лонг-листеры) различных литературных конкурсов, чьи работа и образ жизни связаны с искусством, культурой, преподавательской деятельностью (есть даже телевизионный режиссер монтажа документальных фильмов), перформеры, блогеры (и даже редакторы литературных журналов) и проч. Всех их собрал «на этой проклятой сцене публичного слова» выпускающий редактор Д. Голин, чтобы показать, как преследующий свою видовую цель *homo sapiens* обрastaет «Речью, как прутья забора обрastaют деревом, становясь субстратом и материалом, образуя потустороннее, больное и темное, вещество слов». Лучше, наверное, и не скажешь. Виртуозно разработанная основная тема Предисловия богато иллюстрирована приложенными текстами.

Когда свирепствует ментальная чума.. Д. Голин.

Е.А. Ламихов «Очерк русской поэзии XX века», М., Дом-музей Марины Цветаевой, 2013, 215 с.

Вышедший из-под пера рЕЛиктового Книгоящера – московского библиофила и букимиста Е. Ламихова – сборник статей, представляющих самобытный взгляд автора на русскую поэзию XX века, имеет подзаголовок «Досужие опыты неформального литературовидения» (Книга первая). «Поколенческая» периодизация русской поэзии, поэт и время, разделение поэзии на русскую и русскоязычную, роль поэтесс в русской поэзии XX века – неполный список волнующих автора тем. В дизайне обложки использованы элементы оформления книги стихов Ивана Коробова «Далекие огни» (1913).

Полагаю, наиболее удачным вариантом структурной модели Поэзии является обыкновенная «хрущёвская пятиэтажка» - всемирно известное неказистое сооружение в пять этажей, с неглубоким подвалом, без лифта и чердака.

«Белый Человек», Самара, 2012, 40 с.

«Белый человек» образца 2012 года неожиданно оказывается цветным и глянцевым (подобно БЧ-2011, только наполовину меньшего формата); впрочем, только снаружи. Внутри по-прежнему черные буквы на белых листах, и вечные темы, и вечно новые встречи с ними. Все, что можно было бы написать в мини-обзоре этого издания (а именно на этом формате настаивает редактор данного), можно прочесть на второй странице обложки, и это правильно. Приятно, что дружный коллектив авторов (А. Жигалова, Л. Немцев, М. Богатов, П. Хуртина, С.Рутинов, А.Курчатова и Я.Клинк), выступающих под знаменем А. Темникова, по-прежнему не пускает дело оповещения аборигенов о существовании параллельного мира культуры и творческого духа на самотек. Альманах вызывает живой интерес, его приятно держать в руках, рассматривать, и читать. А некоторые программные вещи, такие как «Что я об этом думаю» А. Темникова, «Как Тесла» Л. Немцева, «На потолке» М.Богатова – и перечитывать.

Все твои попытки сделать хотя бы один самостоятельный шаг материал будет строго пресекать, пока он сильнее тебя» - А. Темников.

«Контрабанда». Журнал о современной русской литературе. №1 (23), 2013. М. 64 с.

Очередной (первый за этот год) тематический номер «Контрабанды» посвящен культурной жизни Самары. В некотором роде московская «Контрабанда» - антипод самарского «Белого Человека»: если БЧ постулирует трансцендентальное искусство как нечто противоположное журналистике, то «Контрабанда» как раз имеет своей целью их плодотворный союз. В номере представлены статьи о «Самарская Чита», «Социо-Арте», фокусирующимся на арт-терапии людей с инвалидностью, Ширяевской биеннале и «Груше», дающие живое представление о фестивальной жизни Самарской губернии. Довольно большая часть текстов принадлежит перу Виктории Сушко, и надо отметить, что они нисколько не хуже ее «Записок о несуществующем городе» из «Графита» № 2. Другая довольно большая часть материалов, среди которых сразу обращает на себя внимание неожиданная (кому из резидентов придет в голову критиковать маэстро) и остроумная критика книги стихотворений С. Лейбграда, написана редактором журнала А. Караковским. Есть и обзор самарских книг и журналов, среди которых, к сожалению, отсутствует БЧ

(тоже А. Караковский). Сбалансированность материала обеспечивается за счет довольно большого массива стихов и прозы самарских авторов, обойти молчанием присутствие, среди которых Георгия Квантришвили, Константина Латыфича и Сергея Щелокова никак нельзя.

«Эти переусложненные конструкции на грани выпендрежа, тем не менее, несут свой культурный код – исчезающий в момент их озвучивания и поэтому невольно вызывающий сочувствие. Зато после таких статей отлично воспринимаются прекрасные статьи Андрея Косицына «Столичный быт как пространство смерти», Леонида Немцева «Влияние прописных истин на восприятие эстетического явления» и т.п.» - А. Караковский (об альманахе «Черные дыры букв», Самара, 2012)

Елена Карева

"Город". Журнал тольяттинской писательской организации, № 32, 2012 год. Тольятти, 336 с.

За что я люблю тольяттинский литературный альманах «Город» - он даёт мне возможность почувствовать себя лондонским джентльменом. В нём есть авторы, которых я читаю всегда, и есть авторы, которых читать не стану. У «Города» есть прочный литературный каркас: три замечательных женских имени – Шляпина Марина, Гоголевич Татьяна и Карева Елена (графика, проза, поэзия), и три мужских - Скотневский Борис, Стрелец Виктор и Мисюк Владимир (поэзия, литературоведение и редакция). Эти две триады позволяют мне мириться с любыми недостатками (органическими или случайными) альманаха, даже с таким тяжёлым, как Иван Егоров с его фатально плоскими текстами, напоминающими заготовки к очередному сценарию для сериала. Впрочем, это сугубо личное восприятие.

Редактор журнала В. Мисюк был бы хорошим поэтом, если б в последнее время ему удавалось не выплёскивать свои раздражение и чёрную меланхолию (читай, злобу) на бумагу, а сублимировать их в более глубокое отношение к действительности. Ни в моих рекомендациях, ни в оценках он не нуждается, однако досадно продираться сквозь шелуху его нынешних площадных строчек к чудесному ядрышку единственного четверостишия:

И шумит широко листва / над осенней моей державой. / И душа до сих пор жива, / несмотря на карман дырявый.

Самарский поэт Игорь Крестьянинов с трогательно-смиренной подборкой стихов гостит в этом номере "Города", но в ней же пеняет Мисюку за попустительство «бесам гордыни» и за склонность «выплескивать беды свои», и не многие известные мне поэты, будучи редакторами, допустили бы столь нелицеприятную для них публикацию. За одно это снимаю шляпу перед Владимиром Николаевичем.

Проза Татьяны Гоголевич – счастливая встреча с человеком, с детских лет неистребимо пропитанным радостным изумлением перед окружающим нас миром. Её повесть "Средняя Азия" упрекают в бессюжетности, но для меня это бессюжетность утренних гор, цветущего сада, звездной ночи.

"Я ... делила людей на тех, кто отзывается на движение Земли в Космосе и тех, кто, зная, что она летит и вертится, воспринимали её плоской и неподвижной".

Органичен на страницах журнала "долгожданный поэт" Борис Рыжий. Кому как, а меня порадовали его переключки с Федерико Гарсиа Лорка и с Арсением Тарковским. Кстати, в одной из интернет-биографий Рыжего ошибочно утверждалось, что он тольяттинский поэт, но, перечитывая его стихи в контексте этого номера, легко этому поверить.

Интересно наблюдать, как разменяв четвертый десяток номеров, "Город" умудряется открывать новых (для себя) литераторов с солидным жизненным опытом. Впервые попав на его страницы, Вячеслав Лобанов зацепил меня своим личным конфликтом с временем: *Время сжирает нас...* в котором не ужас, но подступы к соломоновой печали.

Давно взяли меня в плен два постоянных литературных критика журнала. Вячеслав Курбатов мучительно проживает полуторавековой давности ссору Толстого и Тургенева. Казалось бы, "что ему Гекуба", но проявляется в неловких поворотах свары "великих стариков" внутренний и вечный конфликт русской литературы.

Виктор Стрелец рвёт голову и сердце над загадкой Тютчевского "SILENTIUM", как многие и многие писатели и литературоведы до него, и эти реплики-отклики-размышлизмы читаются как увлекательнейший роман. Его "Отсебятина" из номера в номер побуждает меня читать альманах с последних страниц.

С интересом заглянул в раздел переводов и – ошалел слегка, когда усилиями Александра Фанфоры, вспомнившего украинский, Тарас Шевченко в середине 19-го века пишет о рухнувшей империи, свободе слова и евродолларах (даты – от 1845 до 1860 – проставлены аккуратно). Пожалуй, предпочту читать "Кобзаря" в оригинале.

Молодой во всех смыслах литератор Алена Бударина, надеюсь, пополнила ряды постоянных авторов "Города", который три года назад и открыл её своим конкурсом "Молодые литераторы-2010". Это, признаюсь, тот примечательный случай, когда система взглядов автора и его жизненная позиция не совпадают с моими, но – весьма интересны. Это стихи не вялого созерцателя, но человека активного, решительного, быть может, в чём-то ошибающегося, но – ищущего дорогу, точку приложения сил, кредо, преобразующего себя и пространство вокруг, человека, в полной мере неравнодушного.

*Я в этом городе, в котором дороги плавятся / Оставляя иллюзию
длинных свободных дорог / Выросла. Бог мой, Вам это нравится? / Вы смогли
бы здесь вырасти, дорогой Бог?(А. Бударина)*

Андрей Северский, "Мост", книга стихотворений, опыт поэтического манифеста, Студия "Единорог", Челябинск, 2013 г., 232 с.

Зачем человек пишет стихи? Не рифмованно-ритмизованные строчки, не прихотливые конструкции, наполненные созвучиями и образами – СТИХИ. Для некоторых пишущих и некоторых читающих этот вопрос равнозначен другому: зачем человек живёт?

Неплохо, если литератор время от времени задает этот вопрос себе. Хорошо, если побуждает задуматься над этим читателя. Дорогого стоят его попытки честно ответить на этот вопрос.

Человек, вопрошающий себя о смысле своего творчества, как о смысле жизни, способен обмануться и гораздо менее способен обмануть. И пусть я даже не приму однозначно сказанного им, не осознаю всей глубины и сокровенности его поэтических строк, я перечитаю их ещё и ещё раз, вдумаясь в них, вслушаюсь в их отзвук во мне, всмотрюсь в окружающий меня мир. Вовсе не для того, чтобы убедиться в правоте Поэта. Больше для того, чтобы убедиться в осмысленности своей повседневной жизни. Чего же больше?!

*Сочиненное слово не выше креста. / Потому и слова не значительней
жизни.*

Впрочем, есть и больше. Попытаться сказать о Главном поверх стихов. Не посредством стиха, а отодвинув его, став рядом с ним и НАД ним. Потому что, как ни жаль, мы привыкли к стихам, привыкли к словесной эквилибристике, к версификации, как поэтическому трюкачеству, к Слову, как

предмету эстетики, подменив этическую сущность его морализаторством и всеильными интересами государства ли, общества ли, класса ли, человека... Для того чтобы соотнести Слово и Бытие, надо хотя бы привлечь пристрастное внимание к Слову.

Потому для меня в этой книге более важным оказывается не Поэзия, а Манифест. С первого взгляда это попытка объясниться с читателем, почему поэт пишет Так. Но мы-то *искушенные читатели*, мы-то знаем, что стихи надо писать, а не объяснять. Потом кажется, что это какой-то анекдот. Ну, в самом деле: во-первых, цель поэзии – Бог, во-вторых, Бог непознаваем, в-третьих, Бог не существует... Ну, и что после этого прикажете делать с поэзией? К дальнейшему чтению подвигает только любопытство: как же автор будет выкручиваться из этой ситуации – впереди ведь ещё 130 пунктов Манифеста?

И только продравшись сквозь рогатки собственного скепсиса и верхоглядства, начинаешь понимать (пусть не принимать) поводы и причины отчаянной попытки автора докричаться, достучаться до равнодушного читателя, собеседника, соавтора, как ни претенциозно это звучит. Хочется, чтобы достучался.

Что есть твоя жизнь? Послание, направленное лично тебе. Коан, который тебе (и лишь тебе) дано (или не дано) разрешить. Ты – образ внутри... поэмы творца и, постигая смысл этого образа в пространстве... поэмы, ты движешься навстречу Ему.

Элла Крылова, "Сон Фиолента", стихи. "Геликон-плюс", Санкт-Петербург, 2013 год, 150 с.

Пожалуй, читать эту книгу надо так же, как входить в море, не оглядываясь на других, оставаясь один на один с пространством стиха. Не факт, что понравится, зато восприятие будет искренним, не наносным.

Здесь мне стоило бы замолчать и адресовать читателя непосредственно к стихам. Но я-то уже искупался! И пробовал воду ногой, и ежился под брызгами, и с сомнением вглядывался в то, что плавало у берега, и...

...У этих стихов есть свой аромат. Очень неровные – временами напоминают опусы старательной школьницы. Очень торопливые, временами напоминающие черновик каких-то будущих стихов. Очень незатейливые – временами до дневниковой банальности...

И вдруг ловишь себя на том, что чувствуешь - соленый запах волны, сухую горечь степного Крыма, терпкую влагу опавшей листвы, запах свежего кофе на столе литератора.

Постоянно спотыкаюсь на странных формах слов, оч-чень уж авторских ударениях, прихотливых словообразованиях – для безоговорочного принятия всего этого мне не хватает доверия к мастерству автора.

Но здесь, и здесь, и – там натыкаюсь на мысль, образ, фразу, строфу, которые хочется перечитать, передумать, пережить.

Иной раз хмыкнешь – экая ширь безбрежная тем, религий, взглядов, экая лёгкость необычайная слов, определений, сравнений, выражений. Поверхностность и легковесность – не более? И сам себя одернешь: а может, это просто Человек Играющий - во всей своей красе. Начитанный, умный, незашоренный. Талантливый.

Может быть, не хватило этой книге возможности отстояться. Всё, что было написано за полгода, тут же и напечатано. Понятно, что для автора стихи дороги привязками к ситуациям, воспоминаниям, чувствам. Но мне в этой книге многое показалось лишним, "понижающим градус, ухудшающим вкус".

Но, быть может, это те мелкие камешки, "скрупулюс", что непременно попадают в сандалии путешественника по горным дорогам, жизненным и поэтическим путям, и нужны хотя бы для того, чтобы порадовать его возможностью остановиться, выбросить, и идти дальше лёгкой походкой.

И главное: мне не удалось наскоро пролистать эту книгу. И не удалось тут же забыть, перелистнув последнюю страницу. Здесь лёгкая радость женщины, хорошо знающей, что такое боль и потери. Здесь скорпись поэта, постоянно и серьёзно размышлявшего о жизни, о мире и о себе. Здесь восхищение красотой человека, понимающего, как неслучайна и весома эта красота.

И чужая боль разрывает сердце ей - / это жемчужина в ней растёт.

"Хайкумена". Альманах поэзии хайку, выпуск 4, 2011 год. Memorics, Москва, 448 с.

Перед редакцией альманаха стоит сложнейшая задача – адекватно отобразить современное состояние русского пласта искусства хайкай (хокку), несколько не забывшего своей японской почвы, но прочно вросшего в российское литературное пространство. Получился не столько моментальный снимок этого "перекрёстка культур", сколько весомое энциклопедически содержательное издание, где оказалось достаточно места и теории и практике

хайку. Пожалуй, "Хайкумену" (даже в пределах одного выпуска) можно было бы вполне использовать как практический обучающий курс начинающего и совершенствующегося хайку-поэта с некоторым экскурсом в основы поэтического перевода.

К счастью, у создателей альманаха отсутствует даже малейшая предвзятость по отношению к интернет-составляющей современной литературы и значительную (если не основную) часть издания составляют прелюбопытнейшие и содержательные обсуждения проблем и вопросов хайку-поэзии и даже коллективные творческие акции в виде пёстрого веера конкурсов хайку в Живом Журнале, на сайтах АРОМАТ ВОСТОКА и STINI.RU. Причём, достаточно полно оказалась представлена самая интересная часть подобных конкурсов, как-то: живое обсуждение творчества конкурсантов на всех этапах отбора, что в традиционных конкурсах обычно остается скрытым от широких масс заинтересованных и сочувствующих зрителей.

Спектр обзора современного российского (и не только) хайку-творчества широк настолько, насколько это возможно вообще для бумажного издания, не теряющего понятия о вкусе, нашлось место и такому необычному явлению, как фотохайку.

И без того прочный костяк альманаха подкреплён профессиональной критикой, комментариями японских литературоведов и российских профессиональных переводчиков. А материалы с V конференции всемирной ассоциации хайку добавляют акценты, важные для понимания размерности пространства Хайкумены как области поэтического творчества человечества в целом.

Стоит только помнить, листая альманах: сотни и тысячи хокку, представленные в нём, равно как десятки и сотни их авторов, лишь краешек этого пространства.

- Посмотри на красивую снежинку,/ говорит дочь,/ сидя на снегу. (Абрам Юсфин)

Сергей Пиденко

Альманах «Черные дыры букв», №3. Самара, 2013 г.

Это роскошно выполненное издание – некий годовой отчет о проделанной работе авторов, так или иначе связанных со СГАУ. В альманахе около 10 рубрик, отражающих различные сферы литературы: поэзия, проза, переводы,

эссе, философские миниатюры и т.д. Трудно выделить наиболее сильные материалы, однако сделать это нужно.

Прежде всего, обращает на себя внимание внушительный по объему раздел поэзии, в котором рядом с произведениями известных поэтов (Андрей Тавров, Сергей Щелоков, Константин Латыфич) напечатаны стихи молодых авторов (Саша Антип, Мария Пивоварова, Анастасия Сачева, Александр Фральцов). Проза также присутствует, но в небольшом объеме.

Крайне значителен раздел научных статей и эссе о поэзии и медиа: статьи Натальи Федоровой о генеративной поэзии, Михаила Погарского - о книге художника, Елены Богатыревой - о топологии слова. Авторы заботит судьба книги и художественного слова в нынешнем визуальном и медийном мире.

По словам редколлегии альманаха, они выстраивают диалог между различными литературными мирами, ставя вопрос о так называемом будущем литературы. Очень солидное и красивое издание, выходящее за рамки университетского сборника.

Книга художника преодолевает дихотомию хаоса/порядка, одновременно устанавливая хаос в мире порядка и порядок в космосе хаоса (Михаил Погарский)

Веселье Ебинизера. Кузьма Курвич, «Наивная брутальность-2», Дмитрий Недецкий, «13 грехов священника Недецкого», Василий Свиноухов «Пуд сала», Самара, 2012 г.

Об этой литературной группе, образовавшейся уже давненько, в 2001 году, последнее время много пишут. Видимо, не зря. Активность этого коллектива авторов приятно радует. Ребята участвуют в читках современной поэзии, фестивалях, литературоведческих семинарах, посещают выставки и концерты – в общем, стараются не затеряться в самарской и российской художественной тусовке.

Передо мной три книги поэтов, составляющих поэтическую группу «Веселье Ебинизера». Кузьма Курвич, Дмитрий Недецкий, Василий Свиноухов. Как вы понимаете – все это самый настоящий самиздат, хенд-мейд. Не готов выносить оценки индивидуальной манере каждого из авторов. Безусловно, какие-то отличия есть, но именно в совместном творчестве и создается коллективный субъект Веселья.

Легче заметить то, что объединяет этих поэтов – общие эстетические установки, внимание к миру улицы, маргинальность, ориентация на наивность, тема алкоголизма, фрагментарность мышления, нарочитый цинизм, ложное

невежество, тема жестокости. Именно в таком неформатном словесном творчестве все трое и выражают себя. Крайне интересным представляется концептуальный подход к созданию каждой книги. Например, книга Недецкого вращается вокруг темы грехов – 13 разделов книги соответствуют 13 мифологизированным грехам пацана.

Книга Свиноухова, сочетая каждую главу с гастрономической темой, каждым килограммом, полностью оправдывает свое название. Ну и, наконец, книга Курвича вертится вокруг постоянного творческого девиза «насилие и разврат в массы».

Что ж, самиздат «Ебинизеров» делает свою работу – эпатирует, раздражает, веселит и вызывает живую реакцию. Именно поэтому концептуальную задачу этой серии книг можно считать выполненной.

Бешенная мразь зимует внутри промерзшего тела (Кузьма Курвич)

Может слизень, а может амеба, сам не знаю, что за существо (Недецкий)

Просыпаюсь последнее время – вкус копченый во рту (Свиноухов)

Филипп Жакоте, «Прогулка под деревьями». Москва, «Текст», 2007 г.

Этот удивительный швейцарский поэт и прозаик пишет в итоговой книге практически обо всех явлениях мира: о цветах и альпийских деревьях, о музыке Рамю, о тишине в горах, о поэзии Рильке и Мандельштама. Заметно, что автор полон глубокого восхищения и благоговения, у него есть страсть познания и неиссякаемая способность удивляться.

Половину книги занимает дневник поэта, половину – стихи и короткая проза. Почему дневник? Дневник – это максимально искренняя, даже интимная, форма разговора с читателем. Именно так – тихо и проникновенно звучит музыка слов Жакоте, она невольно захватывает и не дает остановиться во время чтения. Ясно, что такой поэт мечтает не о поклонниках и последователях, а о достойных собеседниках, также погруженных в загадку жизни.

Интонациям автора веришь, он мыслит нюансами, отличительная особенность которых – предельная точность описания, глубина погружения в предмет. Провести параллели с современными ему авторами мне достаточно просто – Айги, Мишо, Хандке, Бонфуа. С последним у Жакоте особенно много общего, особенно когда он пишет об искусстве. Вот, например, что он пишет о музыке Листа: «Всякая виртуозность забыта, кажется, здесь нет больше никого, кроме странника, почти наугад бредущего по бескрайнему пространству».

Весь день убогие голоса/ невидимых птиц/ час отбитый в травах по золотому листу/ самое обширное небо

Сергей Сумин

АВТОРЫ

АЙВЕНГО. Поэт. Родился в 1971 году. Живёт в городе Тройник. Публиковался в столичных и провинциальных изданиях. Автор многих самиздатовских книжек.

Болдырев Николай. Родился в 1944 году. Закончил филфак УрГУ. Автор пяти стихотворных книг. Критик, переводчик. Живет в Челябинске.

Гоголевич Татьяна. Прозаик. Родилась в 1962 г. в Ставрополе-на-Волге (теперь Тольятти). Публикации в литературных сборниках Тольятти, Самары, Москвы, книга стихов «Алые яблони», 2004 г., книга прозы «Мой остров», 2009 г. Член Союза Писателей России с 2005, Член Союза Российских писателей с 2006 г. Живет в Тольятти.

Гурская Альбина. Дата рождения 1988 год. Родной город – Тольятти. Образование: магистр физики, СамГУ. Живет в Самаре с 2010-го года. Участвовала в различных литературных мероприятиях, в частности, в собраниях литературного объединения «Девятая студия».

Карева Елена. Поэт, критик, переводчик. Родилась в 1962 году. Автор двух стихотворных книг, а также многочисленных публикаций стихов и статей в журнале «Город». Живет в Тольятти.

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Князев Андрей. Родился в 1972 году. Поэт, прозаик, музыкант. Активный участник поэтической группы «Олимпийские игры». Публикации в местной и столичной прессе. По профессии – программист. Живет в Тольятти.

Лисин Виктор. Родился в 1992 году в Нижнем Новгороде. Публиковался в журналах: «Лампа и Дымоход», «Новая Литература», «Ликбез», «Новая Реальность», в альманахе «45 параллель» и на сайте «Полутона». Живет в Нижнем Новгороде.

Науменко Виталий. Поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1977 году в городе Железногорске-Илимском Иркутской области. Окончил Иркутский университет. Автор пяти книг стихов. Лауреат премии имени Виктора Астафьева. Многочисленные журнальные публикации. Живет в Москве.

АВТОРЫ

Омар Канат родился 13 августа 1971 года. Поэт. С 1990 года в Ленинграде, в 1996 году закончил Санкт-Петербургскую Государственную Академию культуры. С 1996 года в Павлодаре, с 2001 живет в Астане (Казахстан). Многочисленные публикации в литературных журналах.

Перегудов Дмитрий. Родился в 1987 году. Писатель, эссеист. Живет в Тольятти. Публиковался в местных изданиях, сборниках «Между строк».

Пиденко Сергей. Родился в 1960 году. Поэт, прозаик, бард. Печатался в белорусских и российских журналах и альманахах, а также в самиздате. Издал 2 книги белорусских русскоязычных авторов. Руководил клубом авторской песни «Бардовская среда». Живет в Тольятти.

Сапожков Владимир. Родился в 1968 году. По образованию – историк. С 1992 по 2008 годы жил в Тольятти, работал журналистом в газетах. Сейчас – экскурсовод в Самарской Луке. Живет в Жигулевске.

Сумин Сергей родился в 1973 году. По образованию – филолог. Опубликовано в сборниках «Нестоличная литература» и «Самарский верлибр», журналах «Волга», «Василиск», «Новая реальность», «Гипертекст». Около 20 интернет-публикаций. Активно занимается самиздатом. Живет в Тольятти.

Сушко Виктория. Родилась в 1985 году в Тольятти. Окончила Самарский государственный университет по специальностям «культурология» (2008 г.) и «социология» (2011г.). Публикации: литературные журналы «Город», «Название», «Берега», «Гипертекст». Живет в Москве.

Тарадова Мария. Прозаик, художник. Родилась в 1991 году, окончила техникум. По профессии – графический дизайнер. Живет в Тольятти.

Тишин Игорь. Родился в Чистополе в 1990 году. Учился в Казанском государственном университете. Сейчас живет в Казани и работает журналистом в татарстанском интернет-портале KazanFirst. Автор сборника стихов "История болезни", руководитель лито "Бутылка Клейна"

Черников Петр. Родился в 1983 году в Таганроге. Посещал всевозможные городские ЛИТО. Публиковался в местной печати, в коллективных сборниках. Закончил Южный федеральный университет (специальность – «Культурология»), Литературный институт. Кандидат философских наук. В настоящее время проживает в Москве.